

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ОЧЕРСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА

ТРЕУГОЛЬНИКИ СУДЬБЫ

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ

ТРЕУГОЛЬНИКИ СУДЬБЫ

**ББК 63.3(2)62 К
Т66**

Треугольники судьбы: сборник очерков и историй о солдатах Великой Отечественной войны на основе документов из личных архивов жителей Очерского городского округа / автор-составитель М. А. Шардаков. – Очер: Центральная библиотека Очерского городского округа, 2020. – 225 с.

*Издано при поддержке Министерства культуры
Пермского края в рамках проекта «Треугольники судьбы».*

Корректурa и верстка Е. О. Шадская
Тираж 40 экз.

Распространяется бесплатно

СОДЕРЖАНИЕ

Треугольники неумолкающей памяти (от автора-составителя).....	3
Почтальон Бушуев.....	6
«Я чувствую, что родители плачут день и ночь...».....	9
По строчкам зыбкой памяти	22
Целую крепко, ваш Сашка.....	34
Время первых.....	44
«Ничего нет особенного – война».....	48
Его зарыли в шар земной.....	74
«Смотри, какая туча идет...».....	81
Судьба военкора.....	89
В дни поражений и побед.....	94
Тотлебен XX века.....	102
«Здравствуй, дальняя моя родная...».....	113
С заботой о земляках.....	116
Лучший тенор 1-го Украинского.....	120
Кто сказал, что надо бросить песни на войне?.....	131
«Если и умрем, то со славой за Родину...».....	141
Опустела без тебя Земля.....	146
За наше счастливое детство.....	149
Сквозь круги ада.....	154
Ночные думы старшего сержанта.....	159
Отомщу немецким зверям!	164
«Удивляюсь, что до сих пор невредим».....	168
Герой войны незначимой.....	171
О днях-пожарищах, о друзьях-товарищах.....	174
Без вести пропавших голоса.....	189
Поколение лучших.....	195
Плененный, но не сдавшийся.....	206
Приучайте сердца к разлуке.....	212
Именной указатель.....	221

ТРЕУГОЛЬНИКИ НЕУМОЛКАЮЩЕЙ ПАМЯТИ

От автора-составителя

Солдатские треугольники... Старая пожелтевшая от времени бумага почти истлела на сгибах, продавленных больше семидесяти лет назад натруженными пальцами бойцов Красной Армии. В сырых окопах – на винтовочных прикладах и патронных ящиках. В осыпающихся от близких разрывов блиндажах – под мерцающий огонек коптилки, сделанной из снарядной гильзы. В жаркой тесноте башни танка или кабины боевого истребителя. В мерно качаемом волнами корабельном кубрике. Поэтому на иных письмах засохли кусочки окопной глины с приклеившейся травинкой, пятна мазута или капли соленых брызг. Давно выцвели чернила, поблекли почтовые штампы, некоторые строки уже совсем не читаются...

Письма с фронта до сих пор бережно хранят во многих очерских семьях. У каждого солдатского треугольника своя история: счастливая или печальная. Случалось, письма запаздывали. И приходили после похоронных извещений. А матери и жены верили: похоронка пришла по ошибке. И ждали – годами, десятилетиями...

А за все годы войны почта доставила около 6 миллиардов писем – в жару и лютый холод, под бомбежками и обстрелами, даже во время блокады Ленинграда и осады Севастополя. Самолетами, поездами, судами, на оленьих упряжках, на конной, а больше всего – людской тяге, ногами неутомимых военных почтальонов.

В нашей стране пересылка корреспонденции с фронта (кроме посылок) была бесплатной. Поначалу письма отправлялись на номер полевой почтовой станции, номер воинской части с указанием фамилии адресата. С 5 сентября 1942 года открытое наименование части было заменено условным номером, а 6 февраля 1943 года по приказу Наркома обороны были введены пятизначные номера полевых почт. Категорически запрещалось указывать место дислокации части, ее действительное наименование, а также воинское звание, должность и специальность адресата.

Самым массовым видом почтовых отправок стал солдатский треугольник. Мелко исписанные и сложенные втрое бумажные листы решали вопрос острой нехватки стандартных конвертов. Конверт-треугольник – обычно тетрадный лист бумаги, сначала загнутый справа налево, потом слева направо. Оставшаяся полоса бумаги вставлялась внутрь треугольника – попробуйте сами сложить нехитрый конверт, как это делали ваши предки на фронте... Готовое к отправке письмо не заклеивалось – сперва его должны были прочитать сотрудники военной цензуры. Почтовая марка на солдатских письмах была не нужна, адрес писался прямо на наружной стороне треугольника. Другими видами корреспонденций были почтовые карточки и открытки, «секретки» (лист бумаги складывался пополам: снаружи было место для адреса, пометок и иллюстраций, а внутри – текст самого письма), посылки и бандероли из тыла на фронт, а с декабря 1944 года – и с фронта в тыл.

Советское правительство серьезно относилось к работе почты, понимая, что каждая полученная весточка от родных и близких придавала красноармейцу сил и вдохновляла на новые подвиги. Вовремя доставленное из дома письмо было порою для бойца гораздо важнее, нежели лишний автоматный диск и граната в вещмешке, солдатская каша из полевой кухни или наркомовские «сто граммов». А тысячи женщин по всей стране часами караулили у калиток почтальонов в надежде на то, что они, наконец, принесут им добрые известия от их мужей, сыновей и братьев. И одновременно боялись, что в их дом постучится похоронка...

Дневниковые записи и письма очерцев с фронтов Великой Отечественной – документы могучей силы. В пропахших порохом строках – грубость окопных будней и нежность солдатского сердца, суровая правда войны и неистощимая вера в Победу. Одни писали пространно и подробно, другие – скупое, ссылаясь на нехватку времени из-за боев. Нашей редколлегии было очень сложно читать эти строки – порой, комок застревал в горле и наворачивались слезы на глаза. Но читая их, мы узнавали, какие все-таки замечательные люди жили тогда в Очере!

Ведь в первые же дни после объявления Германией войны Очерский военкомат с огромным трудом справлялся с наплывом призывников. Большинство, не дожидаясь мобилизации, записывались добровольцами. Шли кадровые рабочие, у которых была «бронь», из деревень под звуки гармонии и бабий плач ехали подводы со вчерашними колхозниками. Меняли гражданские костюмы на военные гимнастерки школьные учителя – вместе со своими воспитанниками. Сводили с ума усталого от недосыпа военкома несовершеннолетние пацаны и девчата – прибавив себе год-два, поднимаясь на цыпочки, чтобы стать выше ростом, и хмуря брови, чтобы казаться взрослее. Обивали пороги военкомата седоусые мужики, бывшие германца еще в 1-ю империалистическую и отшагавшие по пыльным дорогам гражданской. Шли освобожденные от военной службы по здоровью, порой – даже инвалиды. Разве могли фашисты вместе с любым своим «чудо-оружием» победить этих людей? Конечно, нет...

В год 75-летия Великой Победы Центральная библиотека Очерского городского округа при поддержке Министерства культуры Пермского края реализует проект «Треугольники судьбы», главной целью которого стало создание этой книги. Уверен, этот сборник – только начало и мы при любых условиях постараемся продолжить это святое дело. Многие обращения и письма не дошли до нас или пришли с опозданием из-за пандемии коронавируса и связанных с ней организационных неудобств. На страницах этой книги мы вновь обращаемся к землякам, кто хранит письма, фотографии, военные дневники или воспоминания своих предков-фронтовиков, и к ответственным лицам предприятий и организаций, в чьих архивах или музейных запасниках есть подобные документы. Присылайте или приносите их к нам, чтобы поделиться памятью о героях ушедшей эпохи.

Максим Шардаков

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК СССР № 25 ОТ 07.01.43
О БЕСПЛАТНОЙ ОТПРАВКЕ ПИСЕМ
ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ И В ИХ АДРЕСА**

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

Установить на время войны, что личные простые письма и почтовые карточки, отправляемые всеми военными служащими через военно-полевые (морские) почтовые органы, воинские части, учреждения и заведения Красной Армии и Военно-Морского Флота, пересылаются бесплатно.

Также бесплатно пересылаются личные простые письма и почтовые карточки, адресуемые военными служащим Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. МОЛОТОВ

ПОЧТАЛЬОН БУШУЕВ

Бушуев Иван Иванович, 1904 г.р., д. Бушуево Очерского р-на; стрелок Севской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии; боевые награды: орд. Славы 3-й ст., мед. «За боевые заслуги» и др.¹

У каждого человека есть дорогие его сердцу реликвии. Имеются они и у жителя деревни Бушуево Нововознесенского сельсовета И. И. Бушуева. <...> В личном архиве Ивана Ивановича бережно хранится изданная редакцией фронтовой газеты «В бой за Родину!» памятка о славных днях Севской дважды Краснознаменной, ордена Суворова 2-й степени, ордена Кутузова 2-й степени дивизии. В памятке говорится о доблестном боевом пути этого соединения, сформированного в тяжелые дни декабря 1941 года.

В апреле 1942 года воины дивизии держали оборону на Смоленщине, 10 месяцев прикрывали своей грудью дальние подступы к Москве. С февраля того же года дивизия входила в состав Центрального фронта и под командованием К. К. Рокоссовского гнала и уничтожала фашистов от Курска до немецкого портового города Росток.

В памятке также говорится: «Первый удар нанесли наши войны немецким полчищам под Древним русским городом Севском. Десна и

¹ Книга Памяти 1941-1945. Очерский район. – Том 2. – С. 89.

Днепр, Западный Буг и Нарев, Висла и Одер – реки, которые мы, форсировали... Девятнадцать раз салютовала нам Москва»...

Последнюю победу в минувшей войне дивизия одержала 6 мая 1945 года, овладев островом Рюген.

О наших походах суровых
Рассказывать будут везде.
Товарищи, Севской стрелковой
Вы славу умножьте в труде!

Так заканчивается песня этой дивизии, которая «никогда, ни одной пяди земли, отвоеванной у врага, не отдавала обратно». <...>

В этой прославленной дивизии и воевал Иван Иванович Бушуев: был артиллеристом, стрелком-пехотинцем, почтальоном. Вот вырезка из красноармейской газеты от 22 октября 1942 года:

«Спешит боевой почтальон Бушуев к переднему краю обороны, доставляя бойцам и командирам письма от родных и любимых, газеты и журналы. «Это наш аккуратный почтальон», – говорят бойцы, увидев его издали, и встречают с распростертыми объятиями. Раздав письма и газеты, Иван Иванович открывает свой ларек, снабжая бойцов открытками, конвертами, бумагой, помогает бойцам правильно написать адреса... Почтальона Бушуева знают хорошо, уважают и любят за аккуратность».

3. Шистерова, селькор

Однако служба у военных почтальонов была далеко не простая и радостная. Иван Бушуев не только разносил письма, но и не раз побывал в боях, а иногда вместо писем командование поручало почтальону доставлять на передовую под непрерывным огнем противника разведданные и секретные документы.

В штатном расписании личного состава должность почтальона обозначалась как «экспедитор». Приблизительно – один почтальон на полк. Бушуев ежедневно обходил все подразделения своего полка, собирал письма, написанные бойцами, доставлял их на полевую почту. В его огромной сумке всегда находилось место для почтовых карточек, открыток, бумаги и карандашей для тех, кто не успел запастись этими дефицитными на фронте принадлежностями. По долгу службы Иван Иванович знал в лицо и по фамилии почти всех бойцов своего полка. И переживал за каждого, особенно за тех, кому не успел вручить весточку из дома. А такие, увы, были после

каждого боя – убитые, пропавшие без вести, раненые и отправленные в госпитали. На письмах, не дошедших до адресатов, помощник начальника штаба ставил пометку «выбыл из части». На языке фронтовых почтальонов подобные письма назывались «неврученкой»...

Почтальон Иван Бушуев с боями дошел до Праги. После Победы вернулся в родную деревню и честно работал рядовым колхозником. Наказ командования и слова песни своей дивизии – высоко держать боевую славу и приумножать ее в труде – он с честью выполнил.

Во время Великой Отечественной почтальоны были для наших бойцов едва ли не единственной ниточкой, связывающей их с далеким домом и ждущими их там женами, матерями, детишками. Фронтовые почтальоны постоянно рисковали жизнью, доставляя долгожданные «треугольники» на передовую, многие из них геройски погибли.

В 2015 году к 70-летию Великой Победы в Воронеже был установлен единственный в России памятник фронтовому почтальону. Его прототипом стал ефрейтор Иван Леонтьев, павший в бою в 1944 году. Однако авторы монумента объяснили, что образ армейского письмоносца – собирательный, вобравший в себя черты сотен скромных тружеников войны. В том числе, и очерца Ивана Бушуева.

«Я ЧУВСТВУЮ, ЧТО РОДИТЕЛИ ПЛАЧУТ ДЕНЬ И НОЧЬ...»

В семье старообрядцев Агеевых, Лазаря Петровича и Александры Васильевны (Ивановны), из деревни Меньшиково было 12 детей, разница между первым и последним составляла 17-18 лет. На фронт кто раньше, кто позднее ушли все четыре сына Лазаря Петровича. Самому ему к началу войны было 72 года, он был парализован, и все хозяйство легло на плечи 62-летней жены и жившей с родителями незамужней дочери. Лазарь имел «Удостоверение семьи военнослужащего на право получения пенсии». По этому документу семья получала кое-какую помощь от колхоза – дрова или сено для скотины. Тем не менее, бедствовали Агеевы страшно, выживали как могли. Женщины вязали носки для солдат, сушили сухари, а всех трудоспособных привлекали еще и к лесозаготовкам.

Самый короткий военный путь прошел Никон, восьмой ребенок Агеевых, младший сын, надежда и опора престарелых родителей, родившийся в 1918. На службу в армию он попал в 1939 году, когда в воздухе еще только пахло большой войной. После нападения фашистов первыми на фронт были брошены солдаты существующих армейских частей, зеленые мальчишки-срочники.

До войны Никон вел активную переписку с родителями, сестрой, племянником. Судя по сохранившимся письмам, это был спокойный, рассудительный парень, трудолюбивый и заботливый сын.

1 ноября 1940 он пишет сестре Мане и ее мужу из Амурской области:

*Из Свободного – в Киприно, от брата и крестника – сестре и крест-
не Мане Лазаревне и Мокею Андреевичу.*

Во первых строках своего письма спешу передать свой горячий красноармейский привет и желаю всего хорошего в жизни вашей. А теперь сообщая, что я ваше письмо получил, которое было писано 17/X-40 года, и писали вы лично, и за которое от души благодарю, что вы регулярно даете ответ на мои письма, и сообщаете о жизни родителей, и всех новостях, происходящих дома в деревне, да и вообще на родине.

Да, действительно, положение плохое с родителями, но ведь что поделаешь, видимо, уж выпала им такая доля. Но ничего, как-нибудь переживем все это. Дальше вы пишете, что приняли в ряды РККА ребят, и уже отправили – ведь надо всем отдать свой долг перед Родиной, и это требуется для нас самих, чтобы защищать границы Советского Союза.

Дальше вы пишете, что брата Леонида тоже приняли в Армию: если его возьмут, то шио будет хуже родителям, ведь он все же бы помок родителям, а то вовсе плохо им будет. Ну что, будем меньше тушеваться, а искать будем другого выхода, да и жинка останется молодая? От Кузьмы я получил письмо с нового места. Знаю, как он живет, и знаю о том, что он переехал на другое место. Я живу все по-старому, на том же месте, пока жив и здоров, того и вам желаю.

С приветом к вам, брат и крестник Никон Агеев. 1/XI-1940 года

Одно из последних писем Никон отправил племяннику Евгению (Геннадию) и его родителям в январе 1941.

Из Свободного в Меньшиково. Здравствуйте, Евгений Иванович, Иван Минеевич, Анисья Лазаревна. Во первых строках своего письма спешу передать свой Красноармейский привет и желаю всего хорошего в жизни вашей. <...> Вы пишете, что праздник проводили хорошо и весело, с шумным семейным оркестром, ведь это неплохо, что Рождество в 1941 году прошло хорошо и весело. Дальше вы пишете, что происходят новости в деревне – это очень хорошо. И благодарю за то вас, Евгений Иванович, что все сообщаете о новостях. <...>

Пару слов о себе. Я живу пока хорошо, учимся и занимаемся боевой и политической подготовкой – тоже неплохо. И вам советую, Евгений Иванович, тоже учиться только на хорошо и отлично. Погода здесь стоит холодная, а снегу совсем мало, но все же есть – нонешнюю зиму ездят на санях, а прошлую зиму ездили на телегах.

Еще раз я вас благодарю, Евгений Иванович, что вы пишете письма и не забываете меня. Передай от меня по привету всем родным и знакомым, и еще дедушку и бабушке.

До свиданья, с приветом к вам, Н. Агеев. Мой адрес: Амурская область, город Свободный, п/я №71. 28/1-41 года.

Писать кончаю и ответа дожидая. С Красноармейским приветом к вам!

...Рядовой Никон Агеев пропал без вести в первом же бою после учебки, в сентябре 1941 года. Это была невосполнимая потеря для семьи, родители и близкие переживали горе очень тяжело, до конца надеясь, что их мальчик жив.

Старший сын Агеевых, Филарет, родившийся в 1901 г., был призван в Красную Армию в первые дни войны, будучи мужем и отцом. Его первенец погиб по недосмотру взрослых в 10 лет, но остались еще сын Аркадий и дочь Люба. Младший же, Коленька, никогда папу не видел – он был зачат уже в войну, когда отец пришел домой на побывку.

В феврале 1942 года рядовой Филарет Агеев был ранен в руку, лежал в госпитале, не надеясь попасть в родную деревню. В это время он написал сестре Мане и ее мужу:

Здравствуйте, сестра Маня Лазаревна и Мокей Андреевич. С приветом к вам ваш брат Филарет, и желаю вам всего хорошего в вашей жизни.

Благодарю вас, Маня Лазаревна, за ваше письмо, которое было писано 10 февраля. Я его получил сегодня, т. е. 17 февраля, уж очень доволен, что вы написали новости, кого взяли после меня в Армию. Как его получил, и прочитал уже три раза, и тогда принялся отписывать, и еще пишу Леониду Лазаревичу. И благодарю еще за старое письмо, которое писали в Бородулино, оно у меня все еще с собой, и я на него частенько посматриваю.

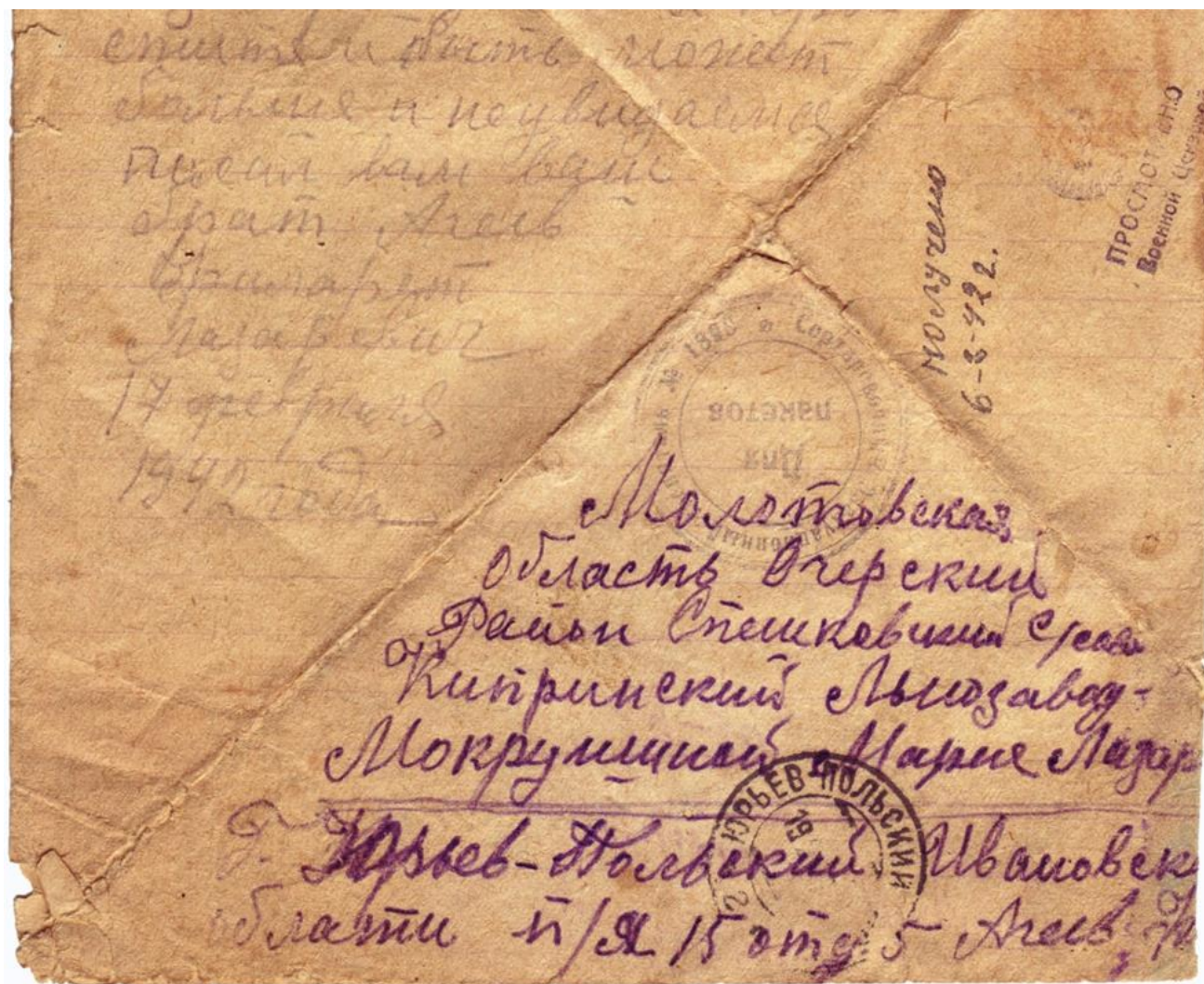
Маня Лазаревна, не знаю почему не получаю письма от своей жены, пишу часто, да ответ не получаю, ведь письмо ваше шло всего семь дней. Я ей написал, как приехал сюда в Юрьев-Польский 19 февраля, а ответа все нет. А так же и из города Рыбинска писал, и не мог получить, и там жил 20 дней. Не знаю, дорогая сестра, что это такое, или не доходят письма, или жена не хочет написать мне письмо. <...>

Вы, Маня, писали, что меня ожидают домой, но домой мне не придется, врачи говорят, что отпуска не будет, вот только зарастут раны, и опять снова пойдешь на фронт <...>

Дорогая сестра Маня, меня прости, может, больше домой не бывать, и с родными не видаться. И передай привет Кириллу Петровичу. Ма-

ня Лазаревна, пиши ответ, может, письмо и застанет меня еще здесь. Адрес мой: город Юрьев-Польский, Ивановской области, п/я 15, отд.5, Агееву Филарету Лазаревичу.

Ну, Маня Лазаревна, еще прошу меня простите, и быть может, больше не увидимся. Писал вам ваш брат Агеев Филарет Лазаревич 17 февраля 1942 года.

Тем не менее, домой после ранения Филарет все-таки прибыл. На побывке, в кругу семьи, он был тих и неразговорчив, о боях-сражениях не распространялся, говорил только, что война – это очень страшно, а как жаль погибающих на глазах товарищей!

После ранения старший Агеев снова встал в строй. Отправляясь во второй раз на фронт, отец семейства был уверен, что уже не вернется обратно, плакал и, по православному обычаю, просил у всех прощения. Кла-нялся не только родственникам, но и всей деревне, когда спускался под гору за Агафину стройку, чтобы бежать прямушкой до станции Бородулино.

Рядовой Филарет Лазаревич Агеев прошел пешком всю Европу и в мае 1945 сгинул где-то под Берлином, не дожив до Победы всего несколько дней.

Шестой ребенок Агеевых, Кузьма 1911 года рождения, до Великой Отечественной успел побывать в ссылке. Когда стали повсеместно образовываться колхозы, он выучился на счетовода, но в период раскулачивания «попал под каток революции», и в 30-е годы был сослан в Сибирь, а перед самой войной реабилитирован.

На войну Кузьма был призван из места ссылки 23 июня 1941 года рядовым связистом. Уже в августе он получил боевое крещение подо Ржевом, а в феврале 1942 под Ленинградом был тяжело ранен: прострелено легкое, задеты сухожилия правой руки и позвоночник. Об этом ранении позже Кузьма вспоминал¹:

Когда очнулся, двигаться поначалу не мог. Руки не действуют, а ногами шевелить можно. От меня валил пар, мучила жажда. Рядом был пулемет «максим», из людей – никого. Ртом хватил грязный от копоти снег и почувствовал себя живее. Пришла мысль как-то отползти в сторону: через меня стреляли гитлеровцы. Попытался встать, это долго не удавалось, но все же поднялся на ноги. В глазах замельтешили желтые и красные огоньки. Иду в ту сторону, куда отошли наши. Через 20 метров по мне застрочил немецкий автомат, и я снова упал: пуля попала в левую ногу и застряла под коленом. И еще впился небольшой осколок, однако нога продолжала подчиняться. Здесь меня обнаружил командир соседнего взвода и послал за мной двух санитаров с лотком. За сбитой сосенкой они оказали мне первую помощь и вытащили из-под носа у немцев. Доставили меня волоком на перевязочный пункт, оттуда на лошади – в санчасть, потом автома-

¹ Агеев, К. В те грозные годы // Знамя труда. – 1975. – 6 марта.

иной – по болотным кочкам и под вражеским обстрелом – до санбата уж к вечеру.

Через несколько дней Кузьма вновь чуть не погиб – в госпиталь попала вражеская бомба, в живых осталось всего трое. Агеев лежал в коридоре нижнего этажа на санитарных носилках, возле круглой печки, обшитой железом. На рассвете его перевезли в товарный вагон к другим раненым. Эшелон попал под бомбежку, но Лазареву опять повезло.

Сестры Анисья и Маня ездили к Кузьме в госпиталь, в Киров, повидаться, думали, что после выписки брата снова отправят на фронт, как Филарета, боялись его больше не увидеть. В подарок везли «самосад», потому что Кузьма курил нещадно, табак всю жизнь выращивал сам, а из «покупного» признавал только махорку.

Однако после скитания по военным госпиталям в июне 1943 Кузьма все-таки вернулся домой – его признали нестроевым. Рука его потом высохла, ладонь с пальцами скрючилась и все время мерзла – Кузьма зимой и летом надевал на нее большую рукавицу, сшитую из овчины, а сморщенные пальцы ловко приспособил для закрутки «козьей ножки» с махоркой.

После демобилизации Кузьма Лазаревич как фронтовик пользовался большим авторитетом в колхозе, был членом Ревкомиссии – своего рода гражданского трибунала, был требовательным, но справедливым, пресекал «шкурные» разговоры, а тем более поступки, даже среди близких родственников.

Не раз Кузьма Лазаревич был избран председателем колхоза. В 1947 году он ездил в Москву покупать для колхоза машину «Газон», и попал, видимо, на нечистых на руку продавцов. После этого случая его долго таскали по следственным делам, допрашивали и чуть не посадили. В 1964 году Кузьма ушел из председателей, но еще долго работал бригадиром. Умер он в 1973 г.

Леонтий, седьмой отпрыск Агеевых, был призван в армию до войны, прошел ее полностью «от звонка до звонка» и вернулся без единого ранения – но с искалеченной душой. Леонтий родился в 1915 г., позднее в документах его имя было исправлено на более благозвучное «Леонид». Он учился на командира и на фронт отправился осознанно – рвался в бой, чтобы отомстить за гибель родных. О его мрачной решимости говорят строки письма, отправленного сестре Мане 13 февраля 1942 г. из учебки:

<...>То, что я так учусь, конечно, не достается легко, а приходится много работать над собой, ибо современная война требует от нас культурного волевого командира, и вот этого мы должны добиться во что бы то ни стало – учиться только на «отлично», не успокаиваясь на хороших оценках, и когда будут после учебы вверены мне люди, то и руководить ими умеючи, отлично бить врага и доказать ему, что это его последняя авантюра, и он ей захлебнется насмерть.

Вот так проходит моя учеба, но почему я на ней останавливаюсь много и надоедаю вам, ибо у меня сейчас вся жизнь проходит в учебе, а о прогулках и увеселениях не может быть и разговора. Наша страна и весь наш народ ждет от нас победы, и мы должны ее одержать, так что не время разгуливать.

Жаль братьев Никона, Кузьму, Филарета. Но сейчас не поможешь, а вот уж когда буду там, постараюсь отомстить. Ничего не поделаешь, борьба не бывает без жертв, на нашу семью они выпали тяжелые. Наверное, я чувствую, что родители плачут день и ночь. Хоть бы ты, Маня Лазаревна, ходила к ним и успокаивала бы их в одиночестве.<...>

Самый способный среди братьев, Леонид подавал большие надежды. Лазарь гордился сыном, всячески способствовал его образованию, стремлению выбиться в люди. И кто знает, если б не война, кем стал бы Леонид Лазаревич – талантливым учителем, успешным руководителем, примером и опорой для многочисленных родственников ...

Он и на войне показал себя с лучшей стороны, дослужился до офицерских чинов, но был разжалован и отправлен в штрафбат. Как же получилось, что храбрый разведчик, который лично «снял» более ста фашистских

часовых стал военным преступником? Об этом эпизоде пишет со слов самого Агеева его потомок:¹

Шел 1944 год. Наши гнали фашистскую гидру вон из Белоруссии. Немцы, отступая, сгоняли население в сараи, заколачивали досками и поджигали огнеметами. Горели женщины, старики и дети, кто выскакивал из огня – расстреливали. Всего было сожжено более 300 деревень вместе со всеми жителями.

Солдаты Красной Армии шли по пепелищам, видя трупы сожженных, расстрелянных, разорванных между танками людей. Последней каплей стала следующая картина: на одной из берез висело в петле тело молоденькой девушки с длинной пшеничной косой, на груди дощечка с корявой надписью «Партизанен».

До этого взвод разведки, где служил Леонид Агеев, взял в плен около тысячи карателей, которые не успели сбежать. Что делать с этой сворой, было непонятно, нужно было идти вперед. Приказ Сталина: пленных не расстреливать – знали все, и что за это будет – тоже.

Решение старшего лейтенанта – поставить пулеметы. Команда «Огонь!» – и все пленные уложены у той березы. Девушку похоронили тут же, над ее могилой дали залп.

Военный трибунал приговорил Леонида Лазаревича Агеева к расстрелу. Вступился за него маршал Жуков, потому что лично знал бравого офицера. Расстрел заменили десятью годами лагерей с поражением всех прав и без права переписки.

Знакомство с прославленным маршалом спасло Леонида и после войны, когда он пытался фронтовыми методами бороться с «тыловыми крысами». Читая характеристику Георгия Константиновича Жукова, близкие Филарета отмечали схожие черты характера: «Сильной воли. Решительный. Обладает богатой инициативой и умело применяет ее на деле. Дисциплинирован. Требователен и в своих требованиях настойчив. По характеру немного суховат и недостаточно чуток. Обладает значительной долей упрямства. Болезненно самолюбив. В военном отношении подготовлен хорошо. Имеет большой практический опыт. Военное дело любит и постоянно совершенствуется. Заметно наличие способностей к дальнейшему росту. Авторитетен

¹ Шардаков, Д. Правда – за нами! // Очерский край. – 2014. – 8 мая. – С. 3.

и авторитарен. На штабную работу назначен быть не может – органически ее ненавидит...»

Несмотря на «суховатость» и «недостаточную чуткость», в письмах Леонида ярко проступает его тоска по мирной жизни, боль за страну и судьбы ее жителей. В марте 1944 он в письме отправил жене Любе стихи собственного сочинения:

*Тают снега, поднимается солнце
Все выше и выше над нашей землей.
В лесу раздаются напевы синичек,
И кружится ворон с подругой своей.
Стою на опушке хвойного леса,
Смотрю на восток – устремлены глаза.
Но ничего там не видно, родная,
Чиста и ясна небосвода седина.
И как бы хотелось вернуться к любимой,
И счастливо, мирно, спокойно пожить,
И в лес бы пойти нам с тобой за малиной,
Хоть к речке – и удочкой рыбу ловить.*

*Иль, взявши корзинку, пойти за грибами,
Аукая, в лес и грибы собирать.
А возвратившись до дому, скоренько,
Собраться у клуба, пойти танцевать.
А то ночью пойти на деревню к папаше,
Ночью иль днем, нам с тобой все равно.
Дождь переждем, и сушей под ногами,
Отдохнем, и будет светло.
Да мало ли можно припомнить, Любаша,
Хоть мало мы жили с тобою вдвоем.
Жили, не знали тревоги с тобой,
Как тихо и мирно все было кругом.
Вернемся, и снова вспомняем бывшее,
Но ночью, иль днем – нам с тобой все равно,
Лишь бы наши сердца не старели –
Верь, дорогая, что будет светло.
Все это отняли у нас, дорогая, с тобою
Заклятые наши враги.
На Западе кружится пепел пожарниц,
Ночью и днем не смолкают бои.
Летом я видел, как плакали тети,
Что немец забрал их любимых цыплят,
А так же корову и овцу с ягненками,
В забаву оставил одних лишь котят.
Я видел, как дети травой падали, или,
У Ельни на поле под танк наш пришли,
И лишь одно меня просили:
– Дядя, сбереги, пожалуйста, от беды!
– А где же, спросил я, мама родная?
Они отвечают: – Осталась взади,
Что ранена-мертва мамаша, не знаю, –
Ответил мне старший – всего лет шести.
Прошло так с часок, прекратилась бомбежка,
Мимо по полю хромает-идет.
– Детишки не ваши, – кричу я, – красотка?
Подходит к машине, и их узнает.
Они, изнуренные, в страхе, как зайцы,*

*Немало тревожных часов провели.
Мы их накормили, конфеточек дали.
Уснувши, лежали меж веток они.
Да помнится мне, как старик седоватый
У сгоревшего дома угрюмый сидел,
Упершись своими локтями в колени,
Плакал угрюмо, на запад смотрел.
Раненым немцем у этого деда
Старушку убило, девчат и сынов увезли.
Идет он угрюмый и смотрит на запад,
И взгляд его просит: убей, догони!
За эти мученья, пожары и взгляды,
Любаша, мы немцу должны отомстить!
Я верю тебе, дорогая, что скучно,
Но нашу разлуку придется продлить,
Отомстить людоеду за зверства,
В боях уничтожить, на веки разбить,
С Победой вернуться к тебе, дорогая,
К сердцу прижать и сильнее любить!*

А 9 мая 1945 Леонид Агеев написал радостное, восторженное письмо Мокею, мужу сестры Мани:

Дорогому зятю Мокею Андреевичу и сестре Мане Лазаревне! Передо мной лежат ваши письма. Когда вы писали, конечно, не знали, что я их получу в радостный самый день в нашей жизни, а именно в день победы над врагом.

Дорогой зять, Мокей Андреевич! Правое дело, благодаря нашей упорной борьбе, восторжествовало над царством тьмы. И мы сегодня видим, что гитлеровская Германия безоговорочно капитулировала. Враг разбит, и я уверен, что он долго не сможет поднять голову – змеиную свою – на подлые дела.

Радостно сознавать сегодня, что на протяжении всей войны, что было потрачено наших офицерских сил на воспитание бойца, для высокой, идеальной цели – цели победы правого дела, не прошли даром. Что сегодня мы, и вся наша страна, празднует день окончательной победы над врагом всего человечества – гитлеровской Германией. В день полной победы, в день

торжества нашего, в день веселья и радости я шлю вам свой боевой офицерский привет и надеюсь, как никогда, на близкую с вами встречу.

А встреча с родными, не говоря уж о родине, как хороша! Враг не мог вырвать у нас любви к родине, не смог выполнить свои планы – планы покорения свободолюбивого человечества, и наш народ будет носить законную славу всего человечества, славу и звание народа-героя.

До свиданья, надеюсь на скорую встречу. Ваш шурин Леонид Агеев.

После испытаний штрафбатом Леонид Лазаревич Агеев вернулся с фронта с обостренным чувством неприятия любой несправедливости. Его поставили руководителем колхоза. Разруха и нищета постоянно добавляли негативных эмоций: «За что воевали?» Фронтовики-победители слишком хорошо запомнили, как живут люди в Европе.

Леонид часто срывался. Первый раз был осужден за то, что в период денежной реформы неправильно поменял колхозные деньги (не 1:10, как было положено, а 1:1). Потом были и другие судимости – тюрьма не выправляет. Умер Леонид «по собственному желанию» в Очере 15 декабря 1974 года, похоронен на меньшиковском кладбище.

Мария Лазаревна Агеева (Мокрушина) – та сама Маня – бережно сохранила все письма братьев с фронта и передала потомкам. Сейчас ее давно нет в живых, нет уже в Очерском округе и самой деревни Меньшиково. Лишь на месте дома Агеевых стоит огромный кедр, посаженный еще отцом Лазарем Петровичем.

ПО СТРОЧКАМ ЗЫБКОЙ ПАМЯТИ

Тогда нас не было с тобой,
А ведь такие годы были:
Солдаты на смертельный бой
Как на работу уходили.
Федор Востриков

Соколов Владимир Михайлович, 1909 г. р., п. Павловский. Сержант 122-го артиллерийского полка 51 стрелковой дивизии. Пропал без вести 23 января 1943 года.¹

Десять лет назад жительница поселка Павловский по дороге на пруд увидела, что на его берегу дети играют фронтовыми письмами. Внимательная павловчанка попросила ребят отдать треугольники ей. Хотела сразу передать в музей, но как-то все не складывалось. А ведь могла и не заметить, пройти мимо или же потом забыть о них.

Этой историей поделились сотрудники Краеведческого музея им. А. В. Нецветаева: «Когда письма попали к нам и мы стали с ними знакомиться, произошло еще одно чудо. Автор письма Владимир Соколов, обращаясь к своей жене, рассказывает о фронтовых буднях и пишет, что с недавних времен служба у него идет веселее, потому что в полку появился земляк – Негашев из «Лесторга». Также солдат сообщает, что последнее время у них перебои с почтой и просит передать семье земляка, что с ним все хорошо, он жив и здоров. Прочитав эту строчку, наш главный хранитель не поверила своим глазам: речь шла о ее деде – спустя 78 лет после отправки письмо нашло адресата! Кстати, в письмах Соколова упоминаются и другие очерцы, которых автор повстречал на дорогах войны».

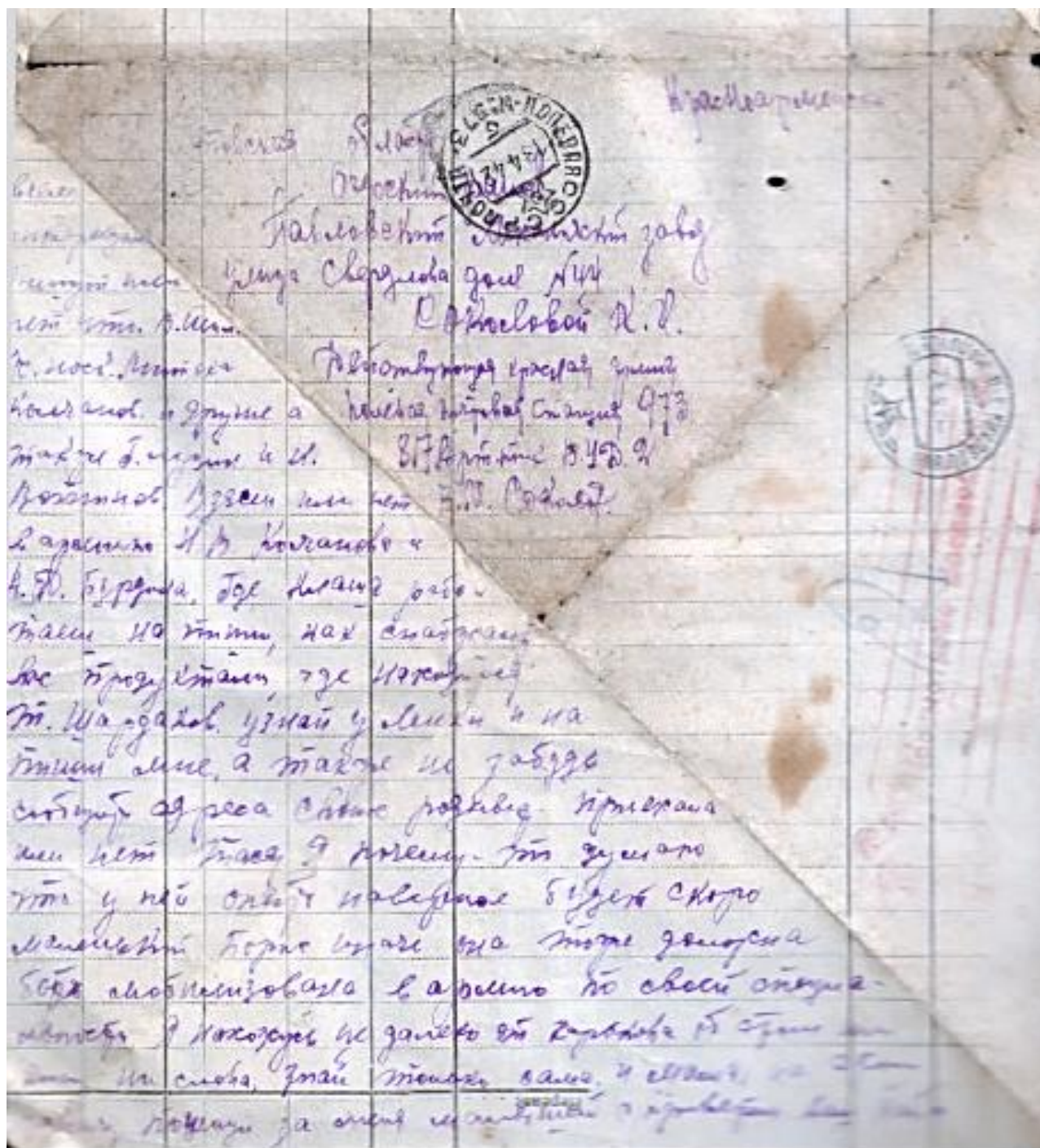
Иван Степанович Негашев², участник трех войн, был контужен, но все же вернулся с фронта, прожил долгую и счастливую жизнь. А вот Владимиру Михайловичу Соколову не суждено было увидеть дом и семью – 23 января 1943 года сержант 122-го артиллерийского полка 51 стрелковой дивизи-

¹ Книга памяти 1941-1945. Очерский район. – Том 1. – С. 278.

² Негашев Иван Степанович 1896 г. р., артиллерист. Участник боев на Курской дуге, за освобождение Украины, Молдавии, Польши. Награжден медалью «За отвагу» – прим. ред.

зии пропал без вести. В одном из последних писем он сообщает жене, что у него дурные предчувствия...

Сохранилось 14 писем Владимира Соколова, адресованных жене Клавдии Ивановне в период с декабря 1941 по август 1942 года.

21.12.41

Вчера отправил письмо, и вот сегодня вечером сошлось свободное время, и я решил написать более подробно о своей житухе. Работаю старшиной вот уже полторы недели. Сначала парился крепко, выполнять

приказания не было времени, да вдобавок еще не все знал отделы по оформлению всевозможных документов. Вот, это все сейчас узнал, вспомнил свою прежнюю работу, когда был в кадрах, и с работой справляюсь.

Долго от этой работы отговаривался, но комбат Ломакин – а ты его знаешь – все-таки меня заставил принять старшинство. И сказал, что пока будет командиром батареи Ломакин, Соколов будет работать старшиной, и я тебя никуда не отпущу от себя. <...> Комбат у нас новый. Тот же хороший мужик, прибыл из госпиталя, был ранен, ну вот ему Ломакин и сказал: «За этого старшину держись, парень не подведет ни в чем, только ему в первое время помогайте работать, и он будет у вас работать хорошо. Ну а Паркин временно работает помкомбата. <...> Он говорит: если только мне дадут взвод, то я все равно Соколова возьму к себе, я его знаю хорошо, и опять с ним будем работать. В общем, дальнейшее покажет, но факт фактом то, что старшиной работать беспокойней, надо кормить, одевать и ряд другой повседневной текущей работы. Но знаю одно, везде надо работать и работать как следует.

Мой оклад сейчас будет 150 рублей в месяц, на этих днях вышлю вам этих денег на расходы. Их еще не получил. Ждем на днях свою зарплату.

А. А. Новикова¹ не вижу, но он у нас в полку. <...> От ребят Носова и Ермакова ничего не получал, где они, не знаю. Вновь народу прибыло много, но из нашего района никого пока нет. Народу сейчас у меня много, да еще понемногу прибывают. И вот всех будем учить на младших командиров. Время ужасно идет быстро, дня не хватает.

Обо мне не беспокойся, много не стыну. Кроме этой фуфайки еще есть фуфайка, шинель, сапоги теплые, перчатки, портянки байковые, свет каждый день. Сухарей сейчас не нужно, обеспечен питанием, но вот все беспокоюсь об вас в смысле питания. Плохо то, что нет табаку. Отвыкнуть от него не могу, работа тяжелая, весь день на ногах, так что за день набегиваюсь до света.

Дорогая, все новости, сильно скучаю об вас. Ребят охота повидать, но дело идет на фронте. Неплохо наши жмут. Крепко. Может, скоро и приеду, в 1942-м.

¹ Новиков Аркадий Абрамович, 1910 г.р., участник войн: на Халхин-Голе, с Финляндией, Великой Отечественной. Капитан, командир артиллерийской батареи, кавалер двух орденов Красного Знамени. Демобилизован в 1944 году после нескольких тяжелых ранений. После войны – мастер на Очерском машзаводе, литейщик и формовщик мехзавода. – прим. ред.

Сообщай о здоровье малышей, поправляется или нет Лялька. Об нем очень беспокоюсь. Постарайся достать рыбьего жира, напиши тете, быть может, она достанет. Очень рад за Мику, за его способности и развитие. Но примите все меры для сохранения ребят от болезней и простуды.

Жду ответ, сообщай все новости. Жду с нетерпением. С приветом, Владимир.

21.12.41

Сегодня увидел жену А. Новикова и решил ей передать письмо, которое писал вчера и вот еще небольшую заметку как добавление к ней. Клаша, что насчет твоего приезда – не возражаю. Приезжай в январе месяце – тогда погода будет помягче, т. е. теплее. Меня найти будет легко. <...> Можешь привезти чего-нибудь слатенькое, но не в ущерб ребенкам. А по части табачку, будь добра, заberi с собой. Когда решишь приехать, сообщи раньше, чтобы позаботился по части квартиры, где переночевать было бы в тепле. Итак, жду. Привет всем нашим. С приветом, Соколов.

28.12.41 г.

Клаша! Зачем очень редко пишешь? Хотя и пишешь, но вот последние 2 письма уж очень маленькие, даже в них и читать нечего. Твое последнее письмо получил тому назад 3 дня, но ответить не было возможности лишь только потому, что места не было в лагерях. 3 дня был на тактических занятиях. Одну ночь ночевали в лесу, вторую – в деревне, и вот вчера вечером приехали с ученья.

Очень беспокоюсь об Ляльке, прямо из ума не идет. Неужели угланчик не поправится долго. Вот вчера и сегодня только и думаю о нем, на душе какое-то очень нехорошее предчувствие, Клашк, уж жив ли он? Если ему легче не будет, то с приездом ко мне обожди, не оставляй сына в таком тяжком состоянии. Лялька, милый, не выходит из головы.

А как остальные здравствуют малыши? Пиши, пожалуйста, больше. Почему ничего не написала с Новиковой, она приезжала как раз вовремя. Сегодня Аркадий отправляется, и она как-то попала на проводины. Завтра утром отправляются Ломакин, комбат наш старый, и Паршаков, сегодня они оформляют свои документы. За эти дни из нашей батареи уехало очень много, из старых осталось очень мало, возможно, и до нас скоро дойдет очередь...

21.12.41

Сегодня узнала про А. Новикова, и решила ей
написать. Твоего котика тоже ввела и ввела
уже не совсем точно как добавление
к твоему. Конечно по часу твоего приезда не
возвращаю, приезжай в Явара сейчас тогда
погода будет по силе - твоей твоей, меня
найти будет легко, женская землянка от
наших не далеко, в нее придем а там
закажем, что-бы намешать старину и бабаре
а землянку найти легко, поднимаюсь от водо
контра почит, тут будет свет от света
землянка женская первая с краю
приблизь куча - казармы. Мороз привнес
холодильник старинный но не в устье река
а по часу твоему будет добра ее зажда
сь бы все время твоей свободе рад

17.1.42

Клаша, по этому адресу больше не пиши. Сегодня из лагерей уезжаем, видимо в Чебаркуль к Челябинску. Очень беспокоюсь, как доехала до дому. Писать больше нет времени. Жди письма с нового места. Видимо, в Бершети больше не встретимся.

Всех крепко целую, с приветом, Владимир.

9.2.1942

Я уже вас уведомил, что скоро еду на фронт. Говорят, что должны выехать отсюда 25 февраля, но еще пока обмундирование не получили, куда

должны поехать, пока еще ничего не известно. Есть, правда, слухи о том, но они могут быть и неверные, это будто бы Воронеж. Ну вот, ждем сейчас и ждем со дня на день отправки. Обо мне вас сильно прошу не беспокоиться, до фронту проедем долго, а письма идут тихо. За это время, может, что и изменится в лучшую сторону для нас. Вот и сейчас занимаемся по десять часов в день, готовимся к предстоящим боям. Настроение, надо признаться, беспокойное, ведь везенье пока мне подвозило крепко, что дальше будет, пока ведь неизвестно. Но есть пословица: на бога надейся, но сам не плошай.

Сейчас у меня, пожалуй, единственное желание, это чтобы еще застало хоть одно твое письмо меня здесь, а то ведь я давненько не получал ничего. Потом мне долго не будет от вас возможности получать письма, так как вся армия будет находиться в движении.

Буду жив и здоров, буду писать чаще, чтобы вы знали, как я буду жить. Но еще раз прошу сильно обо мне не беспокоиться. В общем – больше писать!

Нового ничего нет, да и, признаться, нашла какая-то лень. Ничего не хочется делать. Вот проведу в день часа 2-3 занятий, почитаю чего-нибудь для своей дальнейшей пользы, чтобы легче было в боях. Ну а рядовой состав занимается 14 часов. <...> Сейчас надо проводить занятия со взводом связи. Готовим своих мужичков, они все старше меня.

С приветом, Владимир.

30.03.42

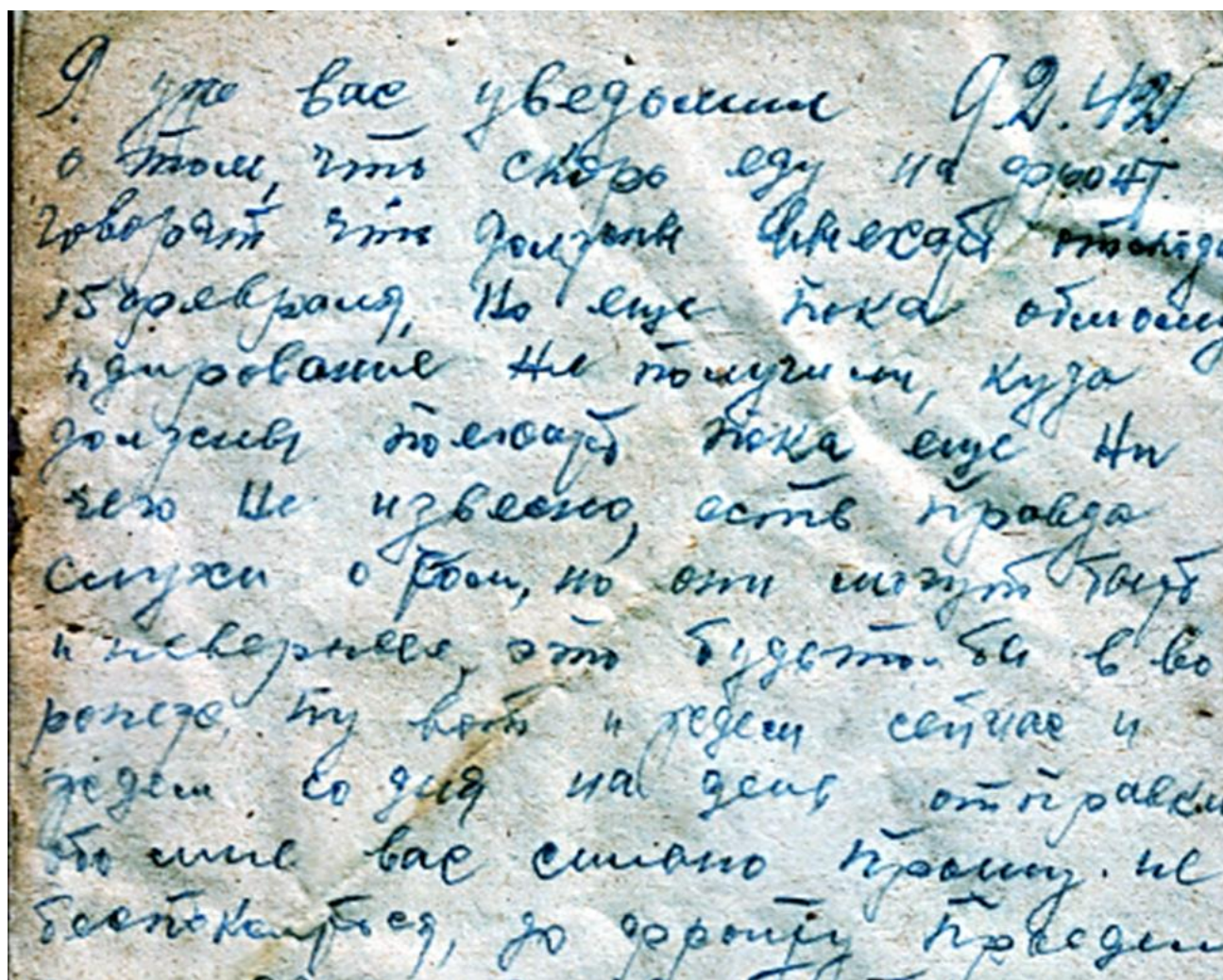
Привет родным! С новым моим адресом отправляю вам третье письмо, поскольку есть у меня сейчас свободное время, то вот и пишу. Земляков здесь у меня пока нет никого, по нашей области есть много.

Живу пока ничего. Что дальше будет, сказать трудно. Если слушаете радио, то по сводкам за эти дни ничего существенного не произошло, так и у нас тоже, нет ничего существенного. Изредка по ним стреляем.

Наши письма идут в среднем до нас 2 недели и обратно также, так что надеюсь получить от вас ответ около 1-го мая. Думаю, что, Клаша, ты напишешь все подробно, что произошло за этот период дома, а также события всех новостей.

Не забудь сообщить, где находятся папа, Ваня, Геннадий¹. Если есть их адреса, то мне пошли.

Я нахожусь в артполку по своей специальности, и работа пока идет ничего. Что будет дальше – неизвестно. Ведь жизнь наша, понимаешь, какова – сегодня жив и здоров, а завтра нет. Но мы более в безопасности, чем другие роды войск, но и то бывают, конечно, жертвы. Без жертв войн не может быть. Но вас обо мне прошу не беспокоиться, все обстоит пока в порядке. Есть, конечно, кое-что новое, но оно для вас никакой роли не играет и вам эти новости ни для чего знать. У вас жизнь такая, а у нас другая – фронтовая. А фронтовая жизнь такая уж как придется. Привыкаешь и живешь как будто бы так и надо жить. Ну и, в целом, живем неплохо, скоро совсем привыкну к новой своей жизни.

Я уже вас уведомил 9.2.42
о том, что скоро еду на фронт.
Говорят что друзья Алексея тогда
15 декабря, но еще пока об этом
уточнение не получили, куда
друзья Алексея пока еще ни
чего не известно, есть правда
слухи о том, но они могут быть
и неверные, это будет бы в во
роне, ну вот и ждем сейчас и
ждем. Со дня на день от правды
то мне вас сильно прошу. не
беспокоясь, до скорого придем

¹ Брат В. М. Соколова – Соколов Геннадий Михайлович, 1911 г.р., п. Павловский. На фронте – с 1941 по 1945 годы, награжден медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда». После войны – слесарь на Павловском машзаводе. – прим. ред.

Сегодня решил написать мелким почерком в целях экономии бумаги. Но мелко писать тяжело, так что вторую страницу буду писать крупнее, так как нужно. Ну что еще вам сообщить, право, больше не знаю, что писать. Ведь ценность наших писем теперь состоит в том, что жив и здоров, ну а больше мне сообщать по существу и нечего.

31.03.42

Вчера письмо пришлось недописать, потому что заступил дежурным по управлению. Вот сейчас сижу и дописываю под вой ветра. Погода опять стала скверная. Холод. Но вот-вот должно быть тепло. 28.3 был такой буран, что я такой в жизни не видал. Ветер с ног сшибал.

Клаша, ты пиши несколько писем. Это будет защита в том, что все равно какое-нибудь дойдет до меня. А может, и все дойдут. Почта работает довольно-таки хорошо. Как там мои детки здравствуют? Об них пиши подробнее, а также о себе и об остальных семейщиках. Пусть Сергей мне напишет новости. Привет очерским.

Целую всех. С приветом, папа.

11.04.42

Привет родным! Надеюсь, что уже получили первые мои письма и отослали мне на них ответ. Я таковой жду с большим нетерпением. Если не ошибусь, то вот вам пишу уже пятое письмо. Когда есть свободное время, нахожу время и пишу вам.

Нового особенно ничего нет. Изредка бьем фрицев, даем им крепко жару. Когда они суют свое свиное рыло в распоряжение нашей части, они с потерями откатываются обратно. В общем, скучать не приходится. Погода все стоит неважная. Было два дня хорошо, крепко таяло. И вот сегодня опять морозно и тает очень плохо. Здесь весна очень поздняя. Была Пасха и в нее были сильные бураны и холодный ветер, но мы были в тепле, живем в хатах, так что в этом деле все обстоит в порядке. <...> Клаша, а как дело обстоит с семенным картофелем? Посадите больше картофеля, т. к. картофель ведь будет основным продуктом питания. Ведь когда война, на улучшение питания рассчитывать трудно.

Я все тебе пишу письма на хозсовет, а ты уже, возможно, работаешь на новом месте. Как развиваются мои малыши? Сообщи об их успехах, особенно об Микиных. Как Валет и Нелька себя чувствуют? Им скажи, что папочка сильно об них скучает, но домой еще он долго не приедет. Да,

между прочим, 4.04. будет 9 месяцев как я уехал из дому. В письме получился небольшой перерыв.

Немец стал по нас бить, пришлось ненадолго прерваться. Да, сейчас у нас настала настоящая фронтовая жизнь, только нужно больше твердости характера, и все будет в порядке.

Ну, что есть у вас нового, сообщай все новости, в общем, пиши все подробно и чаще мне пиши, ведь обстановка, сама понимаешь, какая серьезная. Если будешь сообщать о тех, кого уже нет, то сообщай как-нибудь намеками, чтобы я мог догадаться. Вот, на сегодня, пожалуй, и все. С ответом не задерживайтесь.

Где папа, Иван, Геннадий? Сообщите их адреса, возможно, кто-нибудь из них от меня не далеко. Как здоровье мамы и тети? Пусть старые крепятся и духом не падают.

На сегодня все, пока, по возможности буду писать чаще. С приветом. Целую своих малышей. Прошу обо мне не беспокоиться. Все в порядке.

Мой адрес: Полевая почтовая станция 973.817 Арт. полк В. У. Д, 2. С нетерпением жду от тебя, Клаша, ответ. Поздравляю всех вас с наступающим днем 1-го мая. Письмо мое придет как раз к 1-му. Напишите, как его встретите.

С приветом, В. Соколов

17.04.42

Привет! 14 апреля исполняется 9 месяцев. Так это вот подумаешь и кажется, что уже давно служу в армии и, главное еще, что не знаешь, что будет впереди и сколько еще придется служить. Конечно, неизвестно никому, но основное то, чтобы остаться живым и здоровым. Итак, мои родные, эти дни у нас все спокойно, немного отдыхаем перед грядущими боями с коварным врагом и коварными немцами. Вот настанет тот день, когда мы полностью выгоним их с нашей территории, и этот день уже не далеко.

У нас здесь началась весна, повсюду текут ручьи. Снегу стает уже мало, но и у вас уже, наверно, тоже притаивает.

О себе. Живу ничего. Часто приходится работать по текущему ремонту техники - по своей специальности. Так-то вот и завоевываем авторитет перед прямым начальством. Все это, конечно, в лучшую сторону для себя, конечно, стараешься оправдать доверие своим добросовестным отношением к порученной мне работе, иначе ведь и быть не должно.

Скоро 1-е мая. Жду от тебя, Клаша, ответ на первые письма. Я их очень жду, главное, жду новостей об своих малятах и ряд других новостей. Полностью или нет привезли дрова? Мы должны скоро получить жалование, постараюсь вам часть выслать для поддержания. Живите, духом не падайте, обо мне не беспокойтесь. Все пока в порядке. У нас одна теперь работа – бить и бить немцев как оккупантов и бить всех до единого, и это мы выполним с честью. Перед своей Родиной это наша обязанность, и бьем из своих пушек без продыху все в цель прямо по живой силе врага, сметая их трупы с земли.

Пишите все новости, очень всем интересуюсь. Где, Клаша, работаешь, напиши, как снабжают вас продуктами. Где находится т. Шардаков¹? Узнай у Ленки и напиши мне. <...> Я нахожусь недалеко от Харькова, об этом никому ни слова, знай только сама. Поцелуй за меня малышей и привет вам всем.

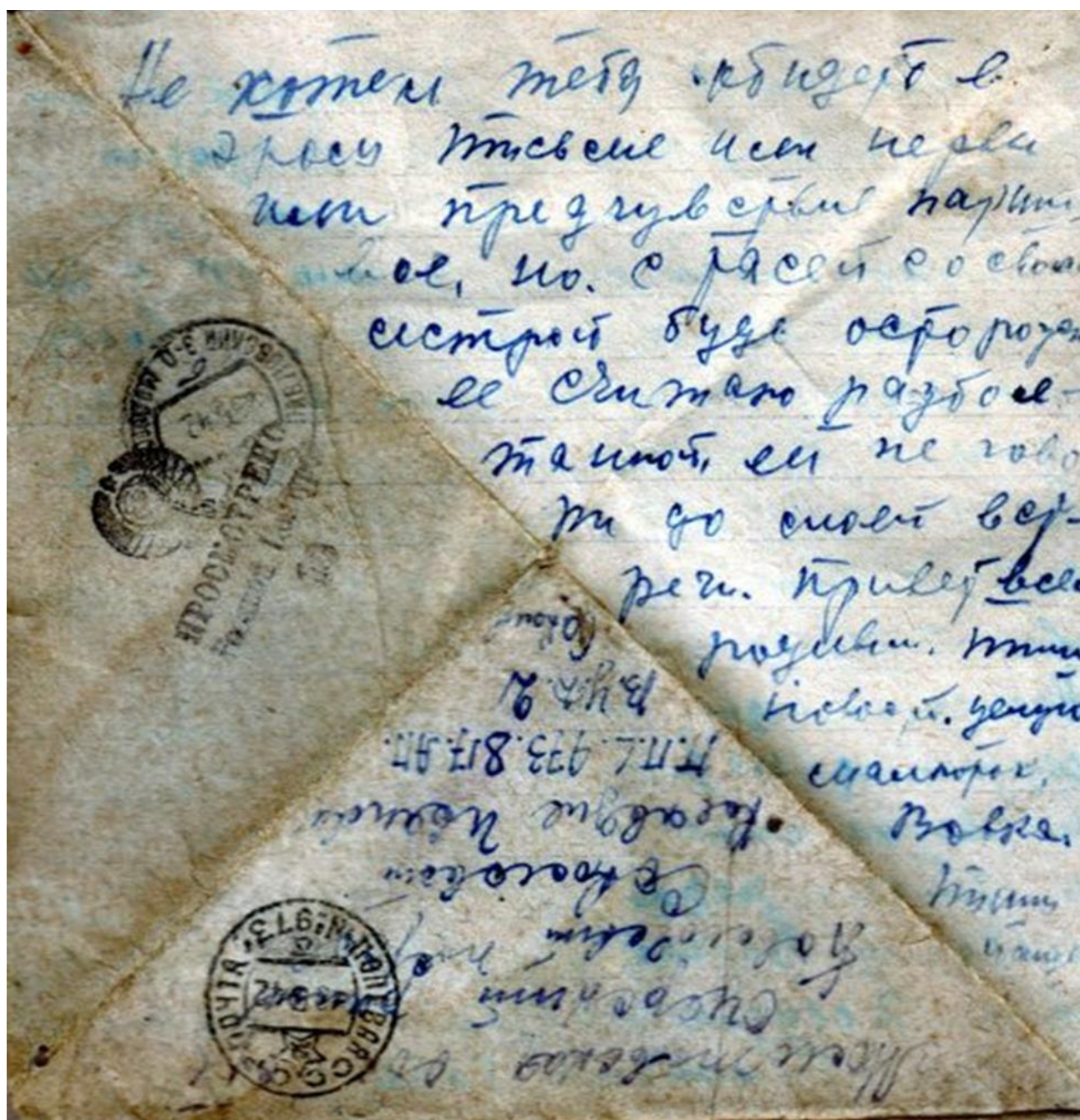
6.05.42 г.

Привет, родная! <...> Сегодня сошлось свободное время, решил написать побольше лишь только потому, что, возможно, недели две или может больше писать вам не придется, так как будем очень заняты и предстоит серьезная работа.

Клаша, я сообщал уже тебе, что здесь со мной появился земляк. Но только всего лишь один. Это Негашев из Лесничества лесоторга. С ним видаемся часто. На всякий случай сообщу его адрес, только вот его не спросил, где живет его семья. Полевая почтовая станция 973 5.2. Негашеву. Вот как-то много веселее с земляком при встрече поговорить, ну и опять вперед, да и скучать нет совершенно времени – война, а на войне не скучно, а наоборот весело, но веселье другого порядка, не гражданское. А весело тогда, когда заговорят наши пушечки да прямехонько по фрицам, да как их мешает и коверкает с земли – вот тогда нам весело! Ох, и боятся они нашего огня, ужас! А вообще – мы лучше стреляем, чем немцы, это даже и признают враги наши. Наша задача в 42-м году с ними покончить, и вот наш маршрут – движение все время вперед, на запад.

<...> До скорой встречи. Привет всем родным. Пиши новости. Целую малюток. Вовка. Пиши чаще!

¹ Шардаков Михаил Васильевич, 1900 г.р., п.Павловский. Замполит роты 190-й сп 5-й сд 29-й армии Калининского фронта, кавалер ордена Красной Звезды. – прим. ред.

30.8.42 г.

Клара! Со дня на день жду от тебя письма и не могу дождаться. Все ли с тобой в порядке, а также с детишками. Это меня очень волнует, беспокоюсь об вас. Вот уже скоро как месяц от тебя не получаю писем. Но думаю, что у тебя прежние отношения ко мне и на этих днях получу от вас домашних весточку. 22.8 отправил тебе письмо и перевод на 150 рублей. Еще хочу отправить 100 руб., но пока еще нет перевода, так что небольшая задержка в отправке денег. Как себя чувствуют мои малыши, сообщай быстрее.

Да вот еще. Меня интересует, пишут или нет, Леонид¹ и Иван Шилов². Они ведь тоже, как и мы, попали в здоровую передрагу...

На этой строке фронтовая переписка обрывается – вторая половина последнего письма сильно пострадала и почти не читается. Вероятно, были и другие письма, но они, увы, не сохранились. Память – штука зыбкая...

И не дети виноваты, по своей несмышлености забавлявшиеся с пожелтевшими от времени треугольниками Владимира Соколова. Послевоенные ребятишки вообще играли в песочницах орденами и медалями отцов-фронтовиков, теряли их, словно пуговицы или монетки, почти без сожаления: дескать, у папы еще есть. Но тех пап 40-х годов понять можно. Что им медали – главное, остались живы, снова увидели свою родную землю, обняли любимых жен, подбросили в небо детишек, что четыре долгих года росли не на их глазах. Сколько раз за военное лихолетье – под завывание «Юнкерсов», устрашающее рычание «Тигров» и «Пантер», за миг перед атакой, когда так не хочется покидать спасительный окоп – они уже навеки прощались с родимым домом. И память об этом была еще свежа, каждую ночь возвращаясь ночными кошмарами.

Но с каждым поколением память ветшает, расслаивается, утрачивает важные детали. Письма горят, фотографии желтеют, награды и документы годами пылятся в «долгих ящиках», задвинутых в дальние углы чуланов...

Поэтому виноваты мы – взрослые, которые не смогли сохранить семейные реликвии. А если сохранили, то не сумели донести до своих потомков, зачем и для чего их храним.

¹ Соколов Леонид Сергеевич, 1921 г.р., пос. Павловский Очерского р-на. Сержант 993-го зенитного артполка. Погиб в бою 23 декабря в 1944 году в Венгрии. – прим. ред.

² Шилов Иван Федорович, 1917 г.р., д. В. Талица. Старший сержант, командир ору-
дия 86-й стр. бригады, 1262 сп. Демобилизован в 1944 году по ранению, награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги». После войны – столяр ПМК-2. – прим. ред.

ЦЕЛУЮ КРЕПКО, ВАШ САШКА

Александр Александрович Арбузов родился в 1922 г. в д. Могоча Читинской области. Окончил Очерскую среднюю школу № 1, сразу после выпуска, 28 июня 1941 г. ушел добровольцем на фронт. Старший сержант, помощник командира взвода разведки 47-го отдельного гвардейского минометного Краснознаменного дивизиона. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу». Погиб 17 июня 1945 г. Похоронен в г. Загон, Германия (в наст. время – г. Жагань, Польша, ул. Кожуховска, левая сторона – прим. ред.)

А. Арбузов – крайний слева

17.05.1943 г. Из письма сестре Жене

...Жалко, что война помешала нам жить спокойно. Жалко, что молодость проходит здесь, в блиндаже, в лесах. Но наш долг сейчас - защищать Родину, мне здесь, на фронте, а тебе ковать победу в тылу. Я думаю, что мы свой долг выполним. Может быть, ко Дню Победы нас не будет, зато потом вспомнят про наши дела... Как хотелось бы посмотреть на Очер, на вас, хоть одним глазком. Правым или левым - все равно. Наверное, все изменилось... Целую крепко. Сашка».

Конечно, очень и очень жаль, когда теряются солдатские письма. Но иногда подумаешь: да бог бы с ними – лишь бы были живы их авторы! Горестно, когда Родина теряет лучших своих сыновей. Читая письма очерца Александра Арбузова, понимаешь, что с войны не вернулся настоящий талант, который, вполне вероятно, в мирное время стал бы знаменитым писателем или журналистом. Живой ум и живое перо, тексты точны, грамотны, содержательны, но вместе с тем мечтательно-лиричны, образны и пронизаны искренней добротой и жизнелюбием. Вчитайтесь, сколько щемящей тоски по родному Очеру, нерастраченной любви и нежности к близким в этих строках! И сколько надежд и планов на будущее рухнуло в одночасье из-за проклятой войны...

4.10.43г.

Здравствуй, дорогие мои!

Вот уже четвертый день, как мы живем в Москве. Сейчас, как будто, работы и не так уж много, но письмо сразу вам не мог написать. То, да се – руки не как не доходили. Ну, вот пишу.

Приехали сюда 30.9.43г., так неожиданна была эта поездка, да еще в такое время, что ни кто не верил, что мы едем в Москву. А теперь вот здесь!

В тот вечер, когда мы сгружились, Москва салютовала воякам Красной Армии. Какое красивое, замечательное зрелище: гол орудий (то надполитнает грант), сотни разноцветных трайсирующих снарядов взлетают в герне, баротоме, мильяны трайсирующих пул, ракеты. Это замечательно.

Два раза брал городской отпуск на сутки. Оба раза пошел у Николая Арсимова. Он живет здесь, работает в НРО – комитетом военном городка. Живет хорошо, материальное обеспечение хорошее – снабжается от наркомата. Живет на Мясной ул. около Калужской площади, за Крыжским мостом. Боя и у Коси Власова вместе с ним. У него дома живут не очень то близкие

4.10.43 г.

Здравствуй, дорогие мои!

Вот уже четвертый день, как мы живем в Москве. Сейчас, как будто, работы и не так уж много, но письмо сразу вам не мог написать. То да се – руки никак не доходили. Вот, пишу.

Приехали сюда 30.9.43 г. Так неожиданна была эта поездка, да еще в такое время, что никто не верил, что мы едем в Москву. А теперь вот здесь!

В тот вечер, когда мы сгружались, Москва салютовала воинам Красной Армии. Какое красивое, замечательное зрелище: гул орудий (это напоминает фронт), сотни разноцветных трассирующих снарядов взлетают в черное, бархатное, небо, миллионы трассирующих пуль, ракеты. Это замечательно.

Два раза брал городской отпуск на сутки: оба раза ночевал у Николая Архипова. Он живет здесь, работает в НКО – комендантом военного городка. Живет хорошо, материальное обеспечение хорошее, снабжается от наркомата. Живет на Мытной ул. около Калужской площади, за Крымским мостом. Был и у Кости Власова вместе с ним. У него дома живут не очень-то блестяще, туговато из-за продуктов.

Здесь войны совсем не чувствуется. Город все такой же шумный и многолюдный, как и до войны. Все по-старому – как и войны нет. На площадях и улицах ночью горит свет, работают театры и кино. Народ чистенький и веселый. Время можно провести замечательно, если, конечно, карман большой. Очень много военных, особенно с золотыми погонами, а с такими, как у нас, очень мало можно встретить.

<...> Ну, как у вас дела, как живете? Я ведь от вас очень, очень давно не получал писем. Что делается дома сейчас, не представляю. Наверное, убираете в огороде. Как дела с кормом Зорьке? Вывезли или нет дрова? Если нет транспорта, то я напишу в РК ВКП(б), чтобы помогли вам вывезти дрова. Как живет моя маленькая сестренка Лидочка? Она стала, наверное, совсем большая. Как хочется вас всех увидеть, если были бы вы поближе, то приехал бы хоть на пару деньков. А то ведь на дорогу нужно не менее пяти дней. Ну, да ладно.

Многие ребята (кто живут близко) уехали домой. А я вот здесь загораю. Обидно, что ничего нельзя сделать для того, чтобы попасть хоть ненадолго к вам. Вот кончится война, тогда, может быть, и побываю дома. Ну, как ваше здоровье – папа, мамик и бабуля?

Женюша! Как у тебя дела идут в Райкоме, как ворочаешь своими комсомольцами? Чувствую уже, что пришлось тебе попотеть за осень. Как там с уборкой-то? Наверное, много еще осталось. Ну, работайте лучше там – видите как на фронте «снимают урожай» – и вам также надо действовать!

Маша! Как у тебя дела с работенкой-то? Как поживаешь? Ну, кажется все. Передавайте привет всем. Пока до свидания. Целую крепко. Ваш Сашка.

Москва 4/ 10 – 43 год.

Р. С. Адрес у меня старый, какой и был. Пишите.

8 июля 1943 г.

Здравствуйте, дорогие мои! Папка, мама, бабуся, Маруся, Женя, Коля и Лидочка!

Вот сегодня получил от вас 3 письма от 8.6.43, два с февраля. Письма запаздывают из-за того, что часто переезжаем. Такая уж у нас часть. Письма <вычеркнуто цензурой>, после такого путешествия попали к нам. Ну, да это ничего. Так нужно и без этого нельзя. Но они обязательно попадут к нам.

Живу ничего. Работаю все там же. Работы сейчас стало значительно меньше. Иногда бывает свободное время – беру автомат и иду за ягодами. В общем, живу ничего. Немного скучновато, да это чепуха. Изредка приходит с передовой Ванюшка З., поговорим с ним немного, вспомним о доме. Хороший он парень. Раньше (до войны) работал вторым помощником капитана в Камском Речном Пароходстве. Вот и рассуждаем о том, да о другом. Строим планы, ну вообще, занимаемся фантазией. Это иногда не мешает. У него дома остались жена и маленькая дочь. Читаем вместе письма, иногда смеемся от души, иногда и горюем. Все бывает.

Продолжаю писать после целого дня – ездил в одно место и вот сейчас, приехав, решил докончить. После целого дня суеты никак не придумаю, что и написать еще. Новостей особенных никаких нет. У нас пока все спокойно. Ждем с нетерпением – скоро ли в бой, скоро ли гнать фрицев. Ну, пока все.

Через 13 дней мне будет 21 год! Привет от Кости Власова, и Ванюшки и от всех ребят. Пишите ее. Я пишу, стараюсь использовать свободную минуту.

Пока до свидания. Целую крепко, ваш Сашка.

9 июля 1943 г. 02 часа ночи.

24.1.45 г. Москва

Здравствуйте, мои дорогие! Папка, мамочка, бабуся и Лидочка, шлю я вам свой горячий привет из Москвы!

Как ни обидно, как ни жалко, но дома не пришлось побывать. А ехал я домой. Дали пятнадцать суток. Восемнадцатого января выехал из Минска с ранеными – влез нахалом, но в Борисове ссадили. Пришлось прыгать целую ночь (там вокзал еще не восстановили). До Смоленска добирался с ленточкой. А там упросил машиниста, ехал на паровозе. Машинист оказался земляком – из Молотова, хорошо знает отца Вениамина Ч. В Москву приехали 21. И сразу же на Ярославский вокзал. Думал, что сразу попаду на поезд. Но народу едет так много, что вчера к вечеру не смог достать билет *<вычеркнуто цензурой>*.

Решил остаться здесь до двадцать восьмого. А там обратно в Минск. Брать на себя лишнее просто не захотел, а опоздать – это значит штрафной батальон. Скоро конец войне, и перед концом опозориться – просто нехорошо, ведь я честно провоевал три с половиной года.

А как мне хотелось домой! Я вам не писал никогда, а о доме, об вас скучал так, просто нельзя это выразить. Ведь три с половиной года это большой срок. Скучал особенно об вас в последнее время. Ну, да что ж сделать? Ведь конец всему не так уж далек. Все движется к развязке. И тогда уж приеду.

В Москве жизнь стала гораздо лучше, чем в прошедшие годы. Светомаскировки уже нет. С питанием стало хорошо. Правда, на рынке дорого, но снабжать стали лучше. Здесь каждый день салюты. Вчера было четыре. Так красиво! Множество ракет и гул орудий.

Сегодня съезжу к Николаю Архипову, он живет на Таганке, с ним встретился случайно, в трамвае. Просил заезжать. Я живу у Вали Барановой. С ней давно переписывался, познакомился через посылку. Она очень хорошая девушка. Семья у нее простая – рабочая. Встретили меня так, как я совершенно не ожидал. Думаю у ней остаться до двадцать восьмого, до отправки в Минск.

Пишите по старому адресу. Не горюйте, что не приехал. Уж так мне «повезло». Крепко вас всех целую. Ваш Шурка.

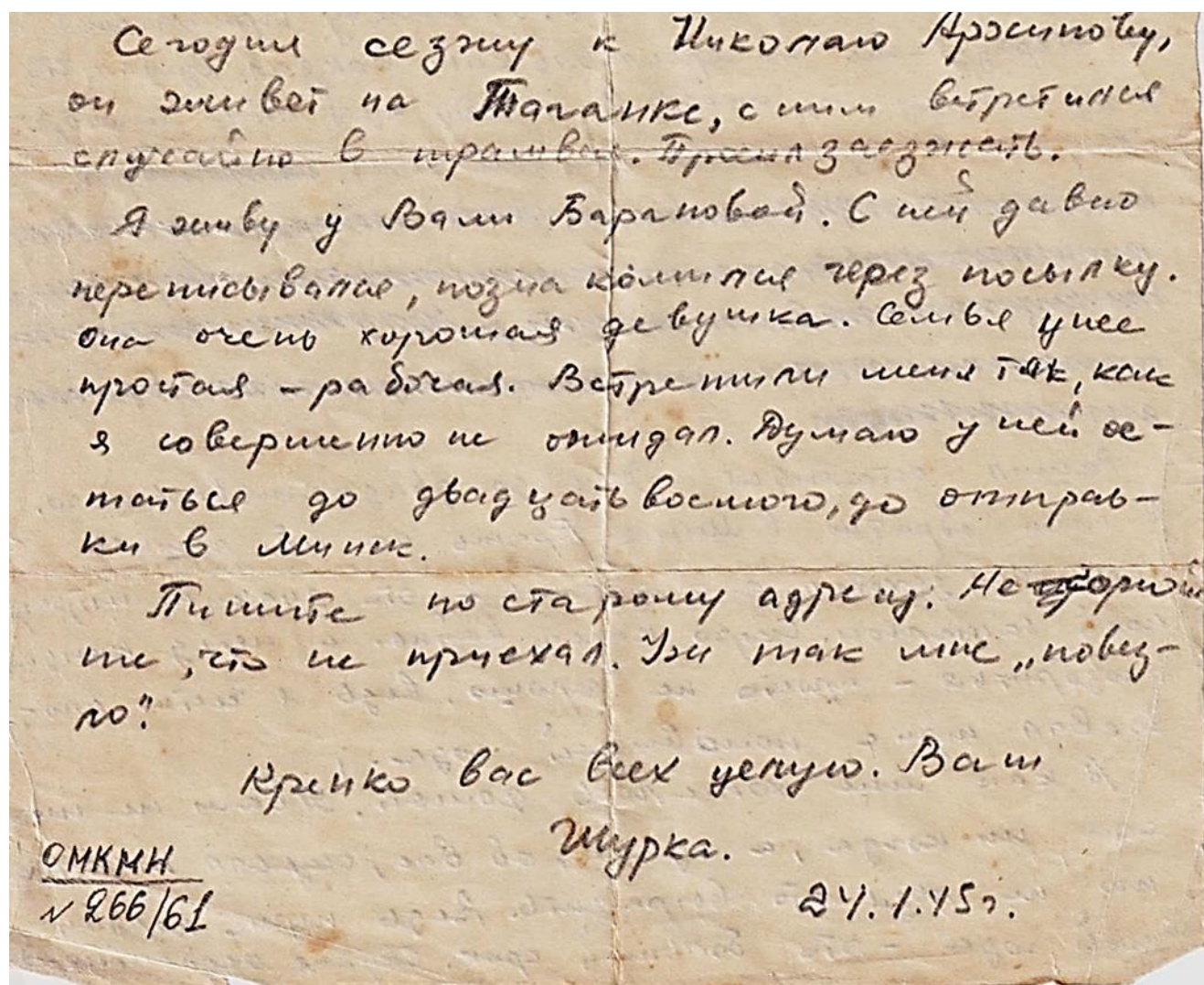
10.02.45 г.

Здравствуйте, мои дорогие, папка, мамик, бабуся и Лидочка! Вчера от мамы получил письмо. Очень рад. А то все это время такое жуткое настроение, что просто хоть реви.

Ну, живу все по-старому. Работы за мое отсутствие накопилось так много, что все еще расхлебать не могу. Да вот еще привязались с художе-

ственной самодеятельностью – каждый день ходим за 5 км на репетицию. Сегодня не пошел, звонили начштаба, он выручил, сказал, что болею.

<...> От Жени писем нет. Как она там, все ли в порядке? Теперь уж наверно племянник есть. Машка и Валя тоже не пишут. Получил письмо от Вовки Петрова. Он все еще в Туле. На фронте не был с тех пор, как ушел в госпиталь из нашей части под Ржевом.

Сегодня встретил к Николаю Кравцову,
он живет на Талалке, с ним встретился
спустя в три часа. Прощай за сегодня.

Я живу у Васи Баранова. С ним давно
переписывался, позная познакомила через посылку.
Она очень хорошая девушка. Семья у нее
проста – родители. Встретили меня так, как
я совершенно не ожидал. Думаю у нее се-
мья до двадцати восьми, до отправки
в Минск.

Пишите по старому адресу. Не забудьте
те, кто не причесал. Уж так мне „побу-
до“

Крепко вас всех целую. Ваши
Мурка.

ОМКМН
№ 266/61

27.1.57.

Ходил к Вовке З. Он дал письмо от папки. Обидно, что не могу материально ничем вам помочь. Ну, ничего, ведь до конца войны остались считанные месяцы. Тогда все дела налаживать будем вместе. Главное как-нибудь нужно продержаться вот этот последний промежуток времени. Знаю, что дело плохо. Вот нам дают не триста, а вдвое больше – и то не хватает. Что ж делать? Надо держаться.

Погода последние дни стояла хорошая, но вот уж второй день ветер и снег. Все землянки заносит, так что работенки ребятам хватает. При-

дешь к установке¹, она по самые направляющие занесена, чуть видать мотор.

Настроение зверское. Все еще не могу оправиться от постигшей неудачи. Ведь мечтал и думал, и все провалилось. Весь представлял, как буду подходить к дому, как постучусь. Бабуся спросит: «Кто тут?» Я отвечу, она не узнает... И все «лопнуло». Как жаль!

В Москве попал к простым и чутким людям. Они чувствовали мое горе и делали все, чтобы я немного хоть успокоился. Мать Вали очень хорошо отнеслась ко мне. Все говорила: «Не горюй, ты увидишь своих родных». Ну, теперь уже жалеть поздно...

О поездке на фронт ничего не слышать. Едва ли попадем еще туда. Лучшие бы уж ехать, здесь так надоело все, да и ребят жалко, здорово достается, а насчет шамовки² туговато.

Ну, пишите. Передавайте всем привет. Да! Получили или нет фотокарточку? Я Вале велел послать, с ней перед отъездом сюда фотографировались. Привет и новому племяннику или племяннице. Как его зовут?

Крепко целую. Ваш сын, внук и брат Сашка.

5 апреля 1945

Здравствуйте, папка, мамик, бабуся и Лидочка!

Шлю я вам свой привет из логова фашистского зверя – из Германии и желаю вам сил и здоровья. Жив и здоров. Живу хорошо, но только немного скучновато. Писем ни от кого еще не получал – это все с переездкой, но, скоро наверное, пойдут.

Ну, как ваше житье-бытье? Ведь скоро у вас весна, работы много будет! Здесь давно уже тепло. Ходим давно без шинелей. Кругом все начинает зеленеть, деревья распускаются. Правда, сейчас идут дожди, но, все равно тепло. А у нас на Урале только начинает таять, наверное. А все равно у нас лучше, как-то и весна здесь не русская какая-то, совсем не радуется так, как у нас.

Ну, как ваше здоровье? Как папка у тебя с ногами дело? Как моя сестричка растет маленькая? Пишите обо всем. Пишите, какие новости в Очере. Привет всем родным и знакомым. Крепко целую вас. Сашка.

Р. С. Посылаю Лидочке открытку. С. А.

¹ Реактивный миномет «Катюша» – прим. ред.

² Шамовка – еда (разг.)

Вчера от мамы получил письмо. Очень рад. И то все это время такое шумное и суетное, что просто хань реви.

Ну, живу, вы по старому. Работы за мое отсутствие накопилось так много, что вы еще рахлебать не могу. Да вы еще привалялись с художественной самодеятельностью — каждый день ходим за 5 км. на репетицию. Сегодня не пошел звонили чех. штаба, он вдруг сказал, что болен.

Ну, а так вы по старому. Ах жини инстин. Как она там, вы ли в порядке. Песнь уж наверно и племеник есть.

Машка и Валя тоже не пишут. Получил только от Вовки Петрова. Он вы еще в Туле. На дрессе сидит с тех пор как ушел в госпиталь из нашей части под Ржевом.

Ходил к Вацке З. Он дал письмо от мамы. Обидно, что не могу материально ни чем вам помочь. Ну, ничего. Надо до конца войны остаться смирными медведями. Тогда все дело налаживаться будет вместе. Главное какнибудь нужно продержаться вот этот последний промежуток времени. Знаю, что это плохо. Вот чех дано не кричит, а воем больше что не жвагет. Этой делять? Надо держаться.

19.04.1945

Дорогой папка, здравствуй! Поздравляю тебя и всех наших с праздником 1-е мая! Получил все письма от тебя (т. е. от 7/III, 16/III, 30/III), спасибо за них. Много писать нет времени. О своей жизни скажу, что живу хорошо, но времени свободного нет — сам знаешь. Погода стоит неплохая. Тепло уже давно. Все кругом зеленеет и цветет.

<...> Пиши, папка, какие дома новости, что делается в Очере. Что пишут из Ленинграда? Да! Ты, папка, спрашиваешь про Вовку Петрова, это мой старый друг. Мы с ним воевали вместе до Ржева, а из-под Ржева он ушел в госпиталь. Он из Ленинграда.

Ну все, крепко целую. Сашка.

А это письмо написал фронтовик Виктор Игнатьев¹ своему закадычному товарищу Саше Арбузову, с которым они вместе ушли воевать в далеком 1941-м. Он очень любил получать письма от школьных друзей, находил время отвечать на каждое. Переписка влиwała свежие силы, помогала преодолевать фронтовые невзгоды. Но особенно ему нравились весточки от одноклассника Александра Арбузова. «Какое хорошее чувство оставляют в душе твои письма!», – писал Виктор.

23.06.45 г.

Саша, здравствуй! Между прочим, всего лишь два человека могут оказывать на меня влияние своими простыми, дружескими задушевными письмами. Это Сашка Арбузов и Зоя Шиловская. В них не чувствуется той натянутости, принужденности, которая сквозит у всех остальных, как будто они пишут из-под палки или выполняют долг вежливости. Большое спасибо тебе за это, друг. Причиной всех черных мыслей являются, конечно, 22 года, потребность в молодом, веселом обществе, которого я лишен. С какой завистью я смотрю на студентов, но в результате один выход – терпение и полное равнодушие. Саша, не обращай внимания на мои скучные нотки, это вполне нормально по молодости лет.

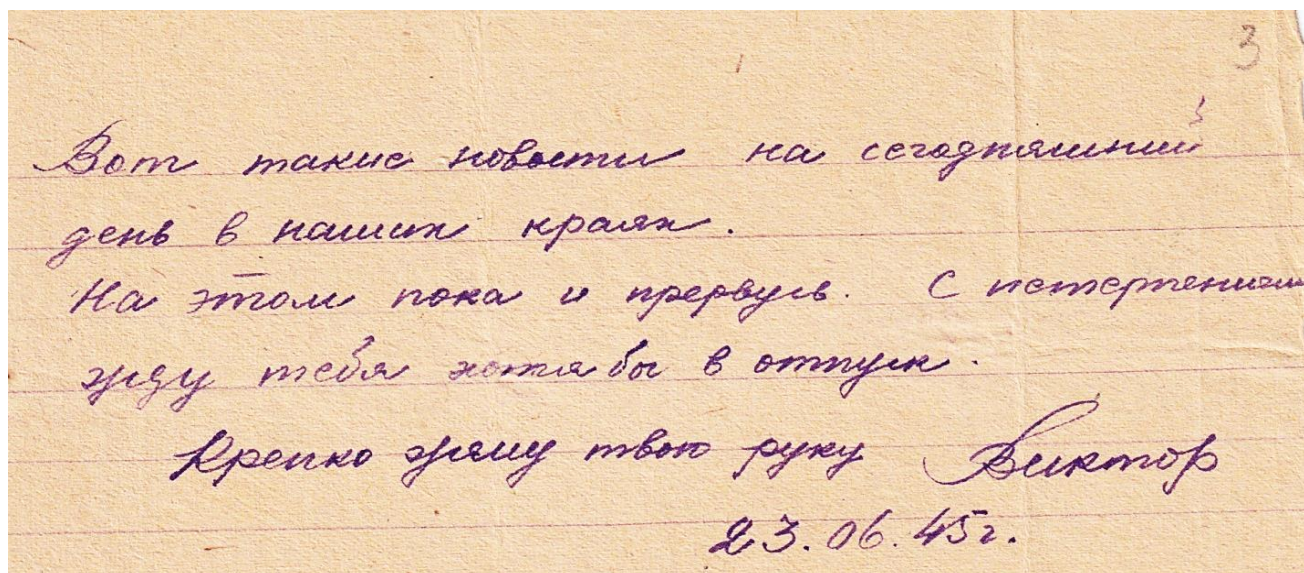
Мои занятия в школе кончились, целое лето, прекрасное уральское лето, в моем распоряжении. Июль-месяц думаю прожить в Молотове, правда, для того, чтобы весело провести время, средств нет. Но на казенных харчах института как-нибудь перебыюсь. Я совсем забыл тебе написать о том, что устроился на заочное обучение в Пединститут, теперь у меня есть шансы каждое лето на м-ц уезжать в город, если, конечно, будет все благополучно в материальном отношении.

Недавно был в Очере, видел Гаридулича², он приезжал в отпуск. Такой же здоровяк, нисколько не изменился, служит в мото-мех. части в Германии, ни разу не ранен. Я долго с ним разговаривал, вспомнили старину, поде-

¹ Игнатьев Виктор Васильевич, 1923 г.р., с. Токари. Мл. лейтенант, командир взвода 2-й лыжного батальона 161-го полка 53-й Гвардейской стрелковой дивизии. Демобилизован после тяжелых ранений в 1944 году, инвалид войны. Кавалер ордена Красной Звезды. После Победы – военрук Токаринской школы, наблюдатель метеопоста, библиотекарь. – прим. ред.

² Гаридулич Николай Родионович, 1911 г.р., старшина авторемонтной роты на 2-м белорусском фронте, кавалер ордена Красной Звезды, после войны работал в Очерской школе механизации и леспромхозе. – прим. ред.

лились настоящим. От Николая Рязанова¹, на которого была похоронная, мать получила два письма ровно через три года. Еще один друг нашелся, подробностей пока не знаю. Вот такие новости на сегодняшний день в наших краях. На этом пока и прервусь. С нетерпением жду тебя хотя бы в отпуск. Крепко жму твою руку. Виктор.

Вот такие новости на сегодняшний
день в наших краях.
На этом пока и прервусь. С нетерпением
жду тебя хотя бы в отпуск.
Крепко жму твою руку Виктор
23.06.45г.

Но Виктор Игнатьев так и не дождался своего друга. Это письмо он писал, когда старшего сержанта Александра Арбузова уже не было в живых. Он погиб 17 июня 1945-го, всего месяц не дожив до 23 лет. Погиб уже после того, как отгремели победные залпы салютов, когда многие солдаты-победители были дома со своими семьями. К сожалению, после капитуляции на территории Германии остались недобитки – осатанелые гитлеровские выкормыши, которые не смирились с позорным поражением фашизма и продолжали стрелять из-за угла по советским воинам и мирным жителям. Коммунист Арбузов понимал, что с ними обязательно нужно было покончить и только после этого – домой. За то, чтобы нацизм больше никогда и нигде в мире не распространял свой яд, и погиб славный очерский парень Сашка Арбузов...

¹ Рязанов Николай Иванович, лейтенант-артиллерист, герой обороны Крыма, тяжело раненным попал в плен, где провел три года. После войны – корреспондент газеты «Знамя труда». – прим. ред.

ВРЕМЯ ПЕРВЫХ

Россомагин Константин Владимирович, 1906 г. р. В 1922–23 гг. учился в Очерском техникуме, в 1923–28 гг. работал на ОМЗ. В 1931 году по партийной мобилизации направлен в Орловскую бронетанковую школу. Гвардии полковник. Великую Отечественную войну закончил начальником оперативного отдела штаба Ленинградского фронта. Кавалер четырех боевых орденов¹.

Очерцы старшего поколения еще помнят Константина Владимировича – дядю Костю, представительного, крепко сбитого добряка с лицом природного русака, с открытой мягкой улыбкой. С женой Лидией Георгиевной дружно жили они в скромном домике по улице Советской около пруда. На его берегу дядя Костя частенько встречался с боевыми друзьями: порой до самого заката шли воспоминания о долгих верстах войны, воссоздавались забытые черты лиц боевых товарищей, оставшихся навечно молодыми. Разгорались как всполохи споры-разговоры и медленно утихали, прерванные нервной затяжкой крепчайшей папиросы:

Тут знакомы-раззнакомы,
Кровью сроднены вполне,
Обсуждались Жуков, Конев –
Сослуживцы по войне.

¹ Книга Памяти 1941-1945. Очерский район. – Том 2. – С. 391–392.

Нет-нет да и кольнет сердце, растревоженное тягостными воспоминаниями, зашевелится так и не извлеченный немецкий осколок в израненном теле ветерана... Одним из участников дружеских бесед очерских фронтовиков был журналист Николай Рязанов, который в 1967 году написал очерк о полковнике Россомагине.

«...Разволновался от воспоминаний Константин Владимирович и чаще обычного отправляет в нос очередную порцию душистого нюхательного табаку. Курить давно бросил: сердце... Лидия Георгиевна сначала только смотрит на мужа укоризненно, а потом не выдерживает и делает строгое внушение за каждую понюшку. Изредка Лидия Георгиевна дополняет рассказ супруга, ей тоже есть что вспомнить: война застала ее в Харькове, куда 35-летний капитан Россомагин, окончивший в мае 1941 года академию им. Фрунзе, прошедший боевую практику в финскую кампанию, был назначен начальником курсов усовершенствования комсостава бронетанковых войск.

В этих войсках Константин Владимирович прошел всю армейскую службу в течение 26 лет. В 1932 году с отличием окончил бронетанковое училище и остался в нем преподавателем. Затем – академия, куда в то время на одно место было десять желающих поступить. Всю Отечественную провел в танковых соединениях на Брянском, Западном, Калининском фронтах и встретил Победу начальником оперативного отдела бронетанковых войск штаба Ленинградского фронта, которым командовал маршал Говоров.

Что такое оперативный отдел? Это – напряженная, днем и ночью, работа по подготовке боя, движению и размещению воинских соединений. Это – работа среди населения в освобожденных районах, куда еще не успела дойти гражданская власть. Оперативный отдел – святая святых штаба».

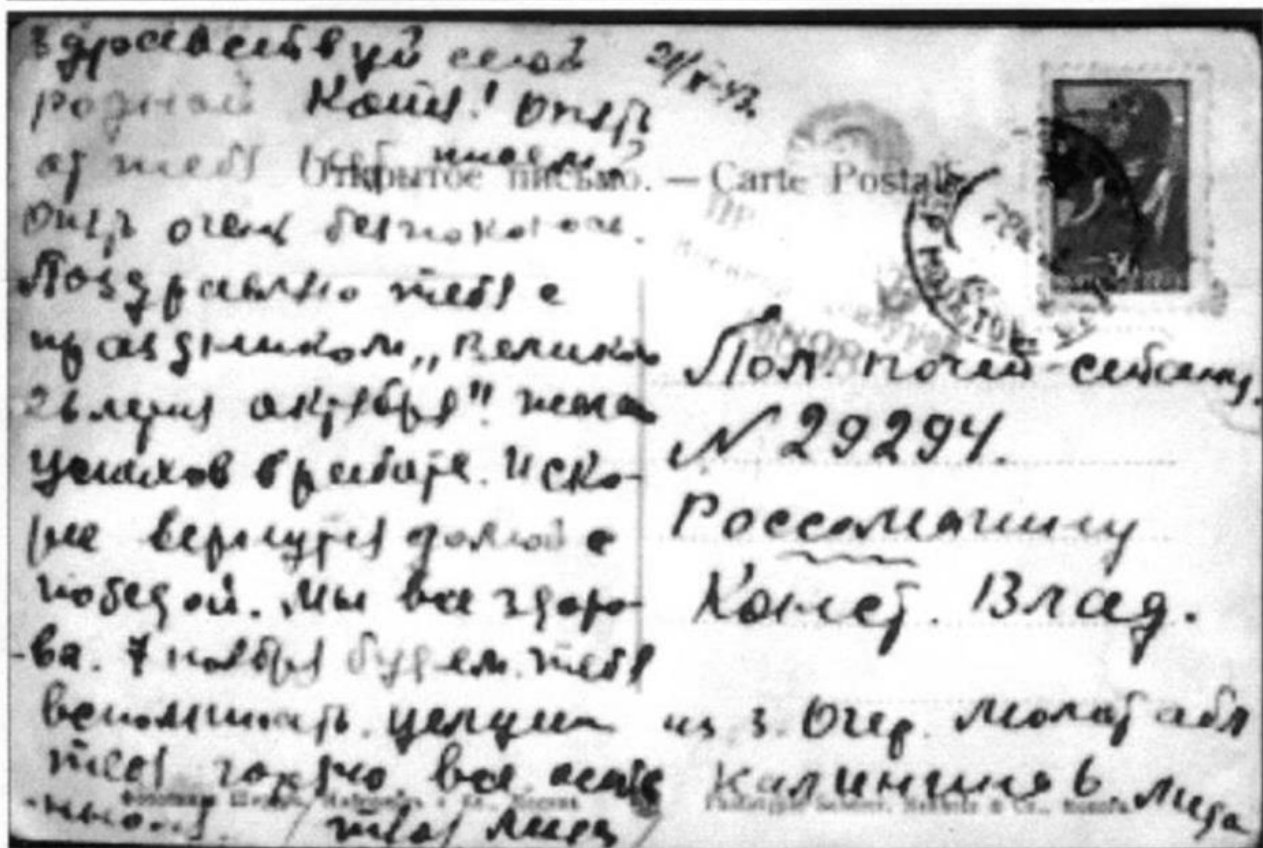
Письма Константин Владимирович писал редко, чем вызывал постоянные тревоги и беспокойства в далеком Очере, где его ждала семья. Лидия Георгиевна, конечно, понимала, что у мужа на фронте просто нет ни минутки свободного времени, но все равно просила хоть иногда давать о себе весточки. К ноябрьским праздникам она послала ему на фронт открытку с видами старого Очера, чтобы тот вспомнил о далекой малой родине:

«21 октября 1943 г. Полевая почтовая станция №29294. Россомагину К.В.

Здравствуй мой родной Костя! Опять от тебя нет писем, опять очень беспокоюсь... Поздравляю тебя с праздником «Великого 26-летия

Октября», желаю успехов в работе. И скорее вернуться домой с Победой. Мы все здоровы. 7 ноября будем тебя вспоминать. Целуем тебя горячо. Твоя Лида.

Из з. Очер Молотовской области, Калинина, 6».

А поводов для треволнений было предостаточно. Россомагин, по своей привычке быть всегда впереди, в штабе отнюдь не засиживался. Не раз был ранен и контужен. За то, что постоянно был в войсках, случалось, получал и нагоняи от начальства.

«...Когда в Берлине еще шли бои, большая группа высших офицеров, в том числе и Россомагин, на нескольких десятках автомашин из Прибалтики приехала в штаб маршала Жукова. Задача была: в случае необходимости (гибели в бою или ранении. – прим. ред.), быстро заменить высший командный состав, чтобы не задержать окончательной победы ни на одну минуту. К счастью, заменять никого не пришлось.

<...> Когда гвардии полковник Россомагин вышел в отставку, то он вернулся в Очер, где протекала его не менее боевая юность. Костя Россомагин - комсомолец 20-года, член райкома ВЛКСМ и первого состава заводского комитета комсомола. Работая на Очерском заводе фрезеровщиком и слесарем инструментального цеха, Костя был и бойцом 2-ой роты ЧОН, в которой воевал с кулачем, тушил лесные пожары, сопровождал обозы с хлебом, ловил самогонщиков. В то же время Костя был председателем правления клуба и разъезжал по деревням с концертами художественной самодеятельности. <...> В 1929 году молодой коммунист был направлен в Московскую горную академию, но окончить ее не пришлось - Россомагина по партийной мобилизации призвали в военное училище.

Большая, кипучая жизнь за плечами Константина Владимировича! В юности с первых лет Советской власти стал он бойцом переднего края - первым в работе, учебе, защите Отечества».

«НИЧЕГО НЕТ ОСОБЕННОГО – ВОЙНА»

Кронштадт – единственный из малых городов СССР, упомянутый в плане Барбароссы. Именно он стал щитом, который надежно закрыл от врага Ленинград. В июне 1941 Кронштадтская военно-морская база представляла собой крупное соединение боевых кораблей, береговой и противовоздушной обороны: 2 дивизиона тральщиков, 2 дивизиона сторожевых катеров, дивизион сетевых заградителей, шхерный отряд кораблей и бригада торпедных катеров. Противовоздушную оборону обеспечивали 2 зенитных артиллерийских полка и 4 отдельных дивизиона¹. Одним из тех, кто героически оборонял город-крепость от огня противника, был наш земляк Леонид Шайдуров.

Леонид Александрович Шайдуров родился 16.04.1916 в г. Пермь, в 1937 был призван в армию. На «Большом Морском охотнике» – судне Краснознаменного Балтийского флота – он участвовал в финской войне 1939-40 гг. и в Великой Отечественной, служил радистом 1-го класса, командиром отделения связи, демобилизовался в 1946 году. Шайдуров был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», медалью Ушакова. За Великую Отечественную, согласно наградному листу, Леонид Александрович прошел 19500 миль,

участвовал в 8 операциях по высадке десанта и оперативных групп в тыл противника, в проводке 72 караванов, в эскорте 32 подводных лодок на по-

¹ Кронштадт в БОВ // Союз городов воинской славы : сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://srgvs.ru/kronshtadt-v-vov>.

зиции в Балтийское море, в 16 операциях по обеспечению траления, в 5 боях. В жестких боевых условиях он умело исправлял повреждения, обеспечивая надежную связь между катерами. Дозорный сторожевой катер Шайдунова отразил в общей сложности 105 атак самолетов противника.

После войны Леонид Александрович работал старшим техником Центрального телеграфа г. Перми, заведующим системой трансляции, сменным инженером. В 1950 г. он был переведен в Очерскую районную контору связи техником, потом заместителем начальника, начальником головного участка Очерского эксплуатационно-технического узла связи. Умер 10 октября 1966 г.

Дочери Леонида Александровича сохранили дневники отца, в которые он скрупулезно, день за днем записывал все события своей военно-морской жизни.

1941

22.06.41

Объявление войны между СССР и Германией в 04.00. На Таллин со стороны Финляндии по одному отправлялись не раз самолеты-разведчики, но до города не долетали, наши встречали их зенитным огнем.

23.06.41.

Ночью пролетал разведчик со стоны Финляндии. Был сразу же вынужден повернуть обратно (видимо, хотят прощупать, где что). В 16.12 был самолет, но тоже быстро взял обратный курс и скрылся за облаками.<...>

27.06.41.

Прекрасная полночь. Производим бомбометание, обеспечиваем безопасность кораблей. Время 00.05, пришли в базу. В 02.00 снова выход. Сопровождаем эскадру в Кронштадт с крейсером. Уже третья мина на пути.

Время 08.00, расстреливаем мину. Чувствуется напряжение и ответственность. Погода быстро изменилась, стала сплошная облачность, но прошло два часа, и по-прежнему светит солнце. Правда, подул ветер, начинает покачивать, вполне понятно, — на то оно и море.

Вчера героически погиб при атаке подлодки наш командир. Попадает много мин в разных районах залива, которые ставят с самолетов, больше на фарватерах и узкостях.

22.06.41. Объявление войны межд. ду СССР и Германией 04.00. На Балтике со стороны Финляндии были на раз самолеты разведчики по одному, но до города не долетели, наши встретили зенитным огнем.

23.06.41. Новое пролетное разведчик со стороны Финляндии, был сразу же вынужден повернуть обратно (видимо потерял ориентацию где, что). В 16¹² был сбитый по мере достига взан обратный курс и сбежал за облаками.

24.06.41. Новое был сбитый со стороны Финл. Все производный разведчик. 16⁴⁰ самолет над Финляндией, очень высоко, одиночный.

Два самолета встретились с немецкими самолетами противника, обстреливали их, не потеряв при этом своих. Караваном, что примет самолет противника наблюдая когда наши самолеты в воздухе нет, где то есть Л.С.

Около 12.00 дня в Нарвской губе появился самолет, тяжелый бомбардировщик. Открыли огонь – пошел на снижение, видимо хватил впопыхах. 18.30 были в Кронштадте. <...>

03.07.41.

Ночью идет сильный дождь. Здесь геройски выдержал боевое крещение один из катеров. День прошел спокойно. К вечеру стало тепло, вышло солнце. 18.50 самолет противника, разведчик, улетел обратно. Видел катер, где служит мой земляк, а его самого – нет, т. к. они шли мимо нас, с начала всех событий мы еще не встречались. Замечательный вечер, очень тепло. Вернулись катера с Кронштадта. <...>

08.07.41.

Стоим на стенке, кой-какой ремонтник. 14.00 ходили на похороны своего командира отряда. Замечательный человек, жаль его и тех, кто погиб с ним героической смертью. Как хороша природа в лесу, ее трудно описать. Пришел в 22.00. Ну, вот и снова день прошел. Погода жаркая, штиль. <...>

11.07.41.

Все спокойно, но уже с утра в 08.30 явился самолет и сразу повернул обратно. В 18.00 неожиданно открылась моя старая незажившая рана. Как тяжело, но ничего не поделаешь, недаром я чувствовал. В 19.00 пришли с катера пленные финны и шведы. Вид у них противный, чувствуется, что сильно истощены. В 20.00 заступили в дозор.

12.07.41.

Замечательная полночь, полный штиль и луна. Жарко, просто сижу и обливаюсь потом. Как прекрасно море! А вспомнишь, что там гибнут тысячи людей, молодых жизней – как-то обдает холодом. Вот прошел и полдень, пока все спокойно. Подул слабый ветерок, но он такой приятный, нежный и ласковый. Вчера от Лиды получил письмо, но когда ответить, не знаю, все как-то нет времени. Из дома и от Вали нет ни звука, чем объяснить, не пойму. День прошел спокойно.

13.07.41.

Стоим в дозоре. Погода по-прежнему великолепная, и море безупречно спокойно. Днем появлялся самолет противника, но быстро улетел. Выстирал рабочее и после вахты думаю побриться, приведу себя в порядок. Я уже немного загорел до пояса, солнце сильно печет, представляю каково сейчас в городе. Вот и вечер. Побрился, совсем другое стало. День прошел спокойно.

14.07.41.

Полный штиль. Замечательная ночь, природа как будто вся насторожилась. Утром был самолет. Слышал по радио сводку за три недели войны. Ужасные цифры, их еще никогда не видала история. В 21.00 сменились с дозора, пришли в Таллин. <...>

20.07.41.

Лег спать около часа. В 05.50 три самолета над Таллином, один подбили с острова Вульф. Два пытались бомбить аэродром, но огонь батарей мешает осуществить этот план, и впопыхах один самолет бросает три бомбы бесцельно, хочет выиграть в скорости.

За ними пошли наши бомбардировщики и истребители. Готовимся к выходу. В 22.12 находимся в распоряжении тральщика, а в 23.10 идем сопровождать корабли на один из островов. Между прочим, за всю службу первый раз попал вместе с Мишкой.

21.07.41.

Полночь уже позади. Погода сносная, но ночи стали темными. Поход опасный, т. к. идем в районе, где много плавучих мин. Что ждет нас в далеком краю? Все чувствуют эту ответственность, знаем, к чему может привести малейшая оплошность любого из нас.

Ночью подорвался на mine тральщик. Как-то странно и нелепо смотреть на такие зрелища. Днем прилетал бомбардировщик. В первый раз видел его так низко. За ним пошли два наших ястребка, не знаю последствия. Видел потопленные корабли транспорта. Еще был один самолет. Здесь они смелее, чем в Таллине, сразу заметно.

24.07.41.

Стоим два катера вместе. Идет дождь. В 08.13 был самолет противника, но высоко. Погода сначала была облачная, но после полдня стало хорошо, все отдыхают. Дали нам горилки, день прошел свободно и легко.

В 23.00 вышли в море. Идем в Таллин. С нами ребята с подлодки, делимся мнениями и впечатлениями о происходящих событиях. По радио передают, что третью ночь на Москву массовые ночные налеты. Ничего нет особенного – война. <...>

26.07.41.

Катерные работы. Шли в баню, но прибыла машина, вот 16.00, стоим у тральщика, ждем указаний. 16.30 вышли в море, второй раз вместе с Мишей. Погода хорошая. Видел наши новые бомбардировщики, есть на что

полюбоваться, красавцы. Вчера получил два письма от мамы и от Вали, как приятно.

Дома все нормально и это основное, здесь тоже маху не дадим. Скоро полночь. <...>

02.08.41.

Стоим у пирса. До обеда большая приборка. Проспал до 09.00, за это драил леера. Время 11.43, скоро обед. Ночью была тревога, был самолет противника. После обеда выкупался на стенке и лег отдохнуть.

Подошли к Т. Ждем указаний. Время 19.00. Через 15 минут на аэродром был налет 23 бомбардировщиков. Последствия неизвестны, т. к. мы ушли, но видел, что наши истребители вступили в бой.

Погода стоит хорошая, штиль. Идем в тыл врага, финнов.

03.08.41.

Уже прошла полночь. Все ближе к цели. Идем под глушителями. Погода изменилась, хотя есть луна, но дует N ветер. Ход приличный, чуть больше среднего, начинает качать. Время 04.12, здесь уже Балтийское море, волна большая. Идем полным ходом, вот и снова Таллин. Время 08.15, все пьют чай, делали аврал и отдыхаем. Вечером смотрел кино «Концерт-вальс». <...>

10.08.41.

Встали в 05.00, идем встречать транспорт. Дует сильный ветер. Все, кто стоят на верхней палубе, обмываются соленой водой. Солнышко.

Говорят, что у Нарвы снова нам отрезали путь, а на город бросают листовки «Бомбить не буду, скоро приду». Ну, за Таллин мы еще постоим, его нужно защищать, иначе открыт путь на Питер. В бухте погиб миноносец дня два тому назад. Раньше ложусь отдыхать, т. к. предвидится выход. День стоял хороший.

11.08.41.

Идет дождь небольшой. 04.02 идем в Кронштадт с караваном. Время 08.20, часто попадают минные поля, рвутся мины в трале. 09.15 все еще идет дождь и ветер. 14.52 миноносец наскочил на банку, а в 18.40 буксир его снял. Стоим у Гогланда и периодически сбрасываем малые бомбы. Ветер начинает утихать, появилось солнышко.

Этот день 11 августа 1941 г. самый напряженный для всего личного состава и очень ответственный. В 20.02 к нам, видимо из Усть-Луги пришло 6 торпедных катеров. 22.10 гроза, снова поднялся ветер, в общем, воспоминаний и переживаний вполне хватит, да и вряд ли кто забудет этот день.

12.08.41.

Стоим у Гогланда, ждем указаний. Есть ветер балла на 2-3, вполне сносно, луна. Давно ее было не видно. Еще чувствуется, что не кончилось лето, но если нет солнца, то от воды прохладно.

Оставил усики, пусть растут, посмотрим, что получится. Время 02.44, стоим в дрейфе, личный состав, свободный от вахты, отдыхает.

Вспомнил декабрь 1939 г., ведь стою как раз у той бухты, где чуть не месяц базировался, и еще тогда мне этот остров казался суровым и неприступным. Сколько прошло времени, а он по-прежнему такой же строгий.

13.08.41.

Полночь, темно. Прошли Шепелевский маяк. Родные берега – так они хорошо знакомы, ведь когда-то мы тут несли дозор. Периодически до темноты бомбили с торпедного катера. В 05.40 были в Кронштадте на большом рейде. 06.00 пришли на остров Святой Елены, а в 10.16. были в Ораниенбауме. Здесь пошли закупать продукты в город, пришли в первом часу. Зашли на Кроншлот, а в 19.00 идем с караваном в Таллин. Погода хорошая, ветер попутный. Дела идут хорошо.

14.08.41.

Погода ясная и до полдня стояла замечательная. Прошли Гогланд. Все сразу изменилось, ветер подул в скулу, стало пасмурно. К 19.00 снова начало все стихать. Обнаружили подрезанные тралом мины, уничтожили их. Ветер все усиливается. Подорвался транспорт, идем спасать людей. 1½ минуты и они уже под водой. С 22.01 до 02.04 личным составом проделана колоссальная работа и проявлено мужество.

15.08.41.

В 05.10. получили приказание подойти к борту тральщика, но он подорвался. Снова идем и спасаем людей. Эти пять дней унесли у меня чуть ли не полжизни. Тральщик еще продолжал идти, описывая циркуляцию, один дизель работал. Здесь его снова поцеловала другая мина, еще одна всплыла и одна взорвалась в параване. Это были не поддающиеся описанию картины, трудно их представить, не испытыв.

Идем на полном ходу в Таллин, много раненых. 11.12 стоим в Таллине. Снова в 12.00 уходим в море, а всего в море до 17.15.

Две ночи не спал, больше нет терпенья. Время 21.18, иду отдыхать. На море сильная волна, все до нитки пришли мокрые. Видел Мишу, да встречал Сашку Шублякова, все такие, без перемен. В общем, этот поход унес многих из личного состава и многому научил. Приняли горячее, продукты.

16.08.41.

Время 20.15., стоим в дозоре. Полный штиль, но с моря идет мертвая зыбь, просто надоедает, так и кренит на борт до привального бруса.

Миша говорит, что идет на сухопутный фронт, поговорили и простились. Дал ему форменку, которую в отпуске стирала мама, а одну оставил себе, пусть останутся воспоминания, ведь это было не так давно.

17.08.41.

Сегодня считается вообще воскресный день. Ну, для нас все равно, как говорится, что день, что ночь. Стоим вторую ночь в дозоре. Весь день был хороший, три раза прилетали одиночные бомбардировщики, но до Таллина не допускали. Сейчас заметно укрепили город зенитками и автоматами, а прошла всего пятидневка, как не был в Таллине. В то время, когда отдыхал, сменившись с вахты, чего только не вспомнил – и отпуск, и дом, и друзей. Погода хорошая, интересно, что-то будет дальше. Жара, сижу весь в поту, закрытый со всех сторон, т. к. полное затемнение, нигде не видать капли света. Вот и полночь на 18 августа, ведь сегодня день авиации, разве так я его проводил в тот год?<...>

19.08.41.

Еще сутки прошли в дозоре. Утром был туман, а потом стало хорошо. С 19.01 стало пасмурно и ветер стих, но вот беда, с моря идет мертвая зыбь, качает хуже, чем в шторм.

Сколько раз за этот небольшой промежуток войны я вспоминал Валу, да она этого не чувствует. Как жаль, что нельзя передать свои мысли на расстояние! Что-то все сейчас делают дома? Время Москвы 22.11, небо все затянуло тучами, и уже моросит дождь.

20.08.41.

Стоим в дозоре. 07.00 был самолет противника, несколько раз он выходил из облаков. Об этом было своевременно заявлено, но выстрела не дали, и он пошел прямо на Таллин, и там у входных буев клюнул в буксир – вот она, беспечность.

В 12.03 нас сменили. Пришли в базу, поставил под зарядку аккумуляторы, получили продукты, запас горючего, воды, личный состав после этого отдыхает. Вечером кино «Валерий Чкалов». Ветер стих, погода хорошая. Три раза были самолеты-бомбардировщики. <...>

22.08.41.

За все время службы мне не приходилось встречаться с такой большой волной. Как мы ничтожны против этой стихии, какую она имеет огромную

силу! Были самолеты. Ну понятно, при волне мы бессильны бороться с ними. Интересно, он пикировал на анкерки, обливая их свинцовым дождем. Только в 09.30 мы пришли в бухту на остров. Правда, она плохо защищена от N¹, но все же это не в море. Жду своего соседа по походу, имею с ним связь, работает где-то близко. Да, как интересно складывается жизнь. Что ждет нас в далеком краю?

Время 10.42, ветер становится еще сильнее, просто свистит. Жуткая картина на море, волна своей сединой так и лижет корабль, стараясь его весь увлечь за собой в морскую пучину безмолвия и покоя. О, сколько там сейчас покоится всего созданного руками человека и уничтоженного его же рукой! Вот истинная культура и цивилизация человечества, на что она способна. Ведь сегодня пошел 3-й месяц войны.

В 13.15 пришли в Таллин, пополняем продукты, водой и прочее. Личный состав отдыхает.

23.08.41.

Идем снова в крейсерский дозор. Вот уже полночь, а на воде хоть глаз выткни, ничего не видать. Полный ход. Сзади произошел взрыв, который сопровождался сотнями фейерверков. Это рвались снаряды и патроны. Повернули обратно, подобрав уцелевших. В 05.42 были в Таллине. Личный состав отдыхает.

24.08.41.

Полночь. Вот уже вторые сутки, как корабли с рейда стреляют. Таллин находится в опасном положении, где-то сильные пожары, видна артиллерийская перестрелка, трассы так и летят. Острова тоже дают жизни, аж воздухом отдает от канонады. Идем в охранении с транспортом, время 01.30.

В 07.15 снова эта чертовская могила (кладбище морское), один транспорт подорвался (здесь же вчера один транспорт, два тральщика и танкер затонули). Не успевают поставить трал, как его снова рвет, просто мина на mine. А прошел уже час, как с берега по кораблям открыли огонь, но снаряды не достают.

25.08.41.

Налет авиации, 3 пикирующих бомбардировщика. Трудно описать все. В 02.20 снова. Но, скажу прямо, плохо бомбят немцы, создавая только шум, повреждений кораблям не принесли. У нас у пушек все стволы почернели,

¹ Направление ветра, обозначается страной света, откуда он дует, для сокращения употребляются буквы латинского алфавита. N – север.

весь боезапас израсходовали, действительно – дают матросы. Тут трудно что-либо понять в этом реве пушек, и пулеметов, и бомб. Вот уже 18.13 идем потихоньку дальше. Остальное время суток прошло спокойнее.

26.08.41.

Время 07.05, пришли на Гогланд, ждем указаний. Вспомнилось прошлое, 1939-40 г. Тут мы базировались, все осталось также, только, конечно, за этот период времени он укрепился до зубов военной техникой. Погода стоит приличная, но уже чувствуется, что пахнет осенью. Нравится мне в этом острове его грозный внешний вид, его гранитные берега. Как владыка, стоит он среди морского простора.

12.36 все катера стоят на рейде, кто-то не теряется, уже отдыхает, а другие еще крутят патефон и покуривают. Время 21.00, идем в обратный путь на Таллин, снова сопровождаем транспорт. Ветер прямо по носу, но качает не особенно сильно, т. к. ветер небольшой.

27.08.41.

Ночи темные-темные, ходить в такое время опасно, но русские моряки любят свою родину, а поэтому готовы на все в любую минуту! Вот уже 05.23, все тралы подорваны, и командир корабля просит, а вернее, принимает решение идти обратным курсом. До этого был разведчик, он же бомбардировщик, поставил мины и спокойно улетел. Мы как раз дошли до чертова кладбища и вернулись. Это наше счастье.

Вот уже 12.03, подходим к Гогланду, но налет 4-х пикировщиков портит все. Рядом с транспортом падает бомба, пробивает борт, он выбрасывается на берег. [*Текст вымаран*] Второй транспорт был поврежден у всех на глазах у бухты Сууркули. [*Текст вымаран*] В 21.15 идем обратно в Таллин, но здесь поднялся шторм.

Как все беспечны, лишь бы спасти собственную шкуру!

28.08.41.

Идем, а куда – неизвестно, потеряли ориентировку. Ох, какой ужасный шторм, от стрельб шпаклевка повылетала и теперь кругом в рубке бежит. С нами торпедный катер. Все же в 12.02 были снова на Гогланде, просто счастье, принесло нас еще снова на землю своей родины. Остальное время суток пробыли на Гогланде.

29.08.41.

07.02. Три бомбардировщика. Как еще мало люди научены! Все стоят в бухте, прямо друг на дружке. Мы наконец-то вышли из гавани, стали на рейде. Вот здесь то и началось...

Шли караваны судов. Ну и было тут каши и работы «Юнкерсам», т. к. наших самолетов не было. А сколько их подорвалось на минах и боевых кораблей, мы только своим катером спасали до четырех часов утра людей. Наверное, история еще не встречала подобных случаев.

Тут был кошмар, т. к. люди были взяты с фронта, все ранены. О, сколько можно было бы выпить вина и не опьянеть, видя эти ужасные, потрясающие истории, звуки тысяч людей, молящих о спасении! Они падали снопами, топча и убивая в суматохе один другого, нет слов этому кровавому беззащитному побоищу.

А как много шкурников из комсостава, который сыт и осыпан золотом правительством! Как он жалок и труслив в минуту, когда действительно нужен родине! Поверьте, мы остались одни, один катер – спасти тысячи жизней, а остальные ушли, оставив все на произвол судьбы, а ведь в мирное время он кричал, и перед ним все тянулись, а здесь оказался хуже всякой подлой проститутки, спасая свои тряпки, накупленное барахло. Где же правда, где же руководство тех людей, которым это доверено?

30.08.41.

Итак, вчера мы узнали, что Таллин сдан. Неудивительно, т. к. руководители бежали с поля боя. Много говорят да агитируют, и нестранно, что по нашим последним отступающим матросам строчили из пулеметов с окон и чердаков.

Мы пока на Гогланде. Сегодня ходили в разведку, а сейчас, в 13.15, возвращаемся обратно. Наши катера, очевидно, уже в Кронштадте. Много пережил личный состав с полночи 25 августа.

В 17.52 был разведчик, а через полтора-два часа их было до 5. Бомбили больше двух часов, гонялись за катерами, сбрасывали по десяти бомб, но маневренность катеров позволяла нам уходить невредимыми. Это продолжалось до появления темноты. Мы взяли людей и пошли в Кронштадт.

31.08.41.

В 10.15. пришли в Петровскую гавань, сдали раненых и пришли на остров Святой Елены. Здесь большая приборка и личный состав отдыхает. Видел много старых друзей, что только не говорят. Трудно, просто не верится во все, что творится, по рассказам. <...>

05.09.41.

Стоим у пирса, ждем распоряжения командования. С 1 числа идут дожди, и только сегодня с 12.45 выглянуло солнышко, как-то приятно. Форты все время стреляют, ночью видны пожары. 16.12 идем на боковой эллинг.

Приготовления к подъему катера до темноты, завели стропы и т. д., осталось только поднять катер.

4 сентября видел Мишу. Он жив и здоров по-прежнему. Поверьте, при встрече я плакал, как ребенок, а, может быть, и хуже, это незабываемые минуты искренней дружбы трудно описать. Ведь мне уже 27-ой год. Разве даже за эти два с половиной месяца войны мне не пришлось почти ежедневно встречаться со следами смерти и идти по ее стопам? Но здесь я не испытал того, что пришлось пережить, когда мы снова были со своим земляком. Он пока живет на базе.

06.09.41.

Дождь, что из ведра. С утра поднимаем катер и к обеду подняли, промокли, как жуки. После обеда пошли четверо за продуктами в 1 БПЛ¹. С этого числа нам наркомом положено по 100 гр. вина в сутки. Заступаю на вахту, лег спать рано. <...>

10.09.41.

В эту ночь был налет авиации на Ленинград. Вот уже третьи сутки видны пожары. Жаль родные места, просто нет слов описать свои чувства, ведь совсем недавно я ходил по Питеру, когда возвращался из отпуска, а сейчас уже совсем другое. Ничего не поделаешь, война. <...>

Как-то там, на Ханко, наши товарищи? Скоро обед, а к обеду 100 гр., все на сердце веселей, жизнь идет своим чередом. Обстановка становится у Питера очень напряженной. <...>

21.09.41.

Корабли, форты ведут почти все время стрельбу, ночью видны пожары, Питер в большой опасности. Насколько я любил море, настолько теперь оно опротивело мне, лучше на сухопутный фронт.

Время 11.16, тревога. Вот тут и пошло: было 4 дневных налета до 30 самолетов и один ночью. Видел в первый раз как «Ю-88» отдал концы в воду, говорят, что одного сшибли с четырьмя крестами.

На восточном рейде поврежден миноносец и линейный корабль «Октябрьская революция» незначительно. Много пережито за эти вечные минуты и часы. Кругом гул автоматов, пушек, пулеметов и бомб, но мы не падаем духом. Это моя родина, я призван ее защищать. Поход отложен. О, как все легко вздохнули! С 23.10 спали спокойно. На море шторм.

¹ БПЛ – база подводных лодок.

22.09.41.

Пасмурно, сильный ветер с моря, к обеду начало прояснять. Тревога, снова самолеты противника. Много нашей братвы уже списывают с кораблей на фронт. Питер защищают рабочие, армия и флот. Между прочим, от бомб можно легко бежать, а снаряд – тот уже не увидишь. Вчера видел своего друга по школе У.О., он также по-прежнему на подлодке. Мы сейчас переживаем решающий момент. Было несколько налетов на Кронштадт и Ораниенбаум. <...>

25.09.41.

В 03.00.вышли из гавани, идем в дозор на остров Биорке. Ночь ясная, ветер стихает. О, сколько звезд, просто удивительно! Идем малым ходом. 07.05 пришли на место, нас три катера. Погода изменилась, сначала все занесло какой-то дымкой, а потом появилась сплошная низкая облачность. Несем радиовахту. Какой прекрасный эфир, чистота на удивление!

Время сейчас 18.40. Вчера получил от Вали письмо. Как оно просто и душевно написано! Она заходила к нам, дома тоже все хорошо. Сразу как-то чувствуешь себя бодрей, нужно отдать Валуше должное, да и вообще она морально всегда поддерживает матушку, больше, чем кто-либо другой, это ясно без слов.

День прошел спокойно, и с наступлением темноты со стороны финнов посыпали снаряды, по всей вероятности, бьют шрапнелью. Был один самолет перед заходом солнца, очевидно разведчик. <...>

27.09.41.

Финны ведут огонь до самого рассвета. Утром снова ходили на шлюпке за рыбой. Перед самым обедом стреляли, видимо попали в дом, который загорел. Пожар быстро затушили.

В 14.30 ходил на шлюпке к самому берегу, глушить рыбу. Как замечательна природа, просто не верится, что идет такая война! Может, мне показалось, т. к. давно не приходилось видеть подобные картины, просто душой отдохнул, видимо положение в Ленинграде становится все опасней. Рыбы привезли полведра, на ужин была уха. <...>

Здесь спокой, авиации нет. В районах Питера горит, видимо, и довольно сильно, т. к. в ночное время видно зарево. Жаль, столько строили, столько убито было труда и средств, а теперь все идет под огонь. <...>

05.10.41.

Луна, ветер и вой снарядов, летит что ангел, падает что черт. Командир звена ушел узнавать относительно дальнейших указаний. После обеда получили на трое суток продукты. Были два самолета. Стоим в дозоре. <...>

15.10.41.

Всю ночь шел снег и дул ветер. Всю ночь бушевал ураганный артиллерийский огонь над Ленинградом. 07.35 утро, ветер стал меньше, идет снег, но кой-где начинает прояснять. Перед ужином немец вел обстрел Кронштадта, но безуспешно. Стоит штиль, холодно, проясняет. Стоим у Пирса 1 БПЛ. <...>

23.10.41.

Сильный шторм. Стоим у пирса, просто холодище, пролетает снег. Днем ходили на о. Сомерс, а в 16.30 снова у пирса. Пришли катера, время сейчас 18.40, уже темно, ветер так и воет. Говорят, по Кронштадту стреляют до сих пор, остальное все по-прежнему. Встретил много друзей, узнал, что очень глупо погиб мой начальник связи, жаль. <...>

25.10.41.

Замечательная ночь, как резко меняется картина, полный штиль, даже звезды дают отражение в воде. Зарядил аккумуляторы. С утра было ясно, но сейчас затянуло. Вчера летал финский «лапоть», просто ему везет, никак не попадет на наших истребителей.

Время сейчас 10.07, сижу на радиовахте. Вот и снова вечер, подул ветер, так быстро происходит перемена. В 21.03 вышли в море, идти просто не возможно. В 22.15, ложимся на обратный курс, а в 23.55 стоим снова у пирса. Поднимается, видимо, снова шторм, больше и ожидать нечего, осень всегда этим богата.

Прошло больше месяца, до сих пор не встречал Мишу, я в дозоре, он в Кронштадте и наоборот. <...>

28.10.41.

Еще с вечера подул ветер со снегом, и за ночь больше четверти нанесло и вот до сих пор идет. Холодище, просто пальцы мерзнут. Стоим у пирса, горячего нет, просто хоть закуривай. Продукты почти на исходе, кушаем сушки и посмеиваемся, нужно мириться со всем. Настроение у всех бодрое, и духом никто не падает. <...>

03.11.41.

Замечательная лунная ночь. Утро, снег, ветер. Стоим у пирса, работы по заведыванию. Пустили пар в рубке, все просушил, так приятно и хорошо

стало в ней. Ленинград каждый вечер и ночь бомбят, все уходили в бомбоубежище. Трудные и тяжелые дни идут в родном городе. Днем все время «фриц» стреляет по городу.

С 15 ноября живем на Гаванской и из-за блокады получаем норму хлеба 400 гр. и приварка почти нет. Вот и 1 декабря. С сего дня хлеба 300 гр. Вот здесь сказалось все – образование, культура и прочее, здесь все вышло вверх. Да, интересная история, есть что вспомнить.

1942

1 января 1942 г. Здесь и сейчас люди научились ценить все, что когда-то так недооценивали. <...> С 20 января получаем норму хлеба по 500 гр. Питер по-прежнему обстреливается. Идет учеба по специальности, готовимся и изучаем материальную часть.

С 10 февраля норма 800 гр. Все идет на улучшение. В кубрике можно увидеть, как забивают козла, играют на гитарке. Ну, как говорится, матросы ожили.

1.04.42.

Мы занимались все время по специальности, и есть большие сдвиги. Ждем весны – и снова на свои небольшие боевые единицы. Работы много и она сложная и ответственная.

Сегодня 1 апреля. Парят в воздухе наши сталинские советские летчики. Как родны и близки эти крылатые соколы! Многое пережил Питер за этот период. Скоро все закипит и снова в море. Как я уже привык к нему!

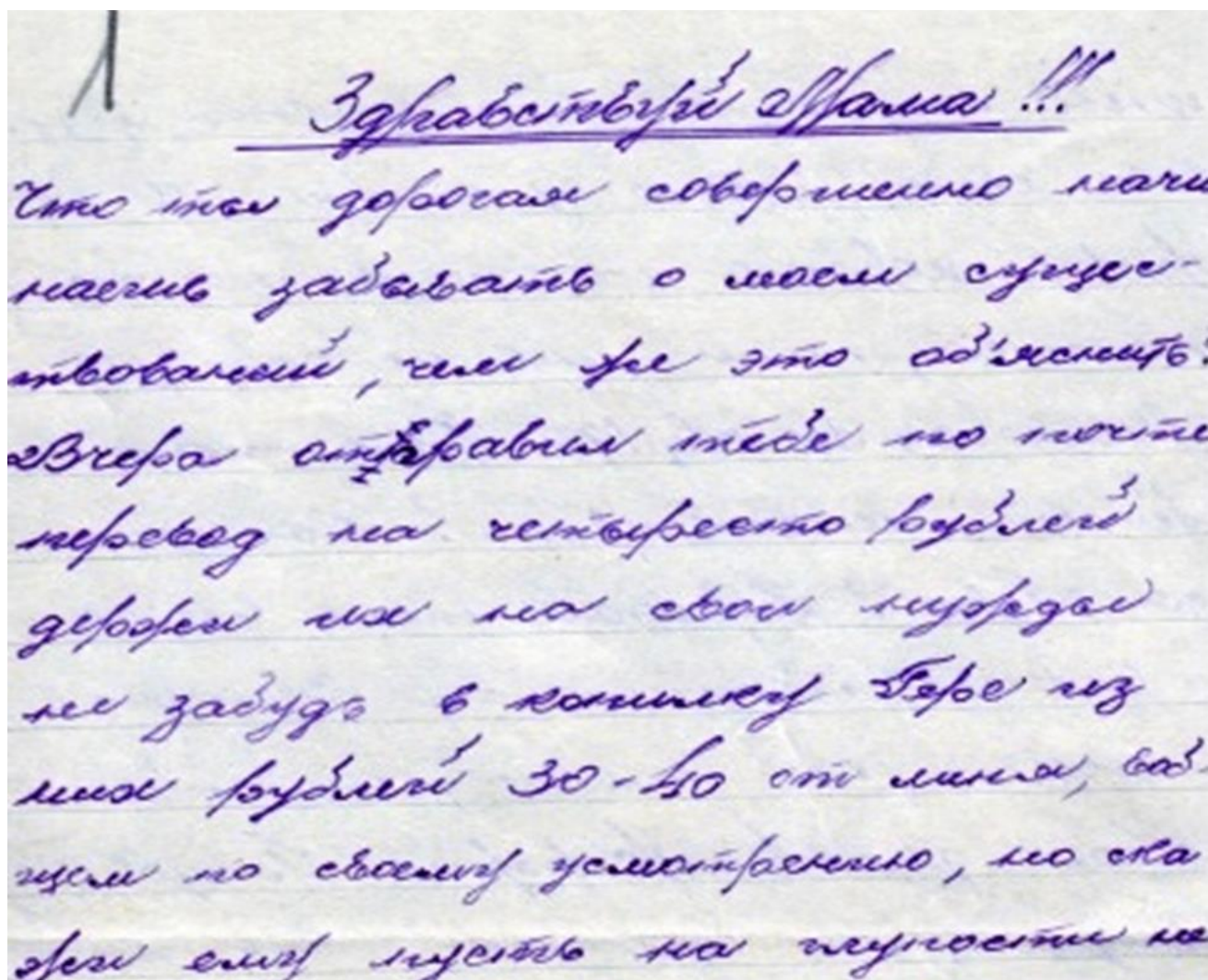
От Миши ничего не получал. В середине марта домой послал 1000 рублей и групповое фото, пусть будет как память. Жизнь течет нормально. Ленинград до сих пор обстреливается и находится в блокаде. Сейчас его [немца] здесь на Питерском фронте жмут и довольно основательно, скоро затрещит.

30.05.42

4, 24, 27, 29 апреля были крупные налеты на Ленинград. У нас лично в казарме не осталось ни одного стекла, кругом гуляет ветер. Многое унесено за эту суровую прошедшую зиму. Весь месяц ходим на Уральскую, ремонтируем катера на стенке.

29 число – вот мы и на воде. Иду в последний раз по Ленинграду с вещами. Как он за это время стал суров и недоступен, просто радостно за него! Все время его обстреливает «ганс», сердце обливается кровью. <...>

Сегодня у меня большая радость, получил из дома письмо. Там все благополучно, перевод и фото получили и мама, и Валя. Нужно им пару слов черкнуть как будет время. <...>

Здравствуй мама!!!
Что ты дорогая совершенно не
можешь забывать о моем суще-
ствовании, тем же это объяснить.
Вчера отправил тебе по почте
перевод на четыреста рублей
денег на свои нужды
не забудь в книжку Бере из-
менить рублей 30-40 от меня, в
ним по своему усмотрению, но ска-
жи ему, пусть на покупку на

03.06.42.

Снова холод, хоть бушлат надевай. Производили мелкие работы, до обеда были занятия по специальности, ну а остальное время по способно-сти. Вечером моросит дождик. День прошел спокойно. В 05.12 «фриц» начал обстрел по городу, бьет он недолго, но, как говорится, всем, чем может, болван, просто сердце сжимается. <...>

17.06.42.

Время 05.03. Пришли на остров Лавенсаари. Пасмурно, дует прохлад-ный ветер. Всю ночь в воздухе наши самолеты. Вчера и.о. нач. штаба про-вожал нас. Какой он замечательный человек, сколько в нем энергии и жиз-нерадостности! Из дозоров сообщают о самолетах и кораблях противника. Стоим на якоре.

Сегодня выдали бортовой паек. Утром по 100 гр. ветчины, 50 гр. сахара, сгущенного молока; в обед по банке консервов, молока, добавочно 550 гр. хлеба, 50 гр. масла, ну, короче, паек прежний. Так пообедали, что в первый раз почувствовали, что желудок наполнен до шпльнта.

После полудня начало выскакывать солнце, но усилился ветер. Во время похода была одна тревога. Самолет противника прошел стороной. Огня не открывали. Матросы чувствуют себя как боги. Опять началась настоящая жизнь, притом каждый понимает задачу, что первый удар с моря по защите города Ленинграда лежит на нас. День прошел спокойно, без перемен. <...>

28.06.42.

Снова ясно. Еще в четвертом часу появился «ганс» и бомбил один из дозоров, правда, сегодня воскресенье и, как положено в этот день, он такой активности не проявляет, как бы не сглазить. До обеда был туман, сейчас снова хорошо. <...>

02.07.42.

Снова бомбы, работы и работы. Вчера пришел Толя, снова катер в старом составе. Сегодня ужасный случай, но снова все живы и здоровы. Ясно. «Адольф» разгуливает как дома. <...>

05.07.42.

С 04.00 до 08.00 сидел на радиовахте. Замечательно на море (с берега). У меня вышел из строя передатчик, временно поставили со 107-го. Так все обмундирование и осталось на катере мокрое. Колю просил сегодня подсушить. После вахты выстирал тельняшку, гюйс, умылся до пояса, как давно не бывало. Все же до чего хороша природа в эти тихие минуты, вспоминаешь о ней, как во сне. А «ганс» был уже три раза, бомбил дозоры. Живу в палатке. Сегодня услышал, что Севастополь сдали, жалко. <...>

09.07.42.

Ясно. Разбудили в 04.42. иду на катер 110, объяснил правила, дружок Толя, он еще не работал в этом году. Что творится на Сомерсе трудно гадать не зная действительности, да еще лишился друга. Коля погиб героической смертью, от прямого попадания катер взорвался. Как все предоставлено произволу!

Время сейчас около шести утра. К пирсу подошел Ваня, попил чаю и лег спать. Мной распоряжаются все кому не лень, сейчас должен с 18.00 стоять на 409 вахту. Снова фриц, снова бомбы. 101 здорово изуродовало и

много покалечило ребят. Прихожу с берега, вдруг начальство говорит собираться в Кронштадт. <...>

26.07.42.

Ночью ветер, дождь. С 09.00 ясно. Стоим в бухте, пока спокойно, время сейчас 16.07. Сегодня день ВМФ, нарком разрешил по 200 гр. Мы, правда, не растерялись и добились все, что нам положено на 10 суток. Закуска, ну просто не хочу: шпроты, рыбные консервы, всего полно. Встретили праздничек неплохо.

«Ганс» был часов в 20.50, но, видимо, разведчик, т.к. его наши «жучки» так пуганули, что он не знал куда деваться. Позднее прошел очень высоко, посмотрел, где что. В 20.56 снялись с якоря. Ветер. Мы, 6 катеров и 4 БТЩ¹, идем курс на запад. Ветер усиливается, стало пасмурно. <...>

05.08.42.

В эту ночь был шквал с дождем. По нашей неграмотности часов пять проболтались, после чего ушли и стали у острова на якорь. Два раза пришлось *травануть*, как только попал на свежий воздух из рубки, так все прошло. Нервы напряжены до крайности, так авиация морально действует, просто черт его знает, особо выматывает пирс. В шторм выбросило на мель БТЩ.

06.08.42.

Сегодня у нас была первая морская битва, верней встреча. Да, есть что вспомнить. В 07.35 идем на остров. Снова дует ветерок и дымка. Пришла, видимо, на смену, канонерская лодка. Раз ночь не спал, то до обеда побрился и лег, в обед 200 грамм. Стоим в бухте, в 19.35 идем к пирсу. Самолеты за сутки были отдельные, на это мы не обращаем внимания. Стоим в бухте. 22.00 курс Кронштадт, все быстро меняется. Снова шторм, но ветер, на счастье, попутный. У траверза Шепелева со стороны финнов были обстреляны, поставили дымовую завесу, а в 07.15 стоим у пирса 1 БПЛ. <...>

16.08.42.

Штиль, ясно. Стоим в 1 БПЛ. Сегодня после аврала все делают свои дела по способности. Ведь сегодня у нас день авиации и всем матросам по 100 грамм. Мы тоже не теряемся, нужно кой-где пошакалить, и к вечеру немножко забыться. Забыть хоть на миг весь мир и заглушить, рассеять свои переживания, хоть на несколько часов подумать о другом: о розах, о

¹БТЩ – быстроходный (базовый) тральщик.

весне. Ведь водка и предназначена мутить разум человеческий, другого выхода нет.

Действительно, если бы не война, если бы здесь рядом была Валюша, все эти тяжелые душевные переживания и невзгоды, которые сейчас у меня есть, я мог бы разделить с ней. Но это только мечты, неосуществимые мечты и все. В данный момент одно средство – это вино. При Валюше я бы этим не воспользовался. Скажу откровенно, в отпуске ее простые слова становились для меня законом, пожалуй, и она не будет отрицать этого. Все стало мне ясно в день моего отъезда. Вчера я получил от мамы письмо, где она признает Валюшку хозяйственной, что для меня приятнее всего.

А между прочим, еще один катер подорвался на mine, видны были одни мелкие щепки, вот наша жизнь. Вчера говорил с Ваней, одна чертовщина, что у него, то и у меня. Скоро чистых пять лет службы во флоте, это не баран чихнул. Но пока бьется мое сердце, пока я в состоянии двигаться, никогда, ни за что не прощу «гансам» их гнусных издевательств. <...>

28.08.42.

Стоим у 1 БПЛ. Все по-старому. С утра дул ветер, но сейчас начал стихать, туман часам к 11.00 прошел, зато снова ветерок. Ясно. Сижу без рубашки. Время 16.14, получили на три дня водки, значит, в ужин стукнем по 300 грамм. На камбузе Санька готовит котлеты и оладьи. Приняли половину запаса горючего, наверно, сегодня будет выход в море. Я немного загорел и поправился, кровь снова играет. Валюше написал письмо. <...>

01.09.42.

Штиль. Бродим по тылам врага. С берега по «ТК» бьют батареи, предварительно осветив место осветительным снарядом. Да, хороша матросская жизнь, только когда ее знаешь по рассказам.

В 06.00 стоим у пирса Лавенсаари. Все как прежде. Снова ветер, сильный ветер. Перешли на рейд, т. к. ночь не спал, то отдохнул до 14.00, как бог, и то друзья растрясли обедать, а дома мама бы и не подняла, здесь же пришлось встать, пока двери в радиорубку с петель не сорвали. Дует ветер, но с противоположной стороны, ясно. Пришел из Кронштадта караван и Миша с ним, тоже стоит где-то неподалеку от нас.

02.09.42.

Ветер стихает, луна. В 01.12 получили добро на возвращение в базу. 03.05 стоим в бухте. Срочное приказание, бродим впоследствии с «БТЩ». Шторм, просто не везет, до 11.00. В 15.30 снова идем и ведем в гавань на буксире Мишкин катер, стукнуло прямое попадание. Пришли в гавань в

18.50 и снова готовимся к выходу. Ночь не спал, ходил просто как шальной, не мог найти места. Два раза были самолеты по одному. Ясно, ветер, тепло. Опять на правый глаз ячмень сел и ноги очень болят, простыл. И вот в двадцать два часа поступило приказание открыть вахту, и после долгих споров заступили у пирса штабными. <...>

05.09.42.

Всю ночь отдыхал нормально, встал в восьмом часу. Тут поднимались наши самолеты. Видел, уже идут 2 «Ю-88» в пике, сбросили на «БТЩ» бомбы, пронесло. Мы отошли и сейчас стоим на рейде. Прошло минут двадцать, наши самолеты в воздухе. Еще с финской у них осталось 4 наших «Чайки», и вот они, сукины сыны, летают на них, две со звездами, а две со свастикой. Другой раз и возможно попасть впросак, т. к. ведь их легко принять за свои. К вечеру начинал моросить дождь, но потом снова выяснило и подул ветерок. Стоим у маяка на рейде. <...>

10.09.42.

Стоим у пирса. Снова облака, снова переживания. Погода стоит все время ясная как на зло. До обеда писал конспект по радиотехнике, а потом пошел топить баню, но т. к. ушли уже поздно, все были заняты, пришлось вернуться обратно. Заходил к Сереже на могилу, там все так же, без изменений. Днем пролетали «Чайки» и в 16.47 высоко был разведчик. Вечерком ходил в лес с ребятами, вот когда действительно научились ценить природу. <...>

20.09.42.

В час ночи вышли на операцию. Сначала было тихо, а потом шторм. Пережили то, чего за всю навигацию 1942 г. не пришлось встретить. Были обстреляны 2 миноносцами противника, но все обошлось благополучно, и в 14.17 прибыли снова на Лавенсаари. <...>

23.09.42.

Пасмурно, временами перевалками дождь. День прошел без изменений. Из-за шторма караван не ушел, говорят, что между Сескар. и Шепелевским маяком подорвался катер, и хотя видели, не оказали помощь, все погибли. <...>

28.09.42.

Полный штиль, лунная замечательная ночь, какие редко встретишь в это время. С 04.00 до 06.00 стоял на вахте. В 08.00 пришел караван с солдатами и эрзац-солдатками, все больше ярославские. Я до обеда носил для постройки дома доски из деревни, а из дома получил 2 письма и открытку.

Приятно почитать весточку от близких, в особенности, находясь в глубоком тылу врага, когда еще попадешь в Кронштадт неизвестно. День стоит ясный, к вечеру дует «Ост», холодный. Караван ушел в Кронштадт. <...>

12.10.42.

Темно, моросит дождь, не верится, что в такую тьму можно ходить. 10.42, пришвартовались к пирсу на Лавенсаари. Был разведчик. Здесь все «БТЩ», подводные лодки и катера. Ветерок есть, но не сильный.

Да, вчера мне принесли перед ужином открытку, она была от мамы. Как приятно было ее читать, как во многом оправдались мои слова! Скажу прямо, матушка просто восхищена Валюшкой, вот как много значит ее прямота, как часто я ей удивлялся, находясь еще на телеграфе. А ведь у меня нечем отблагодарить этого искреннего товарища, с которым я часто делился своими тяжелыми минутами детства. Ну а теперь для нее нет цены, это самое дорогое, что есть у меня. <...>

26.10.42.

Бывает в жизни по-разному, кому что написано на роду. Мне вспомнился в прошлый год случай героизма, когда пять кораблей шли выполнять задание, и первым двум была поставлена задача ценой своей жизни проложить путь трем остальным.

До обеда были на О.С.Е.¹ Помылся в бане, после пришли в 1 БПЛ. Смотрел небольшой концерт. В 17.59 поужинали. Только вспоминали и готово, в 19.30 идем в дозор. Ветер стихает. В нашем районе упал бомбардировщик. Мы искали, но безрезультатно, морская пучина все проглотила.

27.10.42.

Была светлая ночь, и на баке мы обнаружили буюк антенной мины. Как близка была смерть! Его расстреляли из пулемета, и он навсегда ушел в воду, Радостно, что все прошло благополучно.

В 07.50 получили "добро" возвратиться в Бухту Батарейную. 08.15 стоим на якоре, мне скоро на вахту, так что решил почитать газеты и после обеда отдохнуть. Есть небольшой ветерок, но странно тепло. После обеда подошли к пирсу, а в 18.00 идем в дозор. Дует ветер до 6 баллов, ничего не видать, не верится, что в такую тьму можно ходить. <...>

03.11.42.

Стоим в дозоре. Выяснило, луна восходит в 01.00, да и то небольшой осколок, бледный и жалкий. Аккумуляторы, думаю, зарядил последний раз,

¹ О. С. Е. – здесь: остров Святой Елены

если все благополучно будет, до консервации хватит. Все очень быстро меняется. Пасмурно, моросит дождь. Идем в Бухту Батарейную.

Время 08.50. Мы пришли первый раз последними из дозора, конечно, сами виноваты. Ю-2 взял у нас часть бензина, стоит у борта. Время сейчас 14.50, пойти немного припухнуть. В 17.30 ужин, 17.50 уже идем в дозор. Темно, моросит дождь, но почти штиль. Как же плохо, что приходится зачастую исполнять прихоти – просто, можно сказать, неуместные. <...>

08.11.42.

И так в 07.30 стоим у своего места на ящике. Попил чаю и занялся с приемником, что-то он у меня «играть» начал. Так до обеда и время прошло, а там на вахту.

На днях от Вали получил письмо, оно воодушевило меня. Как она твердо уверена в нашем будущем, молодец! Мне с первого момента понравилась ее откровенность и простота. Сегодня ясно весь день. <...>

12.11.42.

Пасмурно. "Фриц" летает, бомбит редко. Всю аппаратуру, подлежащую к сдаче, снял, осталось только увезти. У нас разделили сухари, масло – все, что осталось от лета. Работы вагон, вот уже темно, а мы все копаемся.

1943 г.

Перешли жить на Васильевский остров. Четыре дня ходил в порт, чуть не погорел с ребятами. Готовимся и в конце уходим на завод № 206. Идет учеба и одновременно практика на заводе. Встретили Новый год. Буду краток: вспомним картину "Балтийцы" – вот точно такая жизнь и у меня. Много всего прошло, и зима проскользнула, как ее и не было. Есть что вспомнить.

10 апреля вскрылась Нева. Нынче зима была не суровой, все время таяло. Аппаратуру отремонтировали своими силами, а 15.04.43 радисты перешли жить на катера. Стоит ясная погода, но ветер с моря холодный. Ночью "ганс" бомбит, но для нас безразлично все.

16.04.43.

Половина команды живет на катере. Питаемся на Уральской, ох и бардак там. Я уже у себя все проверил и пока все исправно по радиочасти. Стоим, доделываем мелочи. Видел Мишу. Началась снова морская жизнь. Ленинград выглядит хорошо, также и население. Пасмурно, моросит дождь. Ходил окуриваться на заводе. Все белье сдавал за хлеб выстирать. К вечеру

выяснило, но ветер с моря, пробирает до костей. Топим "котелок", тепло на катере. Пока живу в 8-местном кубрике. Что-то делают дома <...>

01.05.43.

Вот и 1 мая 1943 г. В 11.30 тревога, идем на поиски подлодки. Темно. Снег, хуже осени. Нашли ее у О.С.Е. на мели. <...> Сейчас на камбузе готовят блинчики, котлеты, я рыбку почистил. Где-то получили праздничный спирт, надо кокнуть с другом по махонькой. Время уже 12.29, как то дома встречают этот день? Хоть чуть, но черкнул домой. Есть среди нас столько людей, которые до сих пор не знают, что такое голод, хотя сами собирали в кризис чуть не г.... Вот и 22.30, снова дозор на восточный рейд. Идет снова снег, ну и май 1943 года, просто не верится! <...>

06.05.43.

Стоим в дозоре. Совсем рядом берег противника, самый опасный дозор во всех отношениях. Стоим на своих минных полях. В 05.10 снова в бухте. Ветер то затихнет, то снова подует. После ужина полный штиль, ясно. Первый день чувствуется летний. Катера "Р" тралят днем на глазах противника, вот на что способен русский человек! <...>

07.05.43.

Чем траурен этот день? В 05.20 самолеты противника, вот где сказалась наша беспечность. Три человека жертв. Было сброшено на катер 4 бомбы и все попали. Первая разбила большую глубинную бомбу и за бортом взорвалась, вторая упала в стеллаж малых бомб и за бортом взорвалась, третья – в правый пулемет, сорвала его и тоже взорвалась в воде, четвертая – прямое попадание в командира, прошла рубку, срикошетила об люк и за бортом в воде взорвалась. Какой редкий случай! Что-то в башку ничего не идет. <...>

13.05.43.

Качает. Скоро в дозор, сижу на вахте, время 18.52. Ветер все больше и больше. Идем в дозор и ставим тралы. "Ганс" все время бомбит дневные дозоры. Идут слухи, что нынче, по его плану, во что бы то ни стало нужно овладеть Питером. Будем смотреть. Если бы ему удалось взять Сталинград, то "япоша" объявил бы нам войну. "Финик" упорно должен выйти из войны, Италия, Венгрия, Румыния тоже что-то жалуются. Гитлер предлагал сначала мир нам, потом Англии и США. <...>

17.05.43.

Ясное, холодное утро. В 04.00 стоим на Сескаре, небольшой ветер. Несем по очереди радиовахту, пока все почти спокойно. Что будет дальше?

Вспомнился случай, когда я ходил на выставку. Один из наших товарищей встретил родную сестру, о которой два года не имел известий. Она тоже в шинели. Мне со стороны – и то хотелось плакать от радости. Вечером пришли два катера с Лавенсаари, они там зимовали. Ну и встреча была: обнимаются, целуются, трудно передать эти трогательные минуты жизни не испытав на себе. <...>

30.05.43.

Написал письмо Вале и маме, как Валя сумела приковать меня. Вечером полный штиль. Нам из Кронштадта принесли запасной полуавтомат. Идем на старую линию дозора.

02.06.43.

Полный штиль, моросит мелкий теплый дождик. В 02.13 мы идем на сближение с противником. Идут катера, масса огня, трасса непрерывная, и так до 02.45. пока не загнали их в шхеры и один не утопили. Как приятно было в эти минуты смотреть на догорающие обломки этого уroda! С берега по нам тоже ведут огонь. Короче, дали по-морскому. И так, 4 утоплено, а один поврежден. Будут знать, где раки зимуют. <...> В 14.10 отходим, все катера дают салют, на "Ю-5" приспущен флаг, последний долг нашему погибшему товарищу. Идем в Кронштадт. <...>

06.06.43.

Говорят, что с первого боя не вернулось 5 катеров, руководил операцией капитан II ранга. Пощипало много комсостава. В нашу операцию два катера не вернулось. Пока все.

В 22.30, поставив две вешки, идем в точку дозора. Моросит мелкий дождь. Готовность № 1. Здесь летают два аса на "ФВ-190". Первый – финн, капитан, другой – "фриц", генерал-майор авиации. <...>

17.06.43.

Снова ветер, качает. Ночи почти нет, все время светло. Газет нет, сидим темные, продукты выходят, скоро должны идти получать в Кронштадт. В 1942 г. был наш 1 выход. В 23.50 идем в дозор. Все какой-то ветер, малость качает.

18.06.43.

Где-то что-то есть, т. к. много радиограмм. У нас старые документы, сидим темные. 01.40 идем к ДОЗКа¹ № 49, там комдив. Вот и узнали судьбу "103", его разбомбили и он на глубине 9 м. затонул, 5 человек ранено,

¹ ДОЗК – корабельный дозор (морск.)

остальное все в порядке. БТЩ ушел в Кронштадт, да двух катеров нет, жаль.

Погода ясная, но все время ветер такой противный, холодный, даже бегают мурашки. Приходили катера с Лавенсаари и с Бухты Батарейной "107". У нас уже там всех сменили, мы последние с дивизиона несем дозор. Здесь с нами вместе "314" катер, часть ребят старые, а половина новых. Здесь же в прошлом году погибли мои товарищи, которых мы похоронили на Лавенсаари. Заходишь в радиорубку, но не то, нет Сережки, нет лучшего соперника по эфиру. Где бы не находились, мы всегда узнавали друг друга, да. В 23.50 идем в ДОЗКа. <...>

25.06.43.

Стоим в 1 БПЛ. Вечером идет дождь, так, перевалками. Мы собираемся на ремонт в Ленинград и в 23.00 получаем "добро". Идем на рейд, а там к буксиру на бакштоф. Ночь светлая. О, эти белые питерские ночи!<...>

18.07.43.

Стоим в дневном дозоре. Штиль, ясно. О, как все быстро меняется! Из дома получил письмо. В Питере слышал, что "ганс" сбросил листовки: «Июнь ваш, июль наш, август пополам, сентябрь по домам». <...>

21.07.43.

Штиль, ясно. По заливу бродят катера противника. Как выяснилось позднее, 4 катера противника зашли с нашей стороны, дали наш опознавательный и вступали два раза в бой.

Вот судьба человека: он нагнулся, чтобы отдать приказание и, когда выпрямился, снаряд разорвался у него в голове, второй пошел в рубку взять ППШ¹ и, когда выходил, был убит. Вечная память Николаеву С., служил с ним, начиная с 1935 года. <...>

24.07.43.

Пасмурно, все еще ветер не стих, холодно. Стоим у пирса до обеда. Аврал. Сакуем. Вечером выяснило, ветер стихает. Все же еще лето, а загорел я здорово, еще бы, все время с ранней весны под открытым небом.

Что-то делает моя Валюша? Время 21.37. О, как хочется видеть ее, быть с ней! Я сегодня написал ей письмо. Летит "ганс", у нас тревога. В 22.00 идем в дозор. <...>

¹ ППШ – пистолет-пулемет Шпагина

25.07.43.

Небольшой ветерок. В 04.30 стоим в дневном дозоре. Ребята играют весь день с капитан-лейтенантом в "козла" и бегают на карачках вокруг рубки. Смех, а ведь меньше 25 лет нет никому. Замечательный день, видно, что гитлеровский механизм ослаб, даже и в воздухе редко видно его. Как меня тянет к Валюшке! Время 20.41. Сегодня день ВМФ. <...>

14.08.43.

Стоим на ремонте в Питере, а в 22.00 идем в Кронштадт. Ветер, погода стояла сравнительно сносная. За это лето я уже второй раз в Питере. О, с чем мне пришлось столкнуться, какие безобразные факты! Намеками я писал об этом Вале, и она права, что психанула на меня. Я ей верю, она у меня единственный человек, которому я полностью доверяюсь. Если она так же, как многие, попадет в этот водоворот, даю себе слово, что ни за что не женюсь. Будет время, она будет читать эти строки, пусть знает мою душевную искренность. <...>

17, 18.08.43.

Стоим в 1 БПЛ, изменений нет. Все привели в порядок. Я очень вспоминаю Валю, так скучно, скучно без человека, который так близок к тебе. <...>

20.08.43.

В 00.40 стоим у пирса о. Сескар. Тут 5 МО и 3 Д-3. Был штиль, но сейчас подул вестовый ветерок. Перед самым выходом от Вали принесли письмо, как я был рад дорогим строчкам, все же крепко она меня перевоспитала. Время 15.50, сажусь писать ей ответ. На улице ясно, но ветер больше. Остальное время прошло спокойно. В 21.30 дозор. <...>

24.08.43.

До обеда хорошая погода, правда, ветерок. Говорят, что наши взяли Харьков. С обеда моросит дождь, как осень. А к ужину снова лето, ясно, ветер усиливается. Наши все время летают, бомбят, где что обнаружат. <...>

10.09.43.

Есть небольшой ветерок. Наши здорово бомбят финнов уже несколько дней, чем-то это пахнет.

11.09.43.

Один катеришко обстрелял нас и все. Наши просто пачками бомбят финнов. Стоит ясная погода, к вечеру ветерок усилился. 20.20 дозор.

12.09.43.

Почти штиль, луна. А от Вали ни звука, где-то бродят наши письма. сегодня удивительно спокойно. Ездил к Мише, привез кой-что и запоздали с Сашкой на катер, он показал только хвостик, ночевали в палатке. <...>

21.09.43.

Стоим в 1 БПЛ, занимаемся боевой подготовкой. Получил 4 письма: от Вали, мамы, Сережи и теток. Как все же я привык к Валюшкиным письмам. <...>

8.10.43.

Наши от Витебска до Черного моря перешли в наступление, как приятно! Что-то Валинька делает, да и вообще как в Перми? А шторм не стихает. <...>

11.10.43.

Ветер стихает, луна, как бы не изурочить. Говорят "он" в Питер бросал листовки, обращаясь к женщинам «Из-под Ленинграда уйду, но снаряды не повезу». Идем в дневной ДОЗК. Шторм, получили добро на Сескар. <...>

22.10.43.

Все время дует ветер, но тепло. С 18.00 уходим в дозор, а в 08.00 идем в Бухту Батарейную. Ни от Вали, ни из дома ни строчки, скучно. Погода пасмурная, темно-темно, выйдешь со света просто, что слепой. Сильный шторм, идем в Кронштадт, а в 20.10 снова ДОЗК. <...>

31.10.43.

В 02.30 Кроншлот. До десяти отдых. Ну и покачалось. От мамы письмо, а Валюшка все молчит. Тепло, пасмурно. <...>

07.11.43.

Лучше так не встречать праздник, как он прошел у меня. В 18.30 идем в ДОЗКа. Идет снег, ветер, ох и погода! Днем тоже было холодно.

15.11.43.

Снег, слякоть, ветер. Стоим на О.С.Е., офицеры пьянствуют, матросы скучают. Ждем Питера. От Вали письмо, как она права, что я его так ждал.

Здесь заканчивается вторая часть дневника Леонида Шайдурова. Третья, последняя, тетрадь не сохранилась.

ЕГО ЗАРЫЛИ В ШАР ЗЕМНОЙ

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля –
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

Сергей Орлов

В самые трагичные моменты войны, когда казалось, что все: еще чуть-чуть – и гитлеровцы сомнут Красную Армию, раздавят ее танками, завалят тоннами бомб и погонят вспять до Урала, страну спасали как раз те самые уральцы. Так было и в 1941-м под Москвой и Ленинградом, и в 1942-м на твердыне Сталинграда. Простые, сильные и надежные парни из Перми, Чердыни, Кунгура, Оханска и, конечно, нашего Очера занимали опустевшие окопы на передовой и стояли насмерть, останавливали врага и не отдавали ни пяди родной земли. Большинство из них, увы, не вернулось домой. Не затем шли на ту страшную войну, чтобы, прислушиваясь к материнским мольбам, беречь себя на ней.

Перед наступательными операциями 1943 года для будущих боев созрели новые рекруты – пацаны 1925 года рождения. Леонид Шардаков только-только окончил школу на одни пятерки. Учителя пытались уберечь его – умницу и в придачу мастерового с «золотыми» руками, отправив учиться в ФЗО, но Леня оттуда удрал. Не приучен был прятаться за чужими

спинами: ни в детских уличных схватках «стенка на стенку», ни, тем более, от войны.

Но он понимал, что Великая Отечественная – это не честная драка «до первой крови» с соседскими мальчишками. На большинство его друзей-

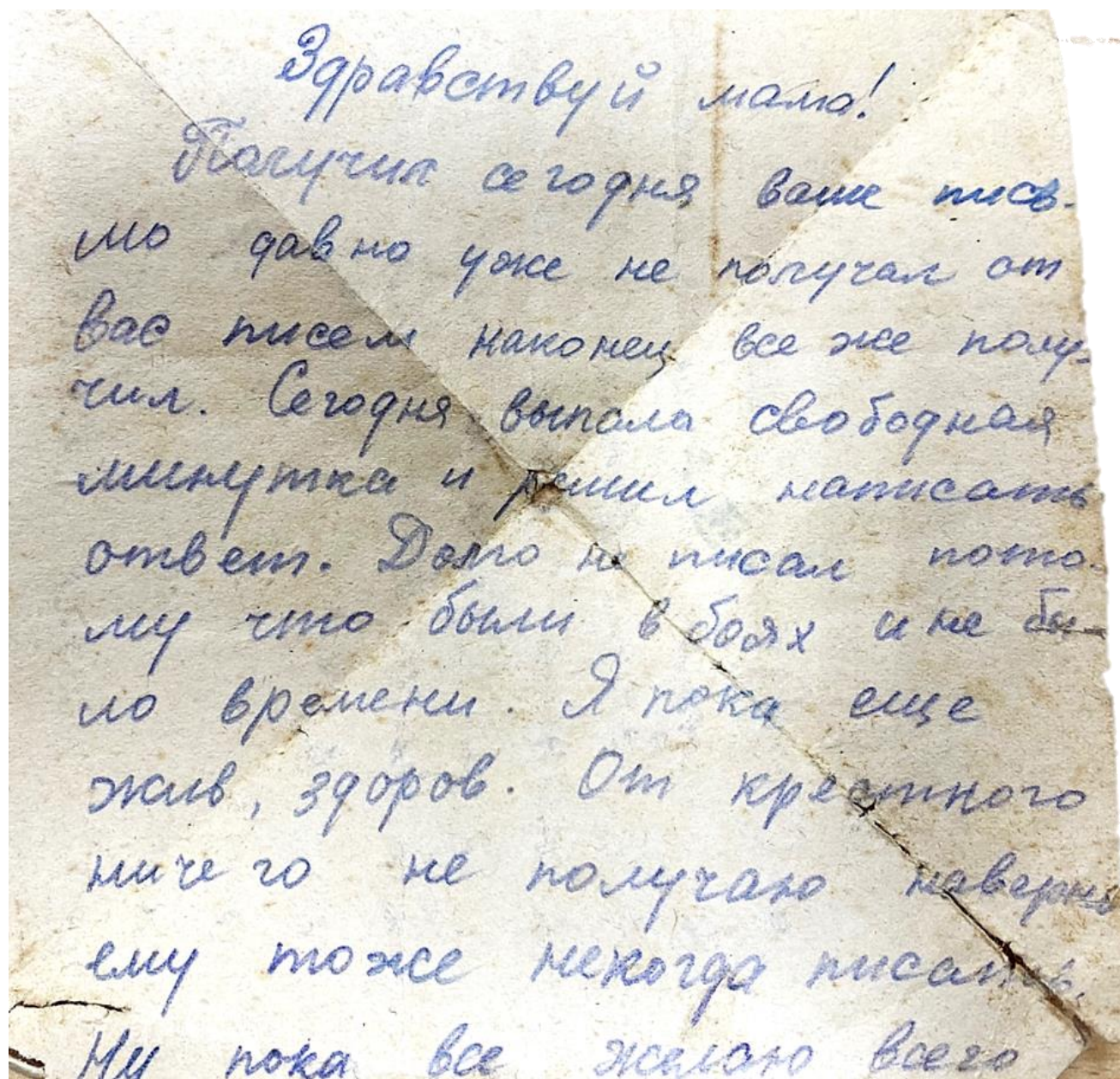

очерцев, кто был призван на год-два раньше, уже пришли похоронки. Так что, надевая солдатскую гимнастерку, Леонид не питал никаких иллюзий. О своих думах 18-летний парень решился рассказать только своему младшему братишке Лешке, остававшемуся единственным мужчиной в доме: «Эта война очень страшная, каких не было и, пожалуй, никогда не будет. Так что я, наверное, уже не вернусь. Не хнычь – так надо! Тебе, брат, жить и за себя, и за меня – уж постарайся, не опозорь фамилию».

Пятилетний мальчуган, шмыгая носом, старался не проронить слезинки. Он вместе со всеми провожал старшего брата все 25 километров до станции Верещагино, где формировался эшелон с маршевыми батальонами. Так и шли пешком: старший – статный, 185-сантиметровый красавец – говорил, наставлял, учил уму-разуму напоследок, а младший – несмышлениш «от горшка два вершка» – держался маленькой ручонкой за мизинец брата, всю дорогу не проронил ни слова, словно понимал, что провожает его в последний путь. Дети на войне выросли рано...

Физически сильный, рослый спортсмен попал служить в воздушный десант. Сейчас, спустя 75 лет, мы знаем, что его бригаду бросали на самые важные направления, где решался успех дела. В самое пекло, на превосходящие силы противника, чаще – к ним в тыл, без поддержки танками и артиллерией. Потери личного состава после боев доходили до 60-70 процентов, но врагу наносился еще больший урон, после которого он, как правило, уже не мог оправиться.

Письма от Леонида шли редко, но регулярно: мол, жив, здоров, был в боях. Из солдатских «треугольников» родным нельзя было узнать, из какого ада он в очередной раз выбрался: главное – жив, а остальное – неважно. Только отец Николай Петрович¹, прошедший две войны, знал, что скрывается за скупыми строчками сыновних писем. Он не в силах был их читать, находясь в тылу, и вскоре, несмотря на свой далеко не призывной возраст, ушел вслед за сыном на фронт – на свою третью войну.

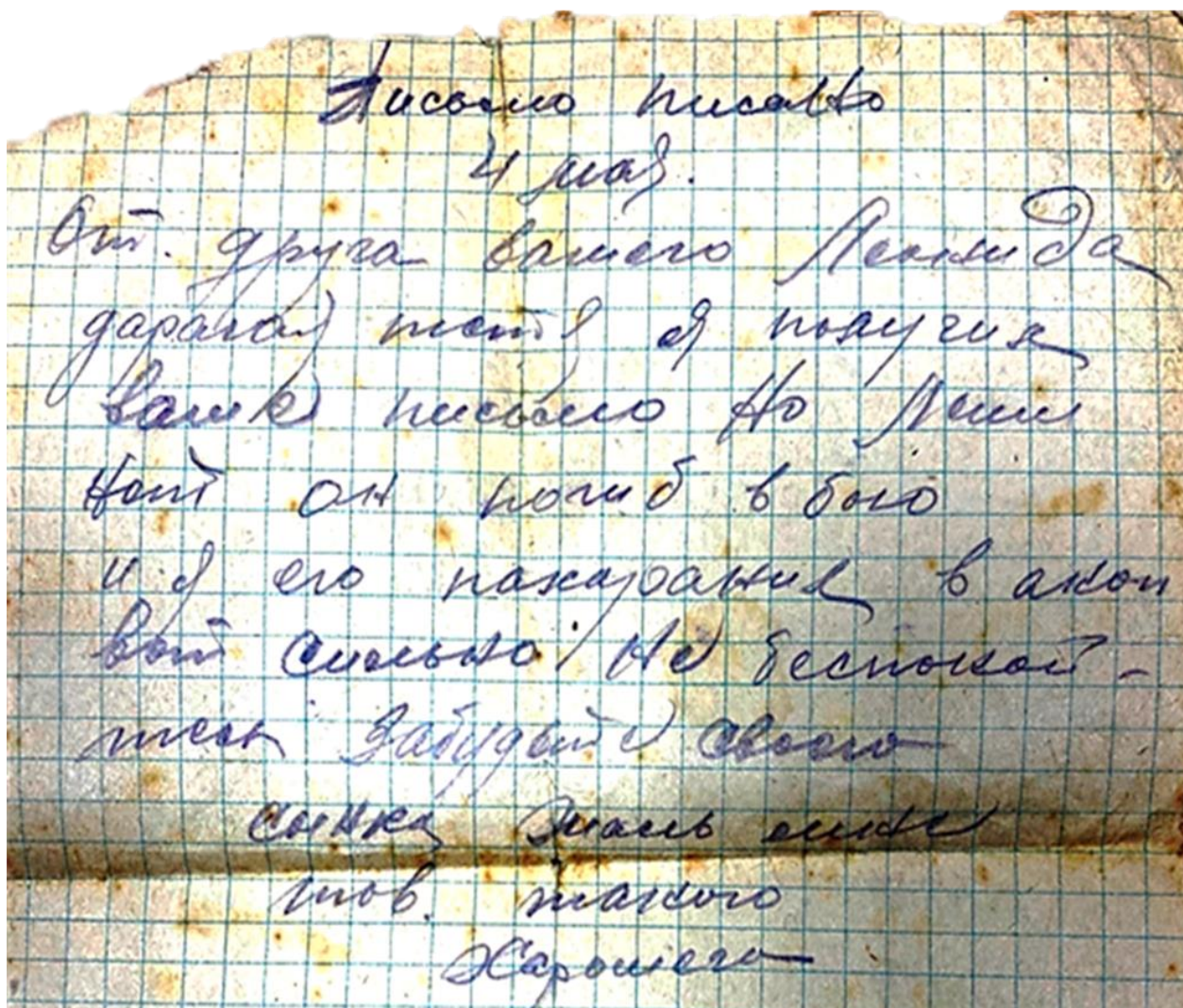
Здравствуй мам!.
Получил сегодня ваше пись-
мо давно уже не получал от
вас писем наконец все же полу-
чил. Сегодня выпала свободная
минутка и решил написать
ответ. Долго не писал пото-
му что был в боях и не бы-
ло времени. Я пока еще
жив, здоров. От крепкого
ничего не получаю наверно
ему тоже некогда писать.
Мы пока все ждем всего

¹ Шардаков Николай Петрович, 1895 г.р., г. Очёр. В 1-ю Мировую – вольноопределяющийся 7-го стр. полка, в гражданскую – связист 30-й дивизии Блюхера, в Великую Отечественную – рядовой 44 стрелковой дивизии. – прим. ред.

«Очер, Молотовская обл. Кооперативная 47, Шардаковой Александре Ивановне.

Здравствуй, мама! Давно не получал от вас писем, и вот, наконец, получил. Сегодня выпала свободная минутка, и решил написать ответ. Долго не писал, потому были в боях и не было времени. Я пока еще жив-здоров. От крестного¹ ничего не получаю, наверно, ему тоже некогда писать. Ну пока все. Ваш Леня. п/почта 11299»

Письма от Лени приходили почти до самой Победы: из окопов, с формировки, из госпиталей. Мать Александра Ивановна денно и нощно молилась Богу за сына-комсомольца: «Сохрани Ленечку, он же у меня смелый до безрассудства, недаром на улице «Черкесом» прозвали, хоть бы не лез на рожон под конец войны...»

Писемно писаво
4 маѣ.
От друга вашего Леонида
дарана) мать я подружка
ваша писаво Но Лени
Фонт он полюб в бою
и я его награждал в аном
вот славяно Не беспокой -
меш забудет своего
своя мать еще
тов. моего
Хорошего

¹ Шахтаров Павел Иванович, 1905 г.р., г. Очер, ст. сержант 177 танкового полка 64 мехбригады, 2-й Укр. фронт. - прим. ред.

Утром 9 мая в Очере, как и во всей стране, был праздник. Как только по радио объявили о Победе, люди, ликуя, вышли на улицы. С песнями, с гармошками... Все поздравляли друг друга, целовались, обнимались до хруста и плакали от счастья. Только в доме по Коммунистической улице страшно, нечеловеческим воем голосила женщина. Люди не понимали, почему она так кричит, словно от горя – Победа же... Но именно в этот день в дом принесли похоронку. На Леню. Мать едва не сошла с ума – ведь совсем недавно было письмо, сын был жив и обещал вернуться со дня на день. Все семейство ждало его, готовилось встретить – думали, где его усадить, чем угостить. А тут все – и никакой надежды: «Гвардии рядовой 349-го полка 105-й стрелковой дивизии Шардаков Леонид Николаевич, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге пал смертью храбрых 14 апреля 1945 года около деревни Мистанг (Австрия)». И письмо.

«...Тетя, я получил ваше письмо для Лени, но его уже нет. Он погиб в бою, и я его похоронил в окопе. Сильно не беспокойтесь, забудьте своего сыночка. Жаль товарища такого хорошего... Старшина роты 349 стр. полка Иван Савельевич Малышев».

Семья Шардаковых пыталась узнать подробности гибели Леонида, его младшая сестра отправила запрос командованию 105-й гвардейской дивизии. В июне 1945 года снова пришло письмо от его товарища, сибиряка Ивана Малышева¹, где он просит разрешения приехать в Очер близкому другу и ровеснику Шардакова, Василию Яковлевичу Сечкареву², который в боях до последних минут был всегда рядом с Леной. А следом пришло письмо и от самого Сечкарева, который вскоре должен был демобилизоваться по ранению и ехать домой на Алтай.

«Привет из Австрии! Спешу сообщить, что письмо ваше получили, чему очень рад. <...> В бою лежал в 10-15 метрах от Лени. Он хотел поползти ко мне в надежное укрытие от пуль, но только повернулся, как началась по нему стрельба. Несколько пуль прошли через тело Лени, и он

¹ Малышев И.С., 1924 г.р., гв. ст. сержант, кавалер Ордена Славы, житель Красноярского края. – прим. ред.

² Сечкарев Василий Яковлевич, 1925 г.р., гв. рядовой, командир отделения 349 стр. полка. кавалер Ордена Славы – прим. ред.,

даже не застонал... Вот последние минуты его жизни. Можно ли заехать к вам по пути, тогда расскажу подробнее...»

Осенью в двери дома постучал совсем молодой парень в солдатской форме – широкоплечий, улыбчивый. Но – на костылях, весь пропахший неистребимым госпитальным запахом. Оказалось, что солдат был тоже из Прикамья, призывался с Леонидом в одно время и провоевал с ним от первого до последнего дня. Из более шестисот пермяков, отбывших вместе с ними на фронт со станции Верещагино тогда, в 1943-м, до победы дожили считанные единицы.

«Наш полк отражал атаки немцев, которые бросились на прорыв, чтобы уйти сдаваться американцам. Шли отчаянно, терять им было нечего, на прощение не рассчитывали – сплошь «эсэсовцы», руки по локоть в крови. Сколько еще горя посеяли бы они на своем пути, – рассказывал Василий Яковлевич. – Леню несколько раз ранило, но мне его даже перевязать как следует было некогда. Хватало времени только на редкие переклички: «Жив? Пока жив! Цел? Да не очень!»

Истекая кровью, он продолжал вести огонь – а стрелок он был меткий. В разгар боя я повернулся посмотреть, как он там. Ленчик хотел переползти поближе ко мне, но очередь с танкового пулемета настигла его... Немцев мы отбили только к вечеру. А Леню мы прямо там в окопе и похоронили. Эх, зарыли хорошего парня в чужую сырую землю. Как многих из нас...»

«СМОТРИ, КАКАЯ ТУЧА ИДЕТ...»

Прожил, а замечательного ничего не было.
Юность – горькая рябина.

Федор Мокрушин

Федор Александрович Мокрушин родился в 1920 году в поселке Очер, в августе 1941 ушел на фронт. Служил стрелком 1128 стрелкового полка 336 дивизии. Убит в бою 26 февраля 1943 г. Похоронен в районе деревни Бекино Сычевского района Смоленской области.

В дневнике Федора описаны первые дни войны вплоть до того момента, когда он отправился на фронт. Из этих строк видно, как и чем дышал в это время Очер.

22 июня

Германия вторглась на нашу территорию. Это очень серьезно. Я услышал от соседа, хромого Александра, налет сделали около 4 часов утра. Говорил Молотов.

Я говорю, что пойду, может быть, добровольцем. На улице рассматривают карты. Спорят, не верят.

Вот под окном:

— Уйди ты! Ересь какую-то выдумываешь. Не поверю я тебе.

Собеседник развертывает карту, показывает:

— Вот Севастополь, смотри.

Мало-помалу неверящий верит и говорит:

— Ну, теперь мир... Мир будет, — он что-то предполагает или успокаивает себя.

22 июня.
Германия вторглась на нашу территорию. Это очень серьезно. Я услышал от соседа, хромого Александра, налет сделали около 4 часов утра. Говорил Молотов.
Я говорю, что пойду, может быть, добровольцем. На улице рассматривают карты, спорят, не верят.
Вот под окном.
— Уйди ты! Ересь какую-то выдумываешь. Не поверю я тебе.
Собеседник развертывает карту, показывает. "Вот Севастополь. Смотри. Мало-помалу неверящий верит и говорит:
— Ну теперь мир... Мир будет..." — Он что-то предполагает, или успокаивает себя.

23 июня

В заводе берут около 200 человек. Вчерась уже у всех отобрали проходные книжки. Берут годы 1905 по 1918 включительно. Говорят, что молодежь идет добровольцами. Слышал от многих.

Дождит. Весь день и прошедшую ночь погода пасмурная. Кропит.<...>

24 июня

Опять непрерывный дождь. Сегодня ждал-ждал утром, когда он пройдет, но так и не дождался. Пришлось идти домой под дождем.

Добровольцами берут только комсомольцев. Я – не комсомолец. Идут многие. Черт, надоело дома.

Фронт протянулся от Черного моря до Финского залива. По наслышке, за вчерашний день немцы зашли на нашу землю от 5 до 20 километров. Бомбардируют города, аэродромы. А с этим еще многое.

В средней школе, против Педтехникума, у дверей сидит человек с винтовкой. Говорит, что в здании находятся мобилизованные.

По радио говорят, декламируют уже вновь испеченные стихи, песни, переложенные на музыку. Некоторые есть замечательные. Слышал песню Жарова «Один за всех и все за одного». «Идем на фашистских варваров» – припев.

25 июня

Много, много идут добровольцами. Сегодня отправляли первых демобилизованных. Некоторые ходили в Финляндскую кампанию, ранены не одни раз. Вторично идущие плачут.

Как жалко, что у нас нет радио! Никак не можем провести, вернее, нет проводки. Говорят, что наших разбили много. Все жители до полупонимающих детей обсуждают настоящую империалистическую войну.

Любая семья, любой человек включен в каждую минуту войны. Политики обсуждают и переобсуждают. Разбирают самые мелкие ее детали. Говорят о теперешней обстановке в Германии, о ее могуществе, силе. Говорят, что она воюет за счет завоеванных резервов, за счет покоренных государств.

Будь проклята эта Германская военщина! Будь проклят фашизм! Это произносит каждый – у каждого оторвали близких, дорогих людей. Народ прокликает войну, несущую новые бедствия.

Туда прокипела эта Беринская. Воен-
щина! Туда прокипел домино! Это произво-
дит эффект, так как у каждого оторван-
но, горючих людей. Народ прокип-
нет войну, вносящую новые бедствия.

26 июня.

Я всю ночь не спал, обдумывая о своем
решении идти добровольцем. Несколько
раз решался идти во что бы то ни стало,
несколько раз малодушничал, вспоминая
трудности рассказанные сходящими
на фронт. Только одно толкало и заставля-
ло на путь идти идти, из-за того,
что ушли уже все товарищи, идут другие,
лучше или хуже меня,

26 июня

Я всю ночь не спал, обдумывая свое решение идти добровольцем. Несколько раз решался идти во что бы то ни стало, несколько раз малодушничал, вспоминая о трудностях из рассказов сходящих на фронт. Только одно толкало и заставляло идти: ушли уже все товарищи, идут другие, хуже или лучше меня, и только я один остаюсь. Без трудностей – это не жизнь, а тряпчатое пресмыкание.

Нарочно приехал в седьмом часу. И лег спать. В 12 встал и, поев, переписал заявление. Затем пошел в военкомат. Долго там сидел с каким-то крестьянином, который все расспрашивал, ходил, нюхал. Потом сходил в уборную, покурил и решил зайти к столу военкома. Решился.

Спросил у какого-то сидящего за столом, черного и вороватого, похожего на Сталина, куда отдавать заявление. Он усмехнулся, спросил, где живу, принял заявление, прочитал и сказал, что пока не берут, не отправляют.

– Надо ожидать призыва, а пока учиться без отрыва от производства. Ходить каждый день. В первую ходишь смену? На какие значки сдал? Я сказал. Затем, поговорив еще, я ушел. Вот и все. <...>

28 июня

С утра дождик. Колька будит меня в 4 часа:

–Вставай, вставай, смотри, какая туча идет. Замочит всех.

Мы стоим под открытым небом. Действительно, надвигается. Сердитая туча. О сне и думать нечего. Забираем одеяло, матрац, тулуп и сидим в квартире конюха. Там и ложусь на сундук. И хотя не удобно из-за скорченных ног, все-таки засыпаю. Пробуждаюсь в шесть.

Затопив котлы, поспеваю получить хлеб. Еду с Грушей, женой конюха. И, хотя вижу и чувствую ее недовольство, все-таки еду. Много горя...<...>

6 июля

Коммунисты каких бы то ни было лет обязаны пройти строевую 150 часов. Сегодня видел, идут хорошо, стройно, уже с учений. Запыленные, вспотевшие.

О, какая невыносимая жара! С утра погода была просто прекрасной. С запада надвигалась полдня гроза. Видно было, как плыли дождевые облака. Погромыхивал гром. И за все утро не единая капля не упала на Очер, хотя было замечательно прохладно. Пущай и грело солнце, но обдувал летний влажный ветерок.

Крестный – 38 лет – обучался строевому шагу. <...>

13 июля

В 4 часа дня передали сообщение о том, что Советское правительство заключило договор о совместных военных действиях с Англией, против Германии. Кажется, дело идет к лучшему.

По радио то и дело говорят о Польше, в которой действуют партизанские отряды. Но чертовски обидно, что, говоря о бесчинствах Германских войск в стране, они только и могут об этом *говорить*. Что же делала наша славная, могучая Красная армия.

Маршалы выехали на фронт.

15 июля

Капитан Николай Гастелло геройски погиб на фронте. Он на горящем самолете, видя безвыходность положения и не желая попасть в плен, ринулся на скопление врага. Так погиб герой. По радио выступала его жена. Плакала, говорила о своем муже. «Да будь проклят фашизм!

Из Очера отправляют много на фронт. Жены и родные ревут совсем безобразно. Некоторые бегут за машинами. Их ругают, матерят, над ними смеются. Как в пословице: «Куда одна овца, туда и все стадо». Одна женщина заплачет, другая подхватит, а третья, смотря на них, туда же. Почти как на фронте. Говорят, что здесь, у нас, будут раненные.

16 июля

После нескольких дней дождя и прохлады снова надвигается жара. Мылся в сортире (больше негде) холодной водой. Немного посвежел. А то, боюсь, растаю от жары.

По радио говорят только о войне, войне и войне. Все для войны. В какое мы живем время!

17 июля

Война! А я бездействую! Везде и всюду обсуждают войну. Говорят о фашизме.

Война! Она всех коснулась, от мала до велика. Идешь по улице – женщины, ребятишки сидят на завалинках, толкуют. Идешь и видишь сидящих и слушающих репродуктор на углу радио-узла. Все, все и все о войне. У телефона дежурят служащие, рабочие. Например, у нас в конторе. Вчера дежурила одна женщина и я сидел тоже с ней. Такое уж дело.

Даже моя крестная, ждущая, что вот-во отправят в армию крестного, настоящая патриотка, помогает косить сено, грести в учреждениях. Сегодня она подозревала на лугах какого-то мужчину, такого черного, некрасивого, не умеющего говорить. И, придя в контору, сообщила об этом директору. Не знаю, она думала, наверно, что это диверсант. По ее мнению, диверсанты, враги всегда черные, безобразные из-за своей работы.<...>

23 июля

Месяц войны. Бомбардируют Москву. Горит, говорят, клиника, и еще что-то. <...>

31 июля

Дождь. Совсем как осень. Война и война.

Меня переводят приказом с маслозавода в большой завод. Сегодня взял листок приема. Дал согласие на кочегара. Так, значит, опять в завод.

Бесчисленное количество беженцев. Все евреи, загорелые, южане. Поступают в завод. В конторе они толпятся и толпятся. Некоторых принимают, иных нет. <...>

1 августа

Как изменчива судьба человека! Вчера я мог быть кочегаром, а сегодня только чернорабочий. Пришел в завод, в машинное, подумал, что здесь бы мне только и работать, самое лучшее место. Но потом оказалось, что штат полный. Не надо. Я пришел обратно в контору и стал чернорабочим. Все полетело к черту.

Как я сегодня зол. Немного. Ну что же, надо подчиняться судьбе, а то она совсем повернется неприятной стороной. Война! Если бы не она.

Сколько беженцев! Я посмотрел, как они поступают. Южане. Они злы, недовольны. Им нет здесь места по квалификации. Бежали более, видимо, те, у кого нашлись средства. Почти все прилично одетые.

О квалификации беженцев смеется конюх:

— Нет, видно, для них работы, — он явно думает, что они только чистая интеллигенция. Может быть, это верно. Все какие-то...

31го июля. 1941 года.
Дождь. Совсем как осень.
Война и война.
Меня переводят приказом с масло-
завода в Сальвинский завод. Сегодня взял
мешок прищема. Там солонина на
кочегара. Так, значит, опять в завод.
Трещущее количество беженцев.
Все евреи, загорелые, южане. Посту-
пают в завод. В конторе они толпятся
и толпятся. Некоторых при-
нимают, иных нет.

2 августа

Моя мамаша жестоко ругается, что я ничего не работаю. Проклятая судьба, зачем ты смеешься надо мной? Виноват ли я тем, что заставляют работать чернорабочим? У меня профессии нет? Я молод. Профессию могу избрать и понять любую. Так почему же я стою чернорабочим? Или уж на свете люди становятся лишними? Не потому ли война? Глупая. Чертовски глупая. Гуманизм. Патриотизм.

Я уверен, что, когда наши войска разобьют Германцев, пойдут по чужой земле. Пойдут защищать гуманизм. Воспрянет патриотизм. Воспрянет больше, чем ожидания. Потому что Германцы хищнее, увертливее нас. Я сейчас нахожусь в таком расположении духа, почти физическом, если не нравственном упадке сил.

Надо крепить тыл! А я не работаю. Я только вяло наблюдаю за жизнью. И больше ничего. У меня нет ни к чему охоты. Сонливая апатичность. Ах, скорее бы, скорее жизнь! Она решит ход всей моей жизни, моих дум. Будь проклято.<...>

15 августа

Сегодня я устал. По повестке ходил учиться. Сдавать нужно на ГТО. Прыгал, кидал гранаты. Меня берут в армию. Отправляться 19 августа.

Друзья мои! Где вы, далекие, невидимые? Написать бы вам хоть письма! Я понимаю, что встретиться не так-то легко там. Да и знаю, что сначала будут учить – трудно, упорно. А потом на фронт. Где будут учить? Наверно, в Перми. Как жалко, что я остался дома, а друзья мои воюют, может быть, ранены. Тысячи, десятки тысяч таких, как я.

Дома я не говорю, что меня берут в армию. Хочется, чтобы совсем не знали. Но скажу об этом обязательно Нюре. Я так ее и не взял, а теперь думаю, что не возьму. Вот так наступает настоящая жизнь. Моя.<...>

17 августа

Отправлять меня будут завтра. Уже повестка. Последний день дома. Никакой радости или страха. В заводе получил расчет. Пью. На эти деньги. Кто же со мной поедет в армию? На столе в военкомате видел повестки, рассортированные по всему столу. Очень много.

Все! Прощай, дневник! Прощай, Очер, в котором я прожил до 20 лет. Пора начинать более полную жизнь.

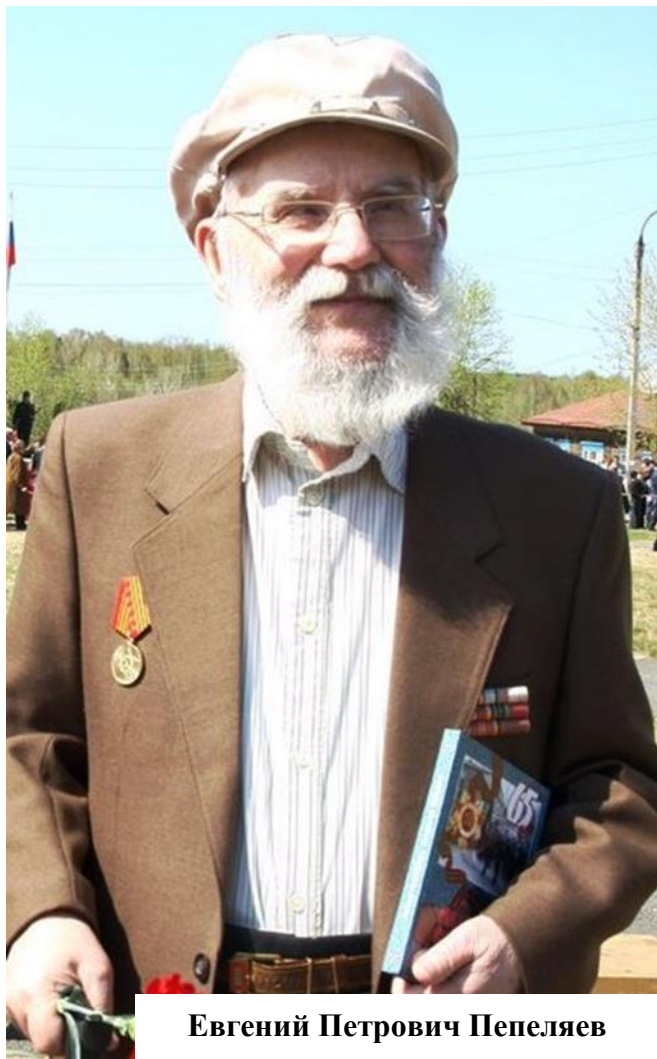
Котомка собрана. Федор.

СУДЬБА ВОЕНКОРА

Мечту – стать журналистом – наш земляк пронес через грохот канонад и ад иттыковых атак.

Самой несправедливо обойденной в трудах писателей воинской профессией, как ни странно, является служба военных корреспондентов. Хотя во многом именно им должны быть благодарны потомки, за то что правда о Великой Отечественной войне жива и поныне. Наверняка большинство очерцев помнят своего замечательного земляка, журналиста и человека с большой буквы Евгения Петровича Пепеляева. Но мало кто знает, что на фронте он был военкором и писал, прежде всего, о подвигах других.

В 1943 году в Краснокамскую 1-ю среднюю школу прибыли вербовщики из пермского ФЗУ при заводе имени Сталина, чтобы предложить выпускникам поучиться ремесленному делу и затем ковать победу в тылу. Большинство школяров согласилось, прельстившись казенной черной формой и бесплатной столовой, хотя иронизировать над подобным выбором голодных, кое-как одетых и обутих пацанов и девчонок не стоит. Однако два друга, два Пепеляевых – Дима и Женя – предпочли облачиться в другую форму – военную. 17-летние парни не мыслили для себя иной доли на этой страшной войне, как с оружием в руках на передовой сражаться с фашистами. Оба мальчиш-

Евгений Петрович Пепеляев

ки, конечно же, мечтали служить в авиации, умножая славу своих асов-земляков Сивкова и Одинцова, Шардакова и Козича, Краснова и Кирилюка. Дмитрию повезло, он прошел строгую медкомиссию и отправился в летное училище. А вот Евгения врачи забраковали по зрению, определив расстроенного до слез пацана в связисты. Уже с фронта он писал своему другу-пилоту:

«Дружище! Война подтвердила, что мое влечение в летное училище было очень и очень сильным. Проклятые диоптрии – ну кто о них сейчас думает... Но, несмотря на лишения и опасности, на земле тоже можно воевать. Я, ничуть не рисуясь, но твердо могу сказать, что из меня выйдет хороший боец. И пусть я не в небе, а чаще совсем даже наоборот - в глубоком окопе, делаем мы с тобой общее дело, бьем ненавистного врага. Но с какой неприличной завистью я слушаю сводки о действиях авиации...»

Быстро пролетели полгода учебки в уральском городке Троицке, и уже в июне 1944-го Пепеляев в составе маршевой роты прибыл на 2-й Прибалтийский фронт, которым командовал герой Сталинградской битвы маршал Андрей Еременко. Его 17-й отдельный батальон связи с ходу вступил в бой с гитлеровцами, отчаянно пытавшимися удержать Ригу. Кровопролитные сражения шли за каждый плацдарм, поэтому, восполняя убыль личного состава, Пепеляеву пришлось повоевать и сапером, и артиллеристом, и даже политработником. Не раз глядел в лицо неминуемой смерти: поднимался в штыковые атаки, сходил с фашистами врукопашную, глохнул под жестокими бомбежками.

С лейкой и блокнотом

А в редкие минуты затишья Пепеляев... писал стихи. И очень недурные, коль их заметили специалисты, а командование упростило рвавшегося в бой юношу поработать в дивизионной газете «Боевой путь». А когда тот было заартачился, то командир поставил его по стойке «смирно» и просто приказал. Но Пепеляев, будучи уже опытным солдатом, и сам понимал, что своевременное и хлесткое слово разит врага порой сильнее пули и, главное, воодушевляет бойцов на подвиги. Один из своих агитстихов, напечатанных на первой полосе дивизионки, он отправил другу Дмитрию:

В бой за родину!

Год победный - сорок пятый!
Фрицев бьем на всех фронтах.
Красной Армии солдаты
На врага наводят страх.
Наступленье, наступленье!..
Скоро Гитлеру капут!
От «Катюши» нет спасенья –
Смерть фашистам там и тут.
Через горы и долины
Мы в последний бой идем.
В волчьем логове - в Берлине
Зверя лютого добьем.
Год победный - сорок пятый
По родной земле идет...
В бой за Родину, солдаты!
В бой за Сталина - вперед!

Мл. сержант Ев. Пепеляев, г. Рига, 5.01.1945

Штык на перо менять, кстати, Евгению Петровичу не пришлось, военные корреспонденты были обязаны одинаково владеть и тем и другим. И хотя окопники по возможности стремились поберечь журналистов от немецких пуль, сколько раз военкоры, отвергая столь трогательную заботу, лезли в самое пекло, брали на себя командование взводом, отделением, группой бойцов, когда выбывали из строя командиры, как это сделал Аркадий Гайдар; ходили в смертельные десанты, как Сергей Борзенко; штурмовали на «Илах» немецкие колонны, как Леонид Вилкомир; поднимали в последний бросок окруженцев, как Петр Огин; отстреливались до последнего патрона на пятачке, прижатом к горам и морю, как Лев Иш, ходили в боевые походы на подводных лодках как Константин Симонов. Сколько их погибло, так и не дописав очерка... Не вернулись в родные газеты Прикамья корреспонденты пермской «Звезды» Сергей Бакин и Вячеслав Бодалев, Павел Брагин из Суксуна, Григорий Занадворных из Лысьвы, Загид Тимганов из Барды, Петр Иголкин из Чернушки и еще более трех десятков талантливых журналистов. Замучен фашистами в концлагере ответственный секретарь газеты «Очерский рабочий» Герман Чазов.

Судьба уберегла 18-летнего военкора от подобной юдоли. Победный май 45-го Евгений встретил уже умудренным фронтовым опытом солдатом. От безусого юноши-романтика, мечтавшего о небе, пожалуй, не осталось ничего. Кроме, конечно, страстной любви к поэзии и журналистике. И вряд ли осознавал тогда пьяный от счастья сержант Пепеляев, разряжая в небо ненужный уже боезапас, что полученная на войне профессия журналиста станет делом всей его жизни.

По бюрократам – пером, как штыком!

После демобилизации Евгений Пепеляев работал редактором литературно-драматического вещания Пермского радио, корреспондентом «Краснокамской звезды», собкором «Звезды», долгие годы возглавлял очерскую районку. Его по-военному смелые репортажи и очерки наводили шороху на бюрократов, мздоимцев, разгильдяев, уголовников, прогульщиков, обличали нерадивых чиновников, обнажали насущные социальные проблемы, требовавшие немедленного решения. И по-

этому очень нравились читателям, которые охотно заглядывали в его кабинет, зная, что его хозяин чутко и внимательно их выслушает, даст нужный совет и, если надо, сам пойдет по инстанциям, пока не добьется правды и справедливости.

Огромную работу член Союза журналистов России Евгений Петрович Пепеляев проделал по краеведению и, конечно же, по военной истории Прикамья. Он стал автором многих ценных очерков и рассказов об очерцах – участниках Великой Отечественной. Стоит отметить, что его творческое наследие оказало неоценимую помощь и при создании этой книги. До самой смерти старый фронтовик не поддавался невзгодам нашего трудного времени, занимал активную гражданскую позицию и, главное, был добрым другом и советчиком для нового поколения пишущей армии.

Евгения Петровича нет с нами уже десять лет, но люди до сих пор добрым словом поминают этого замечательного человека. Собираясь в пермском ДомЖуре, где Пепеляев был частым гостем, постоянно вспоми-

нают о нем убеленные сединами ветераны журналистики, отмечают его оптимизм, искреннее добродушие и врожденную совесть русского интеллигента. И, конечно, ставят его в пример молодым коллегам. Кстати, его ученики и сейчас работают во многих СМИ Прикамья и, конечно, в редакции газеты «Очерский край». Да и вообще во многих очерских семьях помнят неравнодушного корреспондента и умного, с широким кругозором, эрудированного собеседника, бережно хранят вырезки из газет с его великолепными статьями.

Примечание. Почему Евгений, а не Евтихий.

- Я не то чтобы уж вовсе стеснялся своего «старорежимного» имени, - рассказывал Пепеляев. - Однако вспомните, в какую эпоху я жил и воспитывался: еще не утих революционный энтузиазм, советские люди строили новую страну, совершая небывалые трудовые подвиги. Под стать были и новые имена – Октябрина, Труд, Ким (коммунистический интернационал молодежи. – прим. авт.), Вилен (Владимир Ильич Ленин – прим. авт.), Марат, Демократ! А тут Евтихий, словно у монаха... Кстати, и выбирать более благозвучное имя почти не пришлось, друзья и так с детства звали меня Евгением или Женей, так что и привыкать к новому имени не нужно было.

Евгений Петрович Пепеляев (слева) и Петр Иванович Пискарев на Параде победы в Очере, 9 мая 1979 г.

В ДНИ ПОРАЖЕНИЙ И ПОБЕД

Гвардии подполковник Петр Иванович Пискарёв прожил недолгую жизнь. И немудрено: война и связанные с ней невзгоды безжалостно подточили его здоровье. Боевой офицер, более 30 лет отдавший служению Отечеству, кавалер четырех орденов и множества медалей, в обыденной жизни был до застенчивости скромн и почти не оставил воспоминаний о военном лихолетье. Даже для родных. Прочитав последующие строки, вы поймете, почему этот мужественный человек не любил говорить и писать о войне...

Сквозь шторм

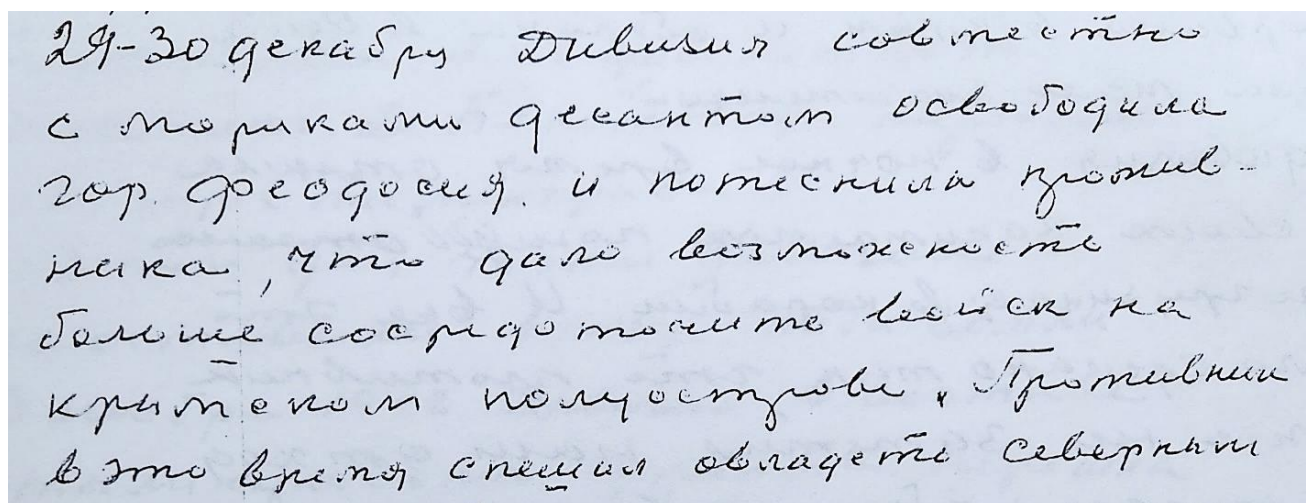
В ночь на 29 декабря 1941-го военные корабли и транспортные суда с бойцами снялись с якорей и взяли курс к берегам Крыма, занятым гитлеровцами. Так началась дерзкая по замыслу Феодосийская десантная операция, подобную которой до этого не проводила ни одна армия планеты. Море неистово штормило, бушевала снежная пурга, покрывая льдом палубы и надстройки. Сверху – от вражеской авиации – в такую непогоду опасность не угрожала, зато «снизу» фашистские субмарины и плавучие мины подстерегали буквально на каждом шагу. А с фронта ждал ошестинившийся частокл береговых орудий.

В первом эшелоне десантников шел наш земляк из Очёра, 32-летний командир-разведчик Петр Пискарёв. Штормище в 7 баллов заливал и переворачивал шлюпки. Многие сбились с курса и на свой страх и риск шли навстречу свинцовому ливню. Те, кому удалось прорваться сквозь огневой заслон, зацепились за пятачок крымского берега. Вермахт не успел перебро-

силь к Феодосии свои резервы, чтобы сбросить обескровленный десант с плацдарма. Собираясь в спокойной обстановке встретить новый 1942 год, гитлеровцы никак не ожидали столь внезапного появления русских со стороны бушующего Черного моря. Поэтому, побросав накрытые столы, а заодно и технику и вооружение, в панике бежали.

Этот героический эпизод довольно скупо отражен в дневнике военных событий, в которых участвовал Петр Иванович. Вернее, не он – а его прославленная 157 стрелковая дивизия. В дневниковых записях, которые Пискарев восстанавливал по памяти после войны, нет ни слова о его личных подвигах и заслугах: только о своем подразделении, о его бойцах и командирах.

«29-30 декабря. Дивизия совместно с морским десантом освободила город Феодосия и потеснила противника, что дало возможность сосредоточить больше войск на Крымском полуострове...»

29-30 декабря Дивизия совместно с морским десантом освободила г. Феодосия и потеснила противника, что дало возможность сосредоточить больше войск на Крымском полуострове. Противник в это время спешил овладеть Северным

Без права на трусость

Май 1942-го. Больше четырех месяцев шли позиционные бои на Керченском полуострове, не принося успеха ни той, ни другой стороне. В кровавой мясорубке гибли тысячи солдат. Командование, которое по авантюристски взял на себя небезызвестный сталинский клевет Лев Мехлис, гнало войска в бессмысленные атаки, запрещало окапываться и маскироваться, что, в конце концов, полностью обескровило боеспособные подразделения.

– Более неудачных позиций у нас не было за всю войну, – однажды обмолвился Петр Иванович.

И случилось то, чего не должно было произойти. Немцы малыми силами прорвали нашу хлипкую оборону и бронированным клином вкатились на полуостров. Теперь уже Красная армия, опасаясь окружения, стала отходить. Да что там отходить – просто спастись бегством! Мелкими разрозненными группами, а то и поодиночке, под шквальным огнем, кляня на чем свет стоит своих командиров, наши бойцы переплывали Керченский пролив. Немцы бомбили все, что движется – по морю и на берегу: охотились даже за отдельными машинами или подводами, а то и за одинокими бойцами. Баржи с красным крестом, где на палубах тесно ютились красноармейцы, тоже были мишенями. Море стало красным от крови.

Увы, в общем бедламе многие офицеры растерялись и попросту бросили свои подразделения на произвол судьбы. Войска охватила паника, которая, как известно, страшнее бомб и пулеметов. Капитану Пискарёву тоже было страшно – даже очень. Но внешне он не имел права это показывать – рядом были его бойцы. Хладнокровие командира передалось подчиненным. Используя подручные плавсредства, он под непрерывным огнем противника провел организованную переправу солдат и техники через Керченский пролив. Сам командир покинул берег последним, прикрывая отход своих товарищей. Только расстреляв весь боезапас по наступающим гитлеровцам, Пискарёв с горсткой красноармейцев связали два овальных деревянных чана, их которых кормят свиней, и на таком «ковчеге» оставили Крым...

170 тысяч (!) наших воинов – таковы были потери в результате бездарного руководства. Гораздо меньшему числу советских бойцов удалось эвакуироваться из Крыма. Подразделение Петра Пискарёва было среди немногих, кому без потерь, сохранив матчасть и личный состав, удалось добраться до Тамани. За позор отступления наград не дают. Но Пискарёву вручили его первый орден именно тогда, в 1942-м. За то, что сберег вверенных ему людей. Но до самой смерти он не мог забыть тысячи красноармейских пилотов и матросских бескозырок, плавающих в кроваво-красной пучине Черного моря весной 1942 года...

Отшагал полсвета

Пискарёв очень сильно переживал, когда читал или слышал от ветеранов про неудачные бои в Крыму. Об этом рассказывал очерский журналист

Николай Рязанов, с которым во время войны судьба дважды едва не столкнула его на фронтовых дорогах (первый раз – как раз в Крыму, весной 1942-го, где их дивизии были соседями по позициям; второй – уже в поверженной Германии, в г. Росток «Вполне возможно, что мы встречались, даже разговаривали, не зная, что земляки. Обронить бы кому-то из нас в то время одно лишь слово: «пермяк» или «Очер», – вспоминал Николай Иванович. – **прим. ред.**). Ко Дню Советской Армии он написал очерк «От Волги до Эльбы» о непростом воинском пути очерца, опубликованный в газете «Знамя труда» 22.02.1968 г. Дневниковые записи и письма Пискарева органично переплетаются со строками статьи корреспондента-фронтовика.

Рабочий парень Петр Пискарев, монтер электростанции Очерского машзавода, заядлый футболист, вечерами учился на подготовительных курсах в вуз, имел много общественных нагрузок по комсомольской линии. После курсов он поступил в Свердловский геологоразведочный институт. Первый курс Пискарев окончил коммунистом и по партийной мобилизации был призван в Саратовское танковое училище. Через год командовал взводом в Пскове, женился на миловидной псковитянке Клабочке, продолжал службу в Забайкалье старшим автомехаником и начальником мастерских.

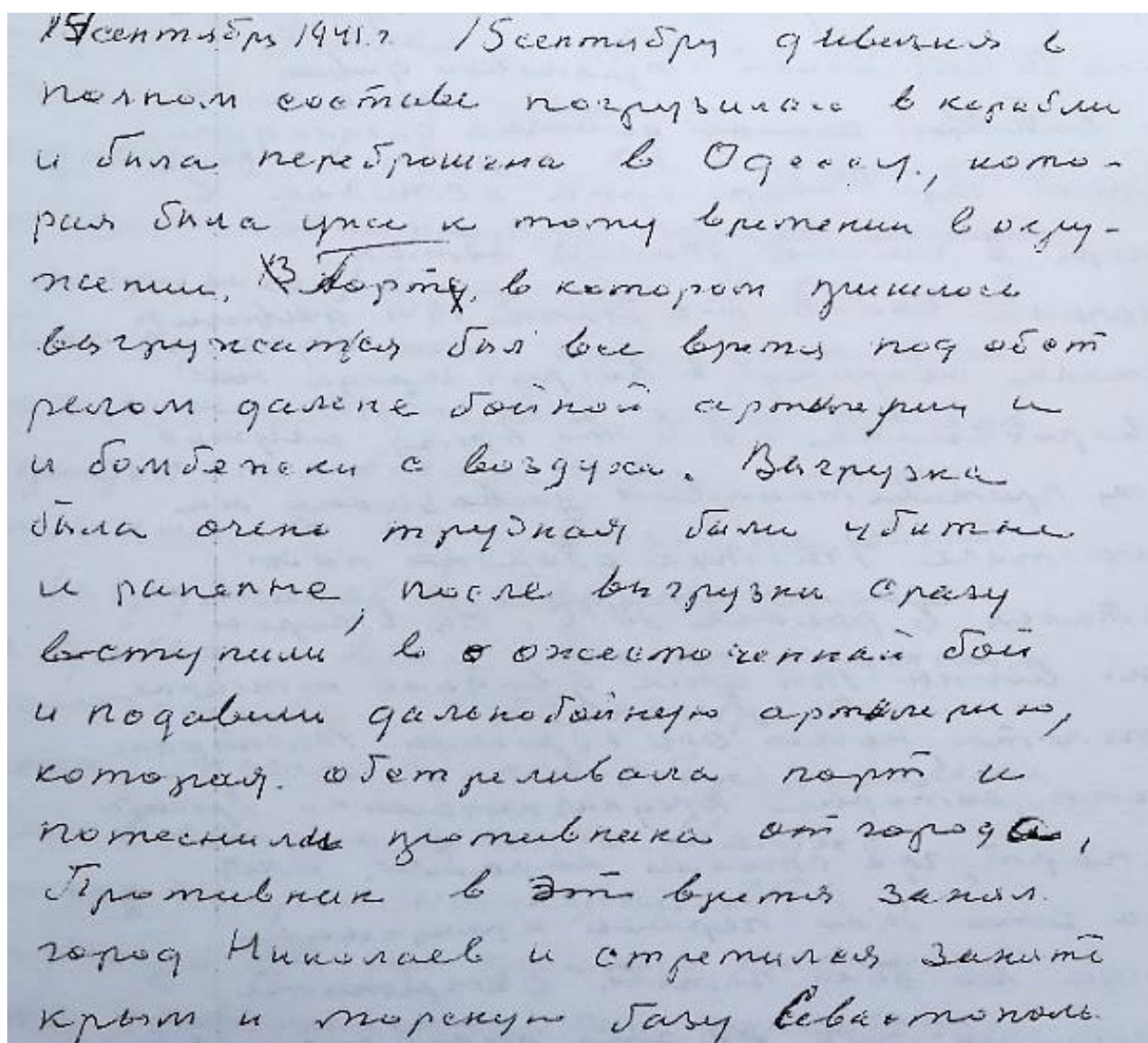
В 157-ю стрелковую дивизию П. И. Пискарев пришел в декабре 1939 года на должность помощника командира разведбатальона. Когда началась Великая Отечественная война, он оставил жену с детьми в Новороссийске, глубоко уверенный, что это недосягаемый тыл. (А семье в этом приморском городе пришлось много пережить под бомбежками и с большим трудом эвакуироваться на Урал).

Петр Иванович долго не мог места себе найти, ничего не зная о судьбе родных, писал и писал письма в Очер на адрес своей сестры Валентины: г. Очер, ул. Октябрьская, 32.

«Милая Клава! В очередной раз пишу тебе и не знаю, добрались ли вы до Очера. Каждый раз Валя отвечает, что вы еще не приехали и вестей от вас нет. <...> Пишу и боюсь, может уже и в живых-то вас, родные, нет... Молюсь, хоть и коммунист до мозга костей, чтобы это было не так. <...> Вот такая тебе досталась доля жены командира, что ты вынуждена переносить на своих женских плечах больше лишений, чем даже здоровый мужик вынести способен. <...> Даже попрощаться с тобой как следует не мог, но иначе, ты же знаешь, было нельзя...»

Дивизия пошла в бой. В сентябре 1941 года она прибыла в осажденную врагом Одессу.

«14-15 сентября 1941 г. Дивизия в полном составе погрузилась в корабли и была переброшена в Одессу, которая уже была к тому времени в окружении. Порт, в котором пришлось выгружаться, был все время под обстрелом дальнобойной артиллерии и под бомбежкой с воздуха. Выгрузка была очень трудная, были убитые и раненые. После выгрузки сразу вступили в ожесточенный бой, подавили дальнобойную артиллерию и потеснили противника от города. <...> Дивизия простояла в обороне Одессы до начала октября, нанося противнику большие потери...»

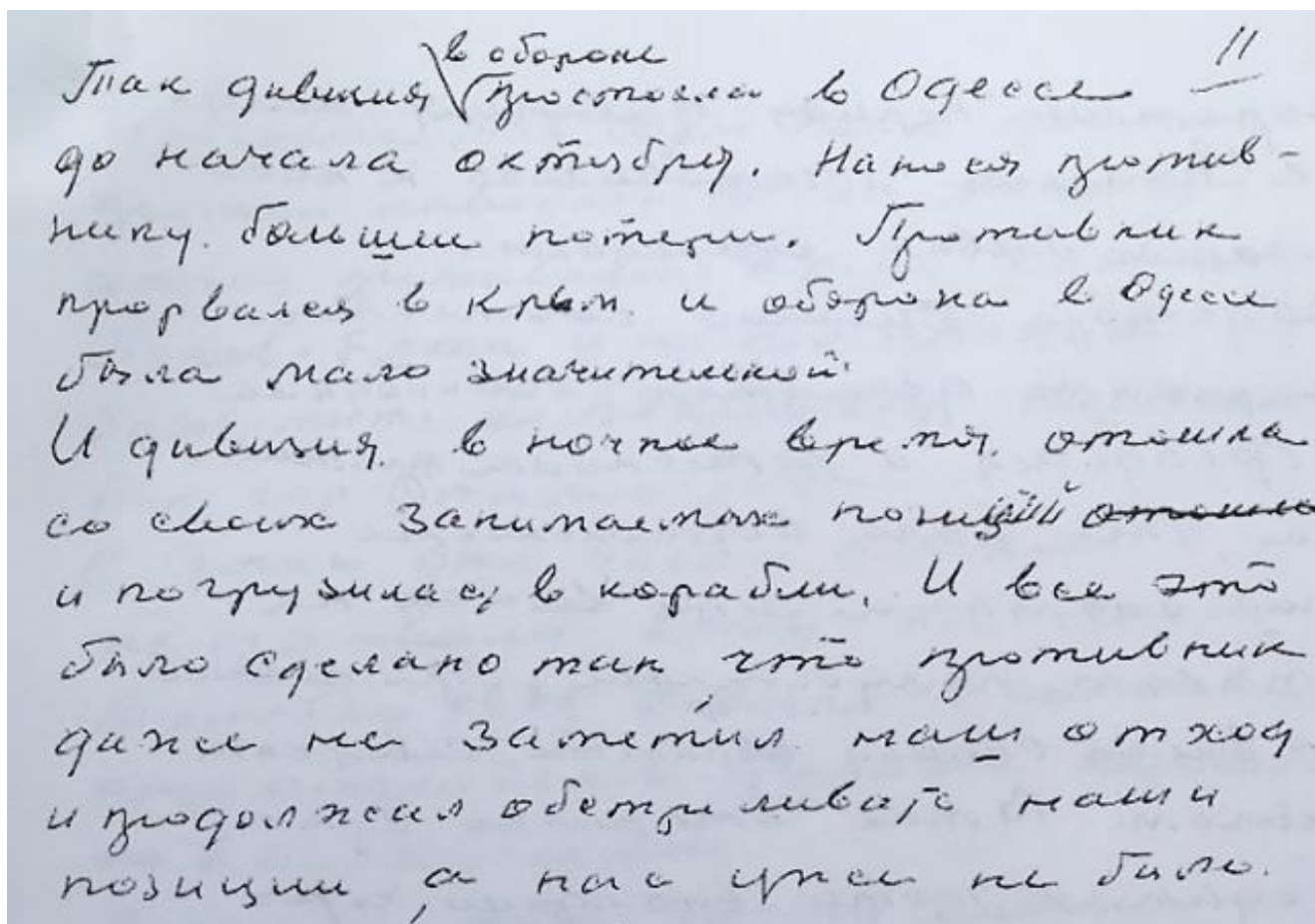

14 сентября 1941 г. 15 сентября дивизия в полном составе погрузилась в корабли и была переброшена в Одессу, которая была уже к тому времени в окружении. В порту, в котором пришлось выгружаться, был все время под обстрелом дальнобойной артиллерии и бомбежки с воздуха. Выгрузка была очень трудная, были убитые и раненые, после выгрузки сразу вступили в ожесточенный бой и подавили дальнобойную артиллерию, которая обстреливала порт и потеснили противника от города. Противник в это время занял город Николаев и стремился захватить Крым и морскую базу Севастополя.

Бойцы 157-й стрелковой стояли насмерть и готовы были держать оборону столько, сколько потребуется. Но пришел приказ покинуть осажден-

ный город (этот эпизод упоминается в очерке про боевого друга и земляка Петра Пискарева – Аркадия Федоровича Хренова).

«...Дивизия в ночное время отошла со своих занимаемых позиций и погрузилась в корабли. И все это было сделано так, что противник даже не заметил наш отход и продолжал обстреливать наши позиции, а нас уже там не было».

Так дивизия в обороне в Одессе //
до начала октября. Намеся против-
нику. Большие потери. Противник
продвинулся в Крым и оборона в Одессе
была мало значительной.
И дивизия в ночное время отошла
со своих занимаемых позиций
и погрузилась в корабли. И все это
было сделано так, что противник
даже не заметил наш отход
и продолжал обстреливать наши
позиции, а нас уже там не было.

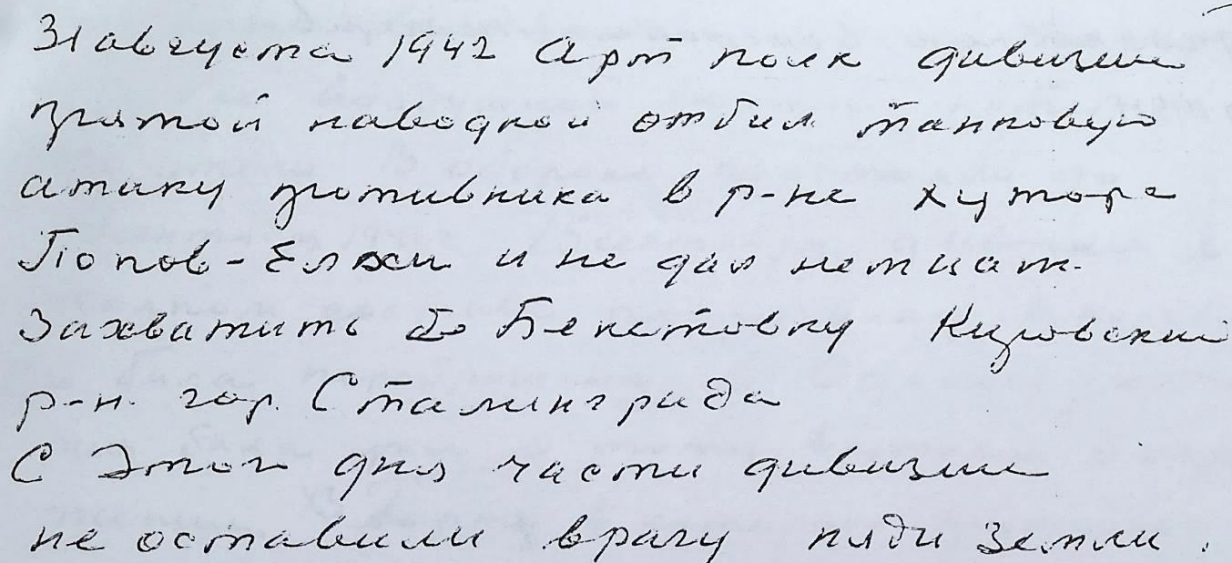
Далее были вышеупомянутые бои за Крым, после которых чудом оставшийся в живых Петр Пискарев, наконец, получил радостную весточку из Очеры, что семья и дети живы-здоровы, пусть и не без приключений, но добрались до Прикамья. Клавдия Федоровна (в войну – медсестра Очерской больницы. – прим. ред.), слушая сводки Совинформбюро о трагедии в Крыму, страшно переживала за мужа и не могла поверить, что он жив. Петр Иванович в каждом письме успокаивал жену.

«...Клавочка, не время сейчас плакать и переживать! Я хочу, чтобы ты собрала волю в кулак, сохранила железные нервы и холодный рассудок. Если все это у тебя будет, то и я буду спокоен. Верь и не сомневайся, что

мы уничтожим фрицев, и снова мы увидимся с тобой и опять будем вместе жить еще лучше и дружнее, чем до войны. <...> Как успехи у Валечки, чем занимается Петруша? Умеет ли уже читать-писать? Пусть напишет или нарисует хоть какую-нибудь каракулю. Сам я чаще писать не могу – служба...»

Потом в воинской биографии офицера легендарной 157-й стрелковой дивизии (будущей 76-й Гвардейской десантной, чьи бойцы из 6-й роты, достойные потомки славы Петра Пискарёва, геройски насмерть бились с бандитами Хаттаба у высоты 776 двадцать лет назад. – прим. авт.) были сталинградский ад, огненная Курская дуга, освобождение Белоруссии, Висло-Одерская операция.

«31 августа 1942. Артполк дивизии прямой наводкой отбил танковую атаку противника в районе хуторов Попов и Елхи и не дал немцам захватить Бекетовку и Кировский район Сталинграда. С этого дня части дивизии не оставляли противнику ни пяди земли...»

Завещание 1942 Арт полк дивизии
прямой наводкой отбил танковую
атаку противника в р-не хуторе
Попов-Елхи и не дал немцам
захватить Б Бекетовку Кировский
р-н гор. Сталинграда
С этого дня части дивизии
не оставили врагу пяди земли.

«Июль 1943 г. ...Из всех рек Ока для нас оказалась самой трудной. При десанте в Феодосию мы имели меньше потерь, чем на Оке. Берег ее, занятый немцами, был очень крутой, огненный заслон мощнее, чем в Крыму. Но взяли мы и Оку!»

«21 июля 1944. ...Спокойно перешли мы Западный Буг по пятам немцев, прямо по мосту, который они не успели взорвать. <...> Обходным маневром освободили Брест. В этих боях в районе легендарной крепости за

какие-то пять дней мы не досчитались трех Героев Советского Союза. И в жизни своей, и в смерти они были героями: гвардии старший лейтенант Локтионов, гвардии майор Тарнопольский, гвардии старший сержант Александров...»

И всю войну – потери, потери и потери: слишком много боевых друзей похоронил Петр Иванович на пути к Великой Победе. Судьба бросала его в самое пекло, поэтому плакать и переживать за своего мужа Клавдия Федоровна перестала только после ликующей речи диктора Левитана по радио – 9 мая 1945 года.

ТОТЛЕБЕН XX ВЕКА¹

О нем мне еще в далеком детстве рассказывал дед Петр - товарищ по оружию Героя Советского Союза генерал-полковника инженерных войск Аркадия Федоровича Хренова. «Запомни, – говорил он, указывая на сухощавого человека небольшого роста, с умными спокойными глазами, в которых где-то глубоко скрывалась лукавая хитринка. – Этот генерал очень много сделал для Победы. Особенно тогда, в сорок первом, когда многие в ней уже разуверились». А вскоре мне посчастливилось лично познакомиться с Аркадием Федоровичем, и в памяти о встрече навсегда осталась мальчишеская радость от подаренных внуку боевого друга полевых генеральских погон и ленточек от матросской бескозырки.

Ровесник века

Родился Аркадий Федорович в Очере в семье заводского мастерского в 1900 году. Ровесник века – так он себя сам называл и под таким же названием задумывал книгу, рассказывающую о бурных событиях 20-го столетия. Ему было что поведать потомкам. Красноармеец-телефонист прославленной блохеровской дивизии в гражданскую, главный разрушитель неприступной «линии Маннергейма» в белофинскую, начальник Главного инженерного управления РККА, командующий инженерными войсками ряда фронтов в Великую Отечественную, один из первых Героев Советского Союза в Прикамье...

Его ценили главный диверсант СССР полковник Илья Старинов, главком ВМФ адмирал Николай Кузнецов и писатель-разведчик Владимир Карпов, с ним любили спорить о литературе редактор «Красной звезды» Давид Ортенберг и военкор Иван Пыжов. Константин Симонов, который часто использовал в своих произведениях собирательные образы, придал черты Аркадия Хренова отважному саперу майору Горелику из трилогии «Живые и мертвые» – невысокого роста, подвижному, не тушующемуся перед высоким начальством, когда уверен в собственной правоте.

¹ По материалам очерков Максима Шардакова, опубликованных в газете «Звезда» в 2018–20 гг.

К сожалению, не успел: смерть никогда не была ласкова к фронтовикам. Однако кое-какие материалы, письма и особенно воспоминания знавших его людей остались. Тема рассказа о генерал-полковнике Хренове и о его солдатах 41-го, которых он при жизни боготворил, у автора вырисовалась сама собой – при одном только взгляде на подаренные матросские ленты, которые в те далекие годы развевались на бескозырках защитников Одессы...

Покидая Одессу-маму

...Эвакуация войск Одесского оборонительного района, как это ни странно – классический пример высшего военного искусства. Впервые в истории войн огромная армия, вооруженная сложной боевой техникой, в одну ночь, одним эшелоном скрытно от врага отошла с линии фронта в порт, затем в течение нескольких часов погрузилась на корабли и без потерь была переброшена на другое стратегическое направление. Это еще более выгодно смотрелось на фоне, порой, панического отступления 1941 года, когда бросали все – и оружие, и технику, и людей. На Аркадия Федоровича тогда была возложена наиболее ответственная задача: все, что не может быть эвакуировано – уничтожить, провести минирование, маскировку, дезинформацию. Особое внимание генерал уделил, казалось бы, совсем не военному объекту – дому НКВД по улице Энгельса. Дело в том, что нашей разведке удалось добыть план размещения в Одессе оккупационных войск, который педантичные и уверенные в победе немцы, конечно же, составили заранее. В «доме чекистов» фашисты предполагали разместить штаб командования вермахта, кровавую румынскую «тайную полицию» – сигуранцу – и ее не менее кровавую «сестру» – немецкое гестапо. По предложению Аркадия Хренова, было решено приготовить завоевателям небольшой сюрпризик в виде хорошей мины, заряда которой должно было с избытком хватить на царствие небесное и обнаглевшим воякам, и палачам.

Сюрприз от генерала Хренова

Чтобы ни у кого не вызвать подозрений, осмотр дома Хренов с саперами производили под предлогом размещения в нем на зимние квартиры тыловиков из управления военно-полевого строительства. «Квартиросъемщики» работали в строгой тайне под бдительным оком чекистов. Повсюду в подвалах висели гроздь паутины, ее не трогали, не убирали – это тоже бы-

ло элементом маскировки. Саперы знали, что по данным разведки над этими отсеками подвала разместятся кабинет будущего коменданта Одессы, приемная и зал заседаний. Потребовалось шесть суток, чтобы справиться с заданием по минированию: было уложено около трех тонн тротила. Запальную шашку с детонатором тщательно залили стеарином, чтобы сохранить капсюль от сырости, а детонатор прикрепили к клемме радиоприемника. Для пущей надежности в подпол были заложены две 100-килограммовые авиабомбы и две дополнительные мины, установленные на неизвлекаемость. На тот случай, если бы вражеские саперы попытались вскрыть каменные плиты и обезвредить основную радиомину.

Под музыку Вагнера

На рассвете 16 октября последний транспорт с героическими защитниками покинул Одессу, среди которых на последнем корабле отплыл генерал Хренов. В городе остались только подпольщики, которые должны были сообщить, когда в доме УНКВД соберется максимальное число фашистов. И уже через четыре дня разведчики радировали на Большую землю о предстоящем важном совещании оккупационных властей – как раз-таки в доме по улице Энгельса. Информация пришла вовремя, и Хренов отдал приказ задействовать радиофугас. Под вечер 22 октября в эфир полетели незаметные на фоне бравурных прусских маршей и вагнеровской музыки сигналы кодированной команды. Когда последний сигнал поступил в приемник мины, в Одессе раздался мощный взрыв. Здание было разрушено полностью, до последнего камешка, а под его развалинами нашли свою могилу десятки старших офицеров и более роты эсэсовцев.

– Ну вот, теперь-то мы уже все операции в Одессе закончили, сдаем вахту нашим партизанам и подпольщикам, – сказал тогда Аркадий Федорович своим саперам.

На выдумки хитер

Все годы войны Аркадий Федорович прослужил на передовой. Его невысокую и подвижную фигуру всегда видели в самых гиблых местах, на самых опасных участках фронта: в осажденных Одессе и Севастополе, на Керченском полуострове, в окопах посреди непроходимых болот Волховского фронта, на скалистых плацдармах Заполярья.

Под Севастополем немцы понесли большие потери от придуманных Хреновым движущихся фугасов – танкеток, начиненных взрывчаткой. Также он внедрил применение дотов с двумя орудиями вместо одного, что сразу сказалось на эффективности огня благодаря взаимовыручке расчетов.

На «болотном» Волховском фронте, где солдаты по колению в воде ели, спали и воевали, а бои там отличались небывалой жесточенностью, Хренов догадался строить оборонительные сооружения выше уровня грунтовых вод в виде дерево-земляных заборов, какие возводились еще во времена Ивана Грозного. Ради этого Аркадий Федорович со всего фронта собрал военных инженеров, призванных из запаса, – бывших архитекторов, которые в мирной жизни изучали русское деревянное оборонительное зодчество. Так хорошо забытое старое, о котором очень кстати вспомнил мудрый Хренов, спасло жизнь и здоровье сотням тысяч советских бойцов.

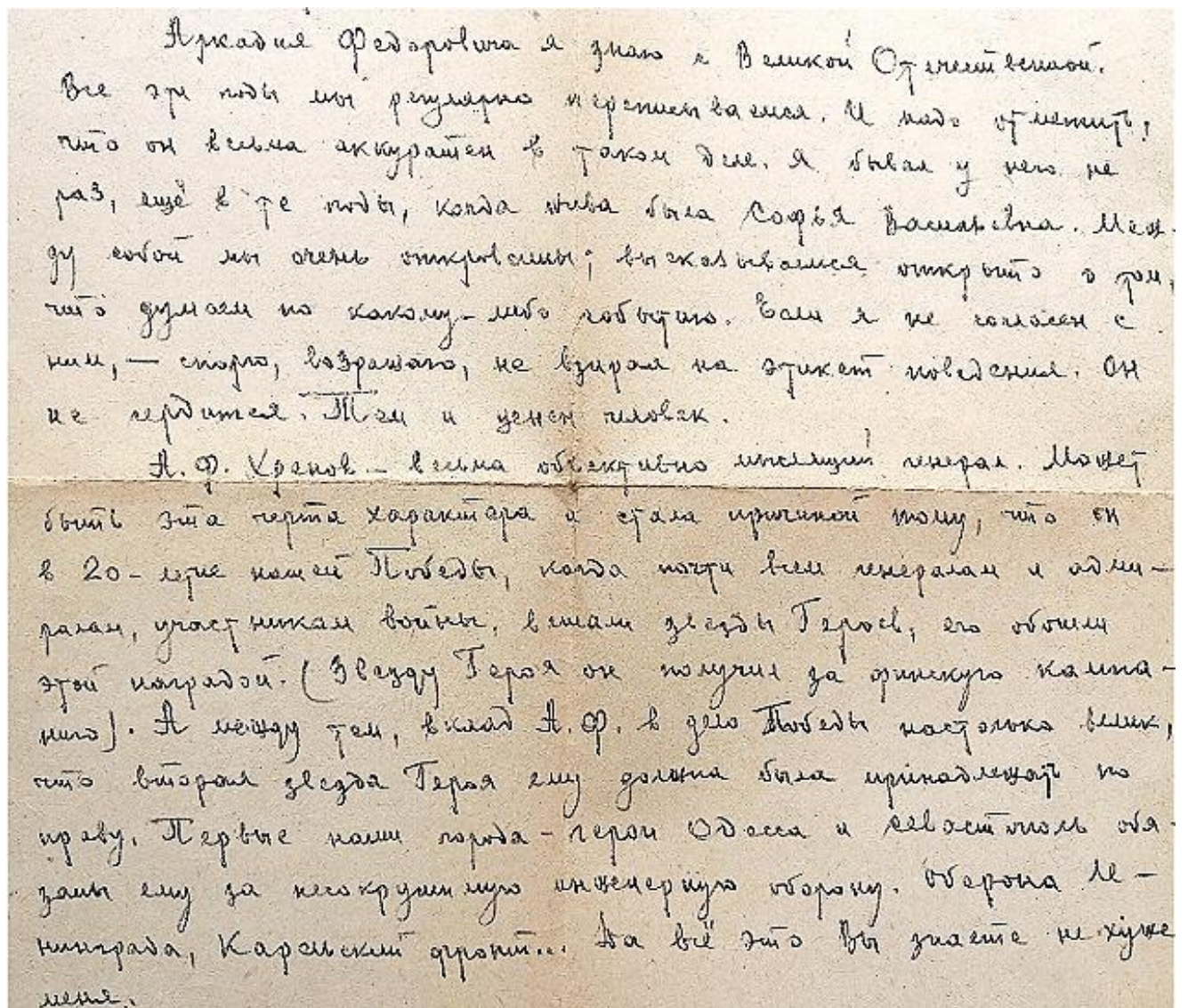
На Киришском плацдарме инженерная смекалка помогла генералу взять высоту, которую наши войска безуспешно штурмовали больше двух лет. Хренов организовал настоящую подземно-минную диверсию: саперы прокопали 180-метровый туннель к немецким укреплениям, заложили мощный заряд и подорвали, в результате чего гитлеровцы в панике бежали, а высота была взята без потерь.

Генерал и человек

Впрочем, генерал Хренов известен не столько как разрушитель, оставляющий после себя искореженное железо, груды развалин и горы вражеских трупов. Наоборот, он запомнился современникам как творец, созидатель. Труд сапера – это еще и разминирование вражеских мин, восстановление разрушенных войной городов и сел, строительство дорог, мостов через водные преграды – мостов к Победе (так, кстати, называется книга Аркадия Федоровича о военном лихолетье. – прим. авт.). Много Хренов сделал и для развития военно-инженерной науки после войны: почти все советские прославленные саперы горды тем, что считают себя его учениками. Но самое, пожалуй, главное, что Аркадий Федорович при всем блеске генеральских звезд никогда не был солдафоном, таким грибоедовским Скалозубом. Все, кто его знал, подчеркивают исключительную интеллигентность Хренова, скромность и вместе с тем – непоколебимую твердость характера, когда дело касалось вопросов чести, правды и справедливости. Даже перед грозным и непредсказуемым в своем поведении Сталиным. И, как вы догадываетесь,

все эти качества явно не способствовали карьерному росту и должной оценке заслуг генерала ни в сталинские, ни в хрущевские, ни в брежневские времена. Вот строки из воспоминаний военного корреспондента Ивана Дмитриевича Пыжова, друга Константина Симонова, с которым мне довелось поговорить незадолго до его смерти:

«Какие только темы мы не обсуждали! Бывало спорил с ним, с чем-то не соглашался. А он? Вскипит, соскочит со стула, отойдет в сторону, помолчит и примирительно скажет: «Извини, вероятно, я не прав». Как это важно, когда генерал не убивает в себе человека! Честность, готовность в любой ситуации не втереть очки, а настоять на правде, какой бы горькой она ни была. Хоть перед командующими фронтами, хоть перед самим Верховным, даже в обстановке 41-го, когда все были нервными, выбитыми из колеи неудачами на фронте».

Искренне Федоровна я знаю с Великой Отечественной.
Все эти годы мы регулярно переписывались. И надо отметить,
что он весьма аккуратен в таком деле. Я бывал у него не
раз, еще в те годы, когда жила была Софья Васильевна. Между
другими мы очень открыты; выказывались открыто о том,
что думаем по какому-либо поводу. Если я не согласен с
ним, — спорю, возражаю, не взираю на статус поведения. Он
не сердится. И он и ценен человек.

А. Ф. Хренов — весьма объективно мыслящий генерал. Может
быть эта черта характера и стала причиной тому, что он
в 20-е годы нашей Победы, когда почти все генералы и адми-
ралы, участники войны, имели звезды Героев, его обогнали
этой наградой. (Звезду Героя он получил за примерное командо-
вание). И между тем, вклад А. Ф. в дело Победы настолько велик,
что вторая звезда Героя ему должна была принадлежать по
праву. Первые наши порты — порты Одесса и Севастополь обя-
заны ему за мужественную инженерную оборону. Оборона Не-
миграда, Карельский фронт... Да все это вы знаете не хуже
меня.

Письмо И. Д. Пыжова об А. Ф. Хренове

В этом был весь настоящий Хренов: тот, что не слаще редьки для трусов и шкурников, и добрый товарищ для тех, кто в трудную для страны минуту не спасовал, не бросил винтовку и верил, что после июня 41-го будет и май 45-го.

Рискнул сыном

Однако победным маем война для Хренова не закончилась — помяться еще, увы, пришлось... Летом 1945 года, когда вся страна продолжала праздновать Победу, Аркадий Хренов с погонами подполковника на кителе и под чужой фамилией «Федоров» ехал на Дальний Восток. Там еще лютовал недобитый враг — милитаристская Япония.

Командующим одного из дальневосточных фронтов назначили маршала Кирилла Мерецкова, который очень ценил Хренова, называя того «Тотлебен XX века». При назначении Сталин припомнил строптивного правдурба: «Там у тебя есть хитрющий инженер с едкой фамилией, который найдет способ, как обмишурить японцев. Он и финнов дурил, и немцев, и рвать укрепрайоны ему не впервой». Вот что писал о своем друге-сослуживце Кирилл Афанасьевич Мерецков в своих мемуарах¹:

«...Труднейшие задачи довелось решать в этой связи моему заместителю, начальнику инженерных войск фронта генералу А. Ф. Хренову. Аркадий Федорович был моим давним сослуживцем. В период финской кампании он являлся начальником инженерных войск ЛВО и 7-й армии, руководил инженерной подготовкой и обеспечением прорыва линии Маннергейма. В 1941–1942 годах Хренов занимал идентичные должности на Южном фронте, в Одесском и Севастопольском оборонительных районах. Когда в июне 1942 года восстановили Волховский фронт и было решено нарастить наши усилия по деблокированию Ленинграда, Хренова перевели к нам, чему я очень обрадовался. Превосходно знающий свое дело, военный инженер высокой квалификации, целеустремленный и энергичный работник, хороший организатор, он был желанным и необходимым помощником и снова доказал это напряженной и успешной деятельностью. Аркадий Федорович руководил с лета 1942 года инженерным оборудованием оборонительных рубежей, инженерным обеспечением и подготовкой всех крупных наступательных операций Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов. Он возглавлял, кроме того, работы по разминированию местно-

¹ Мерецков, К. А. На службе народу. — Москва : Вече, 2015. — С. 417.

сти, восстановлению сухопутных и водных средств сообщения, а также оказывавшихся в зоне фронта шахт и рудников. Наконец, он вместе с начальником тыла решал задачи по расквартированию войск. Венцом его трудов в военные годы явились инженерная подготовка и обеспечение наступательного плацдарма в Приморье, а затем осуществление сложнейших мероприятий в Маньчжурии».

А фронту ставилась задача скорейшего захвата оккупированных китайских городов Харбина и Гирина. Перед началом боевых действий Хренов провел детальную инженерную подготовку, и когда началось наступление, генерал предложил высадить на неприятельские аэродромы воздушные десанты, сыграв на неожиданности. На первый взгляд, это была чистейшая авантюра, в которую командование не верило. «Зря погубите людей», – предостерегали Аркадия Федоровича. Однако он верил в успех, и доказательством тому служил следующий факт: в одном из десантов, которому поручалась самая сложная задача, участвовал родной сын генерала – юный лейтенант Петр Хренов. И дерзкая по замыслу операция завершилась полным триумфом почти без потерь, на несколько недель приблизив капитуляцию японских войск. Кстати, об этой истории я недавно совершенно случайно увидел российский телесериал «Орден», в котором роль нашего земляка почетного гражданина города Очера генерала Хренова исполнил актер Александр Наумов, а его сына Петра – Никита Лобанов. Значит, все-таки помнят еще скромного генерала...

– Для меня это особенная роль, хотя мне не привыкать играть людей в погонах, – рассказал заслуженный артист России Александр Наумов. – Но генерал Хренов – это образец военачальника, мудрого, справедливого, совестливого, который бережет своих подчиненных даже больше, чем родного сына.

С любовью к Очеру и землякам

А в 2020 году к 75-летию Великой Победы на телеканале «Звезда» вышла передача «Легенды армии», посвященная генералу Аркадию Федоровичу. Ведущий Александр Маршал пригласил на нее одного из сыновей Хренова – Бориса Аркадьевича, доктора физико-математических наук МГУ, сотрудников военно-инженерной академии, известных военных историков и музейных работников. Все они поделились любопытными фактами героической биографии генерала и были единодушны в оценке его боевых заслуг: Аркадий Федорович Хренов – один из самых ярких героев Великой Отечественной, наряду с Жуковым, Василевским, Рокоссовским, Коневым, Тол-

бухиным... Боевой товарищ Хренова военный публицист Иван Дмитриевич Пыжов писал:

«А. Ф. Хренов – весьма объективно мыслящий генерал. Может быть, эта черта характера и стала причиной тому, что в 20-летие нашей Победы, когда почти всем генералам и адмиралам, участникам войны, давали звезды Героев, его обошли этой наградой. <...> А между тем, вклад Аркадия Федоровича в дело Победы настолько велик, что вторая звезда Героя ему должна была принадлежать по праву. Первые наши города-герои Одесса и Севастополь обязаны ему за несокрушимую инженерную оборону».

Аркадий Федорович никогда не забывал про родной Очер. Он всегда интересовался событиями в нашем районе, переписывался с земляками – ветеранами войны, как только позволяло время и здоровье – навещал свою малую родину. Генерал Хренов постоянно встречался с трудовыми коллективами, принимал деятельное участие в судьбе фронтовиков – улучшении их жилищных условий, помогал решать бытовые проблемы. Через Всесоюзный Совет ветеранов, где Хренов пользовался огромным авторитетом, он устраивал очерских ветеранов на лечение в госпитали, доставал лекарства. Аркадий Федорович не стеснялся стучаться в любые двери, стыдил нерадивых чиновников-бюрократов, мог дойти до самого генсека Леонида Ильича Брежнева, если дело касалось кого-то из заслуженных фронтовиков. И всегда – искренне и бескорыстно. А вот о себе думал в последнюю очередь...

Письмо А. Ф. Хренова землякам на 9 мая, 1980-е гг.

114

«ЗДРАВСТВУЙ, ДАЛЬНЯЯ МОЯ РОДНАЯ...»

Григорий Федорович Безматерных родился в 1909 году в деревне Сергино (Нытвенский район). В августе сорок первого он был призван Очёрским РВК на фронт, на должность политрука и санитаря. Четыре долгих военных года он служил на Ленинградском, 3-м Прибалтийском и 1-м Украинском фронтах в звании старшины медицинской службы.

Командир отделения взвода санитаров-носильщиков санитарной роты, старшина медицинской службы Безматерных прошел всю войну до конца, был контужен, награжден орденом Красной Звезды, многочисленными медалями – «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». Кроме того, ему были вручены значок «Отличник санитарной службы» и Благодарность товарища Сталина за овладение городами Красное Село, Гатчина, Псков, Тарту, Гинденбург, Беутен и форсирование реки Одер.¹

Григорий Фёдорович редко делился с родными воспоминаниями о войне, не любил рассказывать о своих подвигах, а ведь похвастаться было чем! Только из текстов приказов о награждении следует, что он спас жизни более чем восьмидесяти солдатам, вынес их вовремя с поля боя, рискуя быть убитым под непрекращающимся огнем противника.

Но кое-какими фактами Григорий Федорович все-таки делился:

¹ Мы помним! Мы гордимся! // Очерский край. – 2014. – 8 мая.

На фронт была направлена партия монгольских лошадей – помощь братского народа. Наша часть как раз понесла потери в средствах передвижения, и нам передали двенадцать животных – маленьких, но выносливых. Эти лошадки стали незаменимыми боевыми санитарами: на них мы эвакуировали раненых с передовой, обратно подвозили медикаменты.

Помню, в бою перед г. Тарту (Эстонская ССР) часть наших солдат и офицеров оказалась в «коридоре» противника – лошади и тут сослужили отличную службу! По одному – по двое мы вывозили на них раненых, спасая от неминуемого плена. Таких примеров за войну было множество.

И вот наступил заветный день Победы! Когда мы ехали на Родину по освобожденным городам и селам, местные разглядывали наших маленьких помощников, запряженных в повозки, как диковинку. В награду за спасение люди прямо на ходу прикрепляли к упряжкам яркие ленты, цветы, флажки.¹

Из фронтовых реликвий у Григория Фёдоровича сохранилась кожаная полевая сумка, порванная осколком мины. В ней каким-то чудом уцелели пожелтевшие листочки из фронтового блокнота – попытки написать письма родным в стихах:

*Пишу, а вокруг канонада,
От разрывов чернеют поля.
Нам сегодня штыком и гранатой
Дан приказ уничтожить врага.*

Думы о родном доме выразились в таких строчках:

*Я вижу домик с огородом,
Наш небольшой, уютный дом,
В котором сладко пахнет медом
С кустов черемух под окном.*

А это нежное письмо от мужа сохранила Фаина Андреевна Безматерных:

*Здравствуй, дальняя моя родная,
Дорогая мне, как жизнь сама,
Кланяюсь тебе и обнимаю
В первой строчке этого письма.*

¹ Книга памяти. 1941–1945. Очерский район. – Т. 2. – С. 39.

*Дорогая, мы с тобой в разлуке
Больше тысячи ночей и дней.
Но друг другу в дни тоски и муки
Только ближе стали и родней.*

*Я пишу, а вокруг канонада,
От разрывов чернеют поля.
Нам штыком и гранатою надо
Навсегда уничтожить врага.*

*С каждой новой пройденной верстой,
С каждым новым взятым городком —
Ближе миг свидания с тобою,
Ближе мир, и ты, и милый дом.*

*Да, далеко от Ленинграда
Ты живешь, моя отрада.
Ты не знаешь, как в бою,
Как от Пулково до Пскова
Нес я карточку твою.*

*Пишу письмо не за столом,
Не в доме, не в землянке,
А за расщепленным стволом
На взрыхленной полянке.*

*Так лети с приветом жарким
На заветное крыльцо.
Треугольное, без марки,
Фронтное письмецо.*

С ЗАБОТОЙ О ЗЕМЛЯКАХ

Рабочие и колхозники, врачи и учителя, надев красноармейскую форму, даже в бою ни на миг не переставали помнить о своих полях, заводах, школах, оставленных далеко в тылу. Письма односельчанам, коллегам по работе, ученикам шли в Очерский район со всех фронтов Великой Отечественной. Живой голос товарища, которого каждый знал в цеху или в колхозе, вызывал живой отклик в людях, призывая их на новые трудовые подвиги.

В нашей книге мы публикуем два письма, имеющих огромную духовную и пропагандистскую силу. Письма от двух героев войны, которых любили и уважали очерцы.

Герой Советского Союза Николай Михайлович Носков, один из первых очерских комсомольцев, мастер ремесленного училища, плановик, инструктор техучебы, рационализатор на Очерском машзаводе, председатель поссовета – наверное, не было и нет в Очере человека, который бы не знал и не помнил о нашем славном земляке, как о добросовестном, равнодушном, простом советском труженике.

В своем письме Николай Носков словно отчитался перед своими товарищами, что и на фронте он воюет по-ударному – умело и бесстрашно. Хотя, наверное, в этом никто и не сомневался.

Старшина-связист Михаил Иванович Филатов, с боями прошедший путь от осажденного Ленинграда до Восточной Пруссии, после войны долгие годы трудился в Очерском районо и райкоме партии. В военное время его жена работала в детском доме п. Павловский, куда были отправлены дети, эвакуированные с оккупированной Украины. Как настоящий учитель, Михаил Филатов болел душой за подрастающее поколение, искренне переживал за обездоленных детишек, которым было особенно трудно в военное лихолетье. В переписке с воспитанниками детдома Филатов будто бы продолжает педагогическую воспитательную работу, которую не смогли прервать ни грохот сражений, ни окопная сырость.

Письмо Н. М. Носкова в газету «Сталинский ударник»

«Товарищи очерцы, к вам обращается герой битвы за Днепр!»

Шлю свой героический гвардейский привет трудящимся района! В настоящее время я нахожусь на передовой линии фронта в Краснознамен-

ной гвардейской дивизии. Нам выпала честь участвовать в боях за Днепр. За успешное выполнение своего долга перед народом нашей Великой Родины приказом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 17 октября 1943 года мне присвоено звание Героя Советского Союза. Этой радостью я спешу поделиться с вами, дорогие друзья.

Уверяю вас в том, что я бил и буду бить еще яростнее фашистскую мразь до полного ее уничтожения, как этому учит нас Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин. Дорогие земляки, и вы трудитесь, не жалея сил, не считаясь со временем, выполняйте все задания фронта и страны в срок. Этим вы окажете неоценимую помощь нам, фронтовикам. Совместными усилиями изо дня в день мы будем приближать победу над врагом, который, чувствуя гибель, оказывает отчаянное сопротивление.

Дрался я действительно так, как от меня требует великое звание члена партии. В одном коротком, но ожесточенном бою на правом берегу реки Днепр, я лично уничтожил 24 солдата и 2 офицеров. Нашему подразделению, где парторгом являюсь я, оказывала упорное сопротивление группа немцев численностью в 100 человек, с 2 самоходными пушками и с 9 самолетами. В минуты боя был открыт такой пулеметный и минометный огонь, из-за которого не было видно неба и солнца.

Несмотря на трудности, мы дали сокрушительный отпор немцам. В этом бою меня контузило и оглушило, взрывной волной отбросило на 6 метров. Но я остался жив и способен драться с врагом. Я счастлив, что участвовал в величайшей битве за русскую прекрасную реку Днепр. С фронтовым приветом гвардии сержант Н. Носков – бывший мастер Р. У. № 12.

Пишите мне по адресу 32537 Р».

Письмо М. И. Филатова воспитанникам детского дома

«Здравствуйте, дети! Письмо ваше я получил и от имени того подразделения, в котором я нахожусь, отвечаю. Письмо пришло как раз тогда, когда мы громили немецкие укрепления, перемалывая его живую силу и технику у стен Ленинграда. Враг цепляется за каждую кочку, но бежит под напором наших войск на Запад. Недалек тот день, когда на нашей священной земле не останется ни одного немца и других наймитов, вроде финнов, румын, итальянцев и многих легионов, набранных из уголовников оккупированных немцами районов. Много этой нечисти перебито.

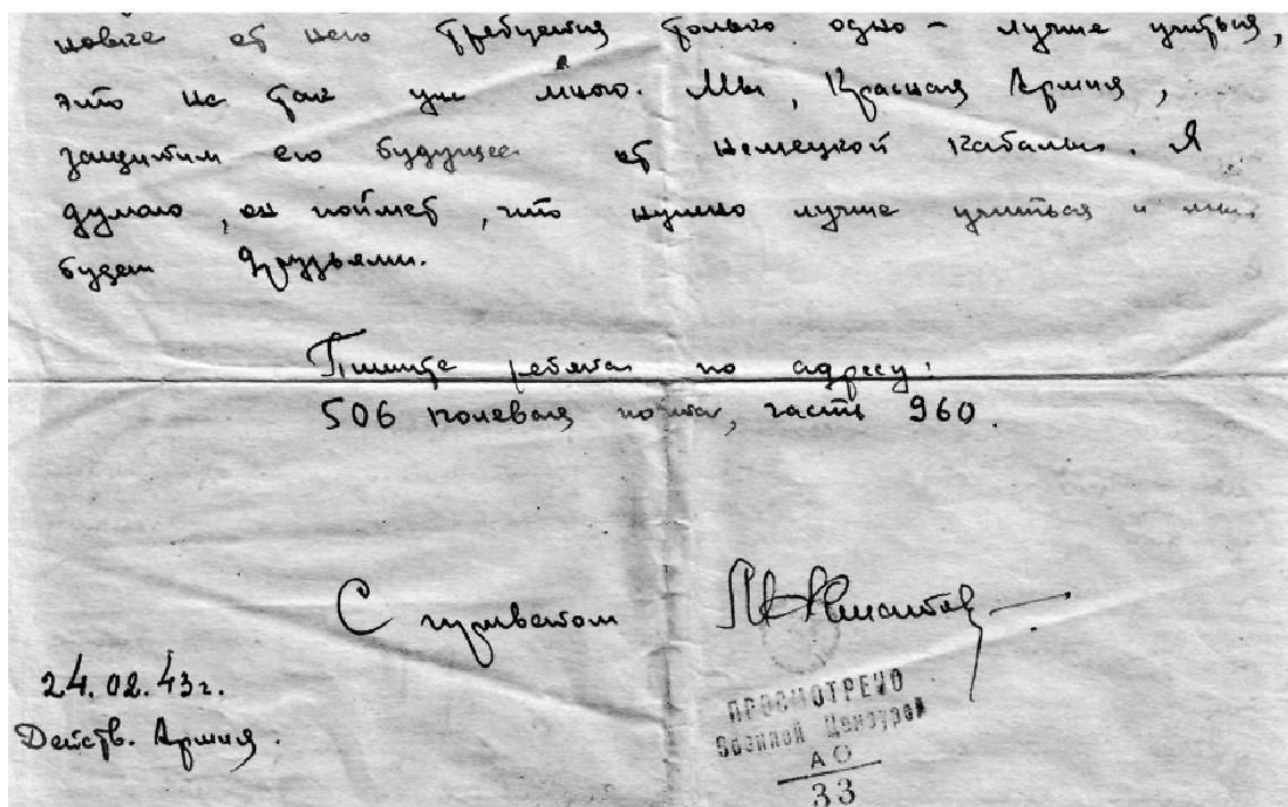

Я, ребята, действовал в этих боях на бронемашине. Много гадов отправили в землю мы в этих боях. За образцовое выполнение заданий командования по борьбе с немецкими захватчиками мне присвоено воинское звание старший сержант. Вот, ребята, и все о моих успехах. Некоторые мои товарищи представлены за эти бои к правительственным наградам СССР. Вы, эвакуированные с Украины, знаете по газетам, что наша доблестная Красная Армия с успехом очищает ваши родные места от фашистской нечисти. Освобождены Ростов, Ворошиловград, Харьков, идут бои в Донбассе. Еще несколько таких ударов и враг будет изгнан с нашей земли. Скоро Украина будет вновь Советской!

Для того чтобы скорее изгнать врага с нашей территории, нужна всевозрастающая помощь фронту. Эту помощь мы ощущаем, ощущают это и немцы на своем хребте. Эта помощь – удары погребального колокола для Гитлера и его своры. Для вас, ребята, задача – лучше учиться и помогать чем можете взрослым. Для лодырей и лентяев нет места на нашей земле, это пособники фашистской своры. Честь и хвала таким учащимся, как Федорова Наталья, Шевченко Оксана, Давыдов Григорий, Верная Муля и другие. У нас, бойцов и командиров Красной Армии, есть герои, как Максимец, Бархатов, Балянин, Чернигов и другие, которые показали себя в по-

следних боях. Такой ученик, как Черноглаз Леонид, достоин порицания, ему надо понять, что в этой обстановке от него требуется только одно – лучше учиться, это не так уж много. Мы, Красная Армия, защитим его будущее от немецкой кабалы. Я думаю, он поймет, что нужно лучше учиться и мы будем друзьями.

24.02.43, Действующая армия».

Заметьте, как отличаются письма Николая Носкова и Михаила Филатова от бледных посланий немецких вояк! С их стороны – рожденные в промытых Гитлером мозгах туповатые лозунги, подленький страх за грядущее возмездие, узкий круг личных интересов и мещанских переживаний. С нашей – всеобщность борьбы фронта и тыла, любовь к Родине и семьям, вера в Победу. И что удивляться – эти люди всегда побеждали, не пасуя ни перед какими трудностями. По-стахановски побеждали на предприятиях, побеждали в науке, в учебе, в спорте. Победили и на войне!

ЛУЧШИЙ ТЕНОР 1-ГО УКРАИНСКОГО¹

Среди советских фильмов о Великой Отечественной почти наверняка первое по популярности место займет неувядающая картина «В бой идут одни “старики”» с неподражаемым Леонидом Быковым в главной роли. История о «поющей эскадрилье» летчиков-истребителей, даже в самые тяжелые мгновения считавших, что война преходяща, а музыка вечна. Но мало кто из жителей Прикамья знает, что прототипом одного из героев знаменитой ленты стал наш земляк – Герой Советского Союза Игорь Шардаков. Летчик, ничуть не уступавший в воздушном мастерстве признанным асам Покрышкину и Кожедубу.

Командир той самой эскадрильи 5-го гвардейского истребительного авиаполка Виталий Попков (в фильме – капитан Титаренко), вспоминая историю создания кинофильма, говорил, что Быков основывался только на реальных фактах. Все эпизоды ленты так или иначе имели место в действительности. Конечно, образы персонажей по большей части были собирательными – ведь хороших летчиков было много. Поэтому кто-то подарил своему персонажу внешность, другой – характер, третий – боевые эпизоды летной жизни. Так в фильме появились Смуглянка, Кузнечик, Ромео, Ваню, техник Макарыч, которых в действительности не существовало, но их характеры сплетены из реальных героев. Сам Титаренко-Быков вобрал в себя черты нескольких асов, но в основном это, несомненно, Виталий Попков. А «лучший тенор 1-го Украинского» старший лейтенант Скворцов, как признался сам Попков, – это и есть очерец Игорь Шардаков. В его случае – как по внешнему облику, так и по характеру. Ладный парень с волевым лицом и профессионально поставленным голосом, вполне пригодным для сцены Большого театра. Незадолго до смерти Виталия Ивановича Попкова я имел короткую беседу с прославленным асом и не мог не спросить про своего земляка и однофамильца.

¹ По материалам очерков Николая Бесстрашникова и Максима Шардакова.

– Конечно, это наш Игорь, – буквально прослезился летчик и удивился:
– А разве он не из Крыма?

– Нет, Виталий Иванович, он родился в Оханске, а детство провел в Очере – это Приуралье, – объяснил я.

– Ваш земляк был непревзойденный ас! В нем удачно сочетались исключительное, на грани здравого смысла бесстрашие и тонкий холодный расчет в бою. Наш комполка Зайцев (в фильме – Батя) называл его «Орлиный глаз».

– Сумел ли актер Владимир Талашко воплотить характер Шардакова в кино?

– Хорошо сыграл Володя. Похож, очень похож. Видный красавец, образец офицерской выправки, он знал себе цену и умел за себя постоять.

Виталий Попков умер в 2010 году и, слава богу, что не увидел, как Талашко в образе постаревшего Скворцова сыграл в украинском рекламном ролике, где напутствовал своего необандеровского внука перед карательным походом на Донбасс. Не дожил до этого и не терпевший даже намека на национализм Игорь Шардаков, который после выхода в запас долго жил в Крыму, где люди свободно говорили по-русски, по-украински, по-татарски – и все были друг другу как родные. А то бы от души врезал своему экранному воплощению по физиономии...

Об Игоре Александровиче много писали в центральных изданиях и местной прессе. Рассказывали коротко биографию, освещали боевой путь и достижения, но мало говорили о нем как человеке, о его корнях. А судьба у него очень интересная и еще ждет своего литературного отображения!

Игорь Шардаков родился 19 апреля 1922 г. в Оханске. Его дед Илья Тимофеевич работал кузнецом на Очерском заводе. Семья была большая – четыре сына и три дочери. Старшим был отец Игоря – Александр Ильич, один из организаторов комсомола в Очере, делегат 5, 6, 7 съездов РКСМ, член партии большевиков с 1919 г. Мать Игоря – Татьяна Ивановна Тиунова была председателем Очер-

ского волостного исполкома комсомола. Свое детство Игорь провел в Очере, который считал своей родиной. Жил у бабушки по линии матери – Александры Яковлевны, но бывал и у дедушки – Ильи Тимофеевича Шардакова.

С 1935 года Игорь Александрович жил в Крыму, где после окончания Тимирязевской академии работала его мама. В 14 лет поступил в планерный кружок, продолжая учиться в школе. В ноябре 1938 г. юноша окончил симферопольский аэроклуб. В дни полетов он в четыре часа утра уже был на аэродроме, с 9 до 2 часов дня проводил в школе, а в 5 часов начинались теоретические занятия будущего пилота. Упорство и честолюбие помогли ему при поступлении в Качинскую летную школу. На медосмотре выяснилось, что его организм ослаблен и не отвечает требованиям, предъявляемым к летчикам. Но комиссар аэроклуба, восхищенный решимостью и твердым характером Игоря, помог поправить здоровье в санатории, и парень был зачислен в курсанты-военлеты. В 1940 г. младший лейтенант Шардаков стал боевым летчиком, перед самой войной он был направлен служить в 126-й истребительный авиаполк, дислоцировавшийся на самой границе – северо-западнее Бреста.

Слева направо в первом ряду: маршал авиации Колдунов, гвардии полковник Луганский, полковник Афанасьев. Во втором ряду: ст. лейтенант Морозов, полковник Лебедев, майор Шардаков. Все – летчики истребители. г. Грозный, 1951 г.

С первых часов Великой Отечественной он вместе с боевыми друзьями стал отражать налеты вражеской авиации. Только 22 июня Игорь Александрович сделал шесть боевых вылетов и уже во втором сбил свой первый немецкий самолет. 22 июля 1941 г. с рассветом под бомбежкой он вылетел по тревоге. Через 10 минут догнал девять «юнкерсов» и атаковал их. Атакуя в просветы из-под облаков, с быстротой молнии поражал моторы бомбардировщиков противника. В тот день он сбил 3 «юнкерса». Увлечшись боем, не заметил, что закончились боеприпасы и горючее. Пришлось садиться на недействующий аэродром. Горючее подвезли только к ночи, и взлетать Игорю пришлось в тот момент, когда немцы уже прорвались к аэродрому.

В октябре Игорь Александрович был ранен и до января 1942 г. находился в госпитале, потом осваивал новую технику. С мая 1942-го и до конца войны лейтенант Шардаков служил в 5 гвардейском истребительном авиаполку – лучшем в Красной Армии. Его летчики сбили 657 самолетов противника, 22 из них стали Героями Советского Союза. Игоря Шардакова в полку знали как бесстрашного в воздухе, от метких очередей которого редко кто из вражеских пилотов уходил обратно на свой аэродром, и бесшабашного, открытого парня – на земле, жившего, в первую очередь по законам совести и справедливости.

«Все мы были не манекены, а люди! – вспоминал позднее его друг Виталий Попков, – даже война не смогла вытравить из нас человеческое. Изнурительные воздушные бои, количество вылетов превышало все допустимые нормы, ранения и гибель товарищей – это с одной стороны. С другой – гусарские загулы в свободное от полетов время, высокое понимание чести – вплоть до дуэлей, своеволие, – Порой наши фортели на земле и в воздухе кое-кого доводили до гауптвахты и даже до трибунала. Мы ж «стариками» были только в небе: в 43-м нам с Игорем, к примеру, было всего по 21 году. Юнцы – по нынешним временам...»

В Очерском краеведческом музее хранятся письма Игоря к матери в Омск. В них он крайне скупно пишет о своей жизни на фронте: о том, что сбил «Ме-109» и общий счет побед перевалил за полтора десятка, что награжден вторым орденом Красного Знамени; в апрельских письмах жалуется на жару, головокружение, на то что плохо получился на снимке и попал в фотохронику ТАСС, вступил кандидатом в ВКП(б); в перерыве между жаркими схватками в воздухе недолго полечился в доме отдыха. В письмах

постоянно чувствуется забота о родных: матери, братьях, отчине, которого Игорь давно уже называет отцом. В одном из писем упоминается Валентина Ильинична Тиунова, тетка по отцу, которая тоже была на фронте – служила в госпитале.

«Куда: г. Омск, 12 Дачи Облисполкома, д. 5, кв. 6

Кому: Тиуновой Татьяне Ивановне

Здравствуйте, мать и отец! Сегодня получил второе письмо, на ответ пишу одну, вот эту, открытку, т. к. не имел возможности писать более. От вас письмо до меня идет 9-10 суток. А вот от меня, по-моему, значительно больше. Получили-нет 1500 рублей, которые я отправлял в середине июня? Сегодня я писал открытку бабушке и Анатолию. В данный момент я отдыхаю. Завтра еду в дом отдыха дней на 5. Мама! Отправила-нет Шура Колесникова мой фронтовой дневник? Она должна его отправить вам. Она что-то не пишет мне ничего. <...> Ну, а вообще-то нового нет у меня ничего: воюем, бьем фрицев по-прежнему. Привет Владiku и Лене! До свиданья! Крепко всех вас целую, с приветом – Игорь»

« 20.3.43 г.

Привет с фронта! Добрый день, мать, отец и братишки!

Вот сижу сейчас в землянке, время свободное, решил черкнуть пару слов. Солнце хорошо греет, снег уже почти стаял, тепло, и мы сидим около землянки или около раскрытых окон землянки. Короче говоря – весна! На носу – лето. Как там в Сибири погода? Правда, пока дойдет ко мне ваше письмо, где будете писать, что стоят морозы, на самом деле будет лето или уже осень. Так уж почта работает скверно.

Живу я, как всегда, нормально. Служу, воюю. Не привыкать нам воевать! Награжден вторым орденом Красного Знамени. Как видите за своего сына можете быть уверены в том, что он честно выполняет приказ вождя уничтожать и изгонять захватчика-немца. Сегодня «завалил» очередного «мессера». Пусть ощутит твердость земли русской! Это уже за полтора десятка перепробовало их у меня. А сколько мои друзья их «просветили»! После войны будет большая книга, где все дела ребят наших будут описаны. В общем, даем гансам-адольфикам «прикурить» – «только так»!..

Ну, дорогие мои, пишите о своей жизни, что нового, интересного?.. Я на этом кончаю. Пока, до свиданья! Крепко целую, ваш сын – Игорь»

«9.4.43

Здравствуйте, óмцы! Сегодня получил письмо от Лени. Очень рад. Крайне удивлен, что цензура пропустила его каракули — можно их принять за шифр. Мамочка, передавай Лене, чтоб он скорей учился писать, и потом пусть пишет русским шрифтом. А то, чего доброго, может выйти некоторая неприятность...

Ну, как ваша жизнь? У меня все по-прежнему. Вчера приехал из дома отдыха, отдыхал десять дней. Отдохнул неплохо, поднабрался сил, теперь снова — за боевую работу взялся. Меня волнует одна вещь, я отправлял вам четыре денежных перевода и ни об одном из них не слышал от вас ничего. Неужели почта и тут начала барахлить?! Пока переводы не буду посылать до выяснения обстановки.

У нас стоит теплая погода. Снега стаяли, все сухо уже. Лето на носу. Так особого нет ничего в моей жизни — все по-старому. Ну, пишите чаще, жду вашу фотокарточку. На этом кончаю. До свиданья! Крепко вас всех целую, ваш сын — Игорь»

«29.4.43 г.

Привет с фронта! Добрый день, óмцы! Сегодня рано пришел домой, есть пара свободный минут, решил черкнуть письмецо, а заодно послать фото со своей физиомордой. На днях получил письмо от Валентины, говорит, что ты, мамаша, не пишешь ей... Работает она в госпитале, ребята – в Очере. Ну, а как ваша жизнь? Что нового? У меня все по-прежнему нормально. Сын ваш – в Старобельске – жив и здоров, чего и вам желает... Прошу максимально ускорить ответ, получили ли вы все мои 4 денежных перевода, а то я собираюсь поднимать шум на почте. <...> У нас весна скоро пройдет, если уже не началось лето. Температура доходит до +27,0, хожу в одной гимнастёрке. Скоро, на днях начнем купаться... Уже один раз мой нос успел облупиться – смешно, но больно. Давненько не был я в таких климатических условиях – трудно привыкнуть.

Оформляюсь кандидатом в члены ВКПб – смею похвастаться. К маю буду кандидатом. Как видишь, в политику ударяюсь... Вообще-то в скором времени должен разрешиться более важный вопрос в моей жизни – проживем – увидим, и вы узнаете. Недавно оператор снимал для кинохроники. Интересно, как получусь. Если вам удастся этот журнал видеть – сообщите, а то я-то вряд ли смогу увидеть его. Если этот «один важный вопрос» разрешится, то побываю несколько дней в Москве. Если нет, то... долго-долго не видать мне столицы, как своих ушей...

Вы должны несколькими днями раньше получить мои письма и открытки. Я писал очень и очень много – в среднем через каждые 5-7 дней. Пара слов послана на ваш адрес, так что обижаться на меня не должны, я думаю... Ну, а как Владька с Леней живут? Я Владику писал недавно ответ на его письмо. Теперь жду его ответ. Шлю им с Леней на кино и конфеты сто рублей в этом письме, пусть кушают сладкое, но не много, а то вот я сейчас крепко мучаюсь ежедневно, сидя на кресле с раскрытым ртом перед зубным врачом. На мое счастье, врач опытный. А то бы хана Игорю Александровичу...

Вот это единственная повесть в моей жизни. Чертовски плохо получился я на фотокарточке. Корреспондент всем обязательно улыбаться, вот и вышла улыбка до самых ушей. И солнце глаза мои совсем закрыло, но... Что ж делать... Какой вышел уж... ничего не попишешь... Жду теперь ваших фотокарточек! Прошу сообщить для документации, чем и где и кто из вас занимается в данный момент. Весьма срочно!.. А то я не знаю в этот момент, кем вы работаете.

Ну, дорогие, разрешите на этом закончить свое длинное повествование. Ложусь спать, а утром... Снова за работу!.. До свиданья! Крепко всех вас целую – ваш Игорь».

12

Смерть врагам оккупантам!

ВОИНСКОЕ

Куда г. Омск
Чкалова
д 10

Кому Жуковой Тамбле
Ивановне

Адрес отправителя: Полевая почта № 23301
П.И. Шердаков
(Фамилия, имя и отчество)

«Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» **СТАЛИН**

Почта 9 мая 1941

Прости, как только получишь, сообщай, о чем и на чьей не верю в радость войны в этом отношении. Это не только у меня такое отношение, а у многих.

Итак, пишу, не беру надежды в то, что я, все же, буду обладать «своими духами»/свободой. Игрушка же, что на меня будет одето «слова на эти слова»...

Пока, до свиданья!

Крепко всех вас целую – ваш Игорь

Все в порядке

Выше черты не пишите!

«22.4.43 г.

Добрый день, мать, отец и братишка! Решил черкнуть вам пару внеочередных слов. Сегодня получил письмо от Анатолия – «молит Аллаха» прислать ему табаку. Чертовское мое положение – ничем не могу ему помочь – от меня не принимают посылку. Если можно, организуйте что-нибудь в этом отношении...

Ну, как живете, что нового? У меня все по-старому. Вот завтра, правда, есть одно серьезное дело, и я решил черкнуть перед сном эти несколько строк время есть – чего не использовать его, чтобы написать «конспект на родину». <...> Да, крайне волнуюсь за получение вами моих переводов. Я пока прекратил посылку их, т. к. видимо, вы их не получаете. Их должно быть 4-е с этого фронта. Прошу, как только получите, сообщайте, а тоя ни на йоту не верю в работу почты! Это не только у меня такое положение, а у многих. <...> Пока, до свиданья! Крепко вас всех целую – ваш сын Игорь.

«Куда: Крым, Сиферополь, Фонтанная, 13

Кому: Тиуновой Татьяне Ивановне

19.10.44

Здравствуйте «крымчаки»! Только что получил письмо из Симферополя. Очень рад, что обосновались. <...> Пишите подробней о Симферополе. Кто есть из старых жителей, моих знакомых? Извините, что мало пишу, очень тороплюсь. Мама! Узнай на счет того, есть ли в Симферополе Суворовское училище, и если так, то достань адрес и перетолкуй насчет устройства Бориса. Ну, пишите. До свиданья! Целую, ваш сын – Игорь».

1943 год стал для старшего лейтенанта Шардакова значимым. 8 сентября ему присвоили звание Героя Советского Союза за 20 лично сбитых самолетов противника, звезду Героя и орден Ленина ему вручали в Кремле (именно об этом событии он намекает в одном из писем. – прим. ред). Познакомился с Надеждой Прокофьевной Трушко, своей будущей женой: Игоря после возвращения с боевого вылета друзья втолкнули в палатку для прохождения медосмотра. А там была... Надя. Настоящая красавица, она была военврачом, десантницей. Ее сбрасывали с парашютом к партизанам в Белоруссию. Когда узнавали, что на партизан идут каратели, отряд менял местоположение, а Надя прятала раненых, которые не могли двигаться. После возвращения на прежнее место она с трудом отыскивала замаскирован-

ные ею же схроны с ранеными. За спасение жизни советским партизанам капитан медицинской службы Надежда Трушко была награждена орденом Красного Знамени.

И. А. Шардаков с Надеждой Трушко

Как одного из лучших летчиков, способного передать свой богатый военный опыт молодым пилотам, заместителя командира полка капитана Шардакова в марте 1945-го отправили учиться в Академию ВВС имени Жуковского. Весь набор года Великой Победы состоял из Героев Советского Союза – элиты военно-воздушных сил. Кстати, свой последний «фокке-вульф» наш ас сбил как раз в день своего отъезда.

– Сидя за торжественным столом во время проводов, Игорь узнал, что необходимо прикрыть группу штурмовиков Ил-2 и на это опасное задание летит необстрелянный летчик, только что прибывший из училища, - вспоминал Виталий Попков. – Без лишних слов сняв парадный китель, он сел в свой Ла-5 и в скоротечном бою вогнал в землю немецкий истребитель. Сбил и поехал учиться. В этом был весь Игорь Шардаков!

После окончания войны гвардии подполковник Игорь Шардаков еще долго служил в ВВС, одним из первых в СССР осваивал реактивные истребители. После выхода в запас жил и работал в Симферополе. После войны у Шардаковых родилась дочь Маргарита. Игорь Александрович несколько раз приезжал в Очер в гости. Гулял с дочерью по березовой аллее, встречался со

строителями железной дороги в Очер, с рабочими ОМЗ. Кстати, во время войны он не раз писал письма очерцам – в райком партии, на завод, в колхозы, в редакцию «Сталинского ударника», поздравлял земляков с праздниками, призывал к ударному труду на благо Победы.

Игорь Александрович умер в Симферополе в 1982 году. Похоронен с почестями, как и полагается его званию. Надежда Прокофьевна работала врачом в Симферополе. Дочь после окончания Симферопольского мединститута вышла замуж за морского офицера – Михаила Соколова. Михаил служил в Мурманске, Маргарита работала врачом, была депутатом. Внук Игоря Александровича, Александр, тоже стал военным, офицером-подводником.

**Игорь Шардаков (слева) со строителями трассы железнодорожной ветки
Верещагино-Очер, 1950 г.**

КТО СКАЗАЛ, ЧТО НАДО БРОСИТЬ ПЕСНИ НА ВОЙНЕ?

Костя Тетенев, рабочий паренек из Очеры, в 1940 году, семнадцатилетним пришел на завод – по стопам отца, а когда началась Великая Отечественная, ушел на фронт добровольцем. Вместе со своим 58-м отдельным гвардейским минометным полком Константин Павлович принимал участие в боях под Харьковом, в Сталинградской битве, получил два осколочных ранения, освобождал Румынию, Болгарию, Югославию, Австрию, Венгрию.

Отечественную войну Тетенев закончил лейтенантом, командиром минометного взвода, демобилизовался в октябре 1946. Орден Красной Звезды и медали украсили грудь уральского рабочего парня. Вернувшись в Очер, он снова стал слесарем сборочного цеха машзавода.

На память о боевом прошлом осталась невзрачная тетрадка – фронтовой песенник. В него Костя записывал и слова услышанных им шлягеров, и собственные стихи, и солдатский фольклор. В этих едких, наполненных горькой иронией текстах, отражается вся неприглядная правда войны.

Песнь о девушках

В основу этого переложения, по-видимому, положен текст дореволюционного лирического романса «У камина» П. Баторина.

Ты сидишь у камина, и тревога растет,
Твое сердце настолько терзает,
И надежда на то, что ты замуж пойдешь,
Постепенно в душе исчезает.

Ты грустишь о тех днях, когда за тобой
Сто мужчин угонялись, бежали,
А теперь за одним вы бежите толпой,
Безнадежно стреляя глазами.

Еще годик войны, и не станет мужчин,
Что тебя так ласкали и грели,
И на тысячу женщин будет один,
Хотя ты и другие хотели.

Еще годик войны и придут времена –
Ты увидишь ужасную драму:
Мужчин будут тогда по рецепту давать,
Грамм по десять на каждую даму.

Еще годик войны, и придут времена –
В хвост тогда становиться придется
И с карточкой будешь стоять до утра:
Старикашкой хотя б насладиться.

Но желающих всех обеспечить нельзя,
Не спасти их от гибели верной.
И вам всем только выход один,
Обеспечить себя только...

г. Измаил, госпит. 3435

ППЖ фронтовая

Походно-полевыми женами, или ППЖ, в годы Великой Отечественной войны называли боевых фронтовых подруг, временных сожительниц из числа медсестер, радисток или санитарок.

Мины рвутся, завывая.
А со мною в блиндаже
Ночь проводит, сна не знает,
Полевая ППЖ.

Дома ждет меня другая,
Разлучила нас война,
А на фронте полевая
И походная жена.

Никогда я не забуду,
Как у смерти, у межи
Шла со мной везде и всюду
Полевая ППЖ.

В наступленьях, в окруженьи,
На исходном рубеже
Удавалось мне сближенье
С полевой ППЖ.

На прощанье ты не ахай.
Как придет конец войны,
Я скажу: «Иди ты... к черту!
Я иду к своей жене!»

г. Измаил, 10.10.44, госпиталь 5280

Минут рвутся забывая
А со мною в биндаже
Могь проводить сна не знает
Боевая ББЭЖ.
Дома предет меня, другая
Разлучила нас война
А на фронте боевая
И поскоднее жене
Никогда я не забуду
Как у смерти, у смерти
Мна со мной везде и всюду
Боевая ББЭЖ.
В наступлении, в окружении
На исходном рубеже
Удавалось мне сблизиться
С боевой ББЭЖ.
На прощанье ты не ахай
Как придет конец войны
Я скажу: "Иди ты к черту"
Я еду к своей жене.
г. Измаил 10.10.44 год.

Все равно война

Этот текст также является одним из вариантов популярной в народе песни, автор ее неизвестен.

С нежным трепетом и пылом
Говорит она:
Приходи ко мне, мой милый,
Все равно война!

И сперва она несмела,
А потом сполна.
И всю ночь кровать скрипела –
Все равно война!

Он приходит прямо на дом,
Ночь темна-темна.
Улыбнулись, сели рядом –
Все равно война!

Так лети же в путь далекий,
Песенка моя!
Нажимай на все педали –
Все равно война!

Не журишь на всех поступках,
Ты ведь не одна.
А таких-то женщин много.
Спишет все война.

Лирическая песня

Получай письмо в конверте
Не кручинься обо мне.
Что любовь сильнее смерти
В это время на войне.

Ты прочти письмо, родная,
Я писал его семь дней.
Слово к слову, пробирая,
Ты поймешь меня верней.

Мы в сражениях суровых
Помним нежные слова.
Грусть нахлынет, дрогнут брови
К сердцу сникнет голова.

Я прошел дорог немало
В эту долгую войну.
Вьюга крепко обнимала
В Украине, на Дону.

Пораздумаешь немного,
Вспомнишь дальние места.
Где родные руки трогал,
Целовал твои уста.

И среди друзей отважных
В блиндаже тебя любя
Вспоминал я неоднократно,
Ненаглядная, тебя.

Получай письмо в конверте
Жди и помни обо мне.
Знай! Любовь сильнее смерти!
В это время на войне.

Госп. 5280 п/п 74024.

Моя любимая

С обидой письма пишешь мне,
Что я забыл тебя.
Так ты пойми: я на войне,
Моя любимая.

Таких, как ты, не перечесать,
Ждут письма от меня.
И в Омске есть, и в Туле есть
Моя любимая.

Давным-давно уж ждет меня
Законная жена.
Забыть тебя мне суждено,
Моя любимая.

Еще ты пишешь – сын уж есть,
Похожий на меня.
Ну что ж, расти, ведь я не прочь,
Моя любимая.

За шутки ты меня прости.
Всему виной война.
И больше ты меня не жди,
Моя любимая.

Хотя собой я не горжусь,
Но ждет меня жена.
К тебе я больше не вернусь,
Моя любимая.

Ответ любимой

Я получила твой ответ,
Мой милый дорогой.
Ну что ж тебе могу сказать,
Любимый мой родной?

Ты пишешь, что не перечесать
Всех женщин у тебя.
И у меня, однако, есть
Мужей десятка два.

Еще ты пишешь, ждет тебя
Законная жена.
Так знай и ты, что мужа я
Уж встретила вчера.

И правда то, что сын растет,
Мой милый, дорогой.
Но все ж не ты его отец,
А кто-нибудь другой.

И я прошу: не думай ты,
Что я люблю тебя.
И ты меня не называй
«Моя любимая».

Ты прав, всему виной война.
Так я и не горжусь.
И если ты меня забыл,
Ничуть я не боюсь.

Таких, как я, не перечесать.
Таков закон войны.
В Ростове есть, в Одессе есть
Такой подлец, как ты.

Бѣ сидиши у покаяна и тѣрпѣнаго расцѣл
 Бѣвое сердце на сѣно ивно тѣрзаетъ
 И надежда на тѣ, что тѣмъ в залузу пойдѣ
 Бѣснѣннѣ в дѣлѣ иссѣзаетъ.
 Бѣмъ урѣснѣмъ о тѣхъ дѣлѣ
 Когда за тѣбой сѣно ишѣрзаетъ
 Урѣснѣмъ безѣснѣмъ
 И тѣперъ за одиномъ, въ бѣснѣмъ тѣмъ
 Безнадежно сѣрѣмъ тѣмъ
 Сѣе годѣ войнѣ и тѣмъ ишѣрзаетъ
 Тѣмъ тѣмъ, такъ и тѣмъ и урѣснѣмъ
 И на тѣмъ сѣмъ урѣснѣмъ будѣтъ одиномъ
 Кѣмъ тѣмъ и другѣмъ тѣмъ
 Сѣе годѣ войнѣ ишѣрзаетъ
 Тѣмъ ишѣрзаетъ урѣснѣмъ урѣснѣмъ
 Ишѣрзаетъ будѣтъ ишѣрзаетъ да тѣмъ
 Тѣмъ ишѣрзаетъ на ишѣрзаетъ да тѣмъ
 Сѣе годѣ войнѣ ишѣрзаетъ
 Вѣснѣмъ тѣмъ сѣмъ ишѣрзаетъ
 Ишѣрзаетъ будѣтъ сѣмъ до урѣснѣмъ
 Сѣмъ ишѣрзаетъ тѣмъ ишѣрзаетъ
 Ишѣрзаетъ вѣснѣмъ ишѣрзаетъ

Письмо девушки

Вечерами тихими и ночами лунными
Под тенистой липой в парке над рекой
С девушкой прекрасною песню разлюбезную
Пел с гитарой звоною парень молодой.

Кто не знает прелести тех ночей чарующих,
Разговоров пламенных с милой-дорогой!
Пролетело времечко птичкой быстrokрылою,
И уехал в армию парень молодой.

За три года в армии вся любовь забудется.
Ты в шинели серенькой стал совсем чужой.
И любимой девушке больше ты не нравишься.
Ей другой понравится парень молодой.

Там на фронте Западном и в разлуке с милою
Ты ночами лунными борешься с врагом.
Часто пишешь письма ей, но на них ответа нет,
И не жди напрасно их, парень молодой.

Многие из девушек до сих пор не поняли,
Что, когда за Родину грянул жаркий бой,
Из-за вас, за девушек, в первом же сражении
Кровь пролил горячую парень молодой.

7.2.1945 года во время дежурства

Горы сизые в тумане
И река Дунай шумит.
А письмо твое в конверте
Нет, никак не улежит.

Разве есть на свете сила,
Чтоб заставила забыть
Ту, с которой и могила
Нас не сможет разлучить.

Много раз его читаю
В бледных отблесках огня.
Ты мне пишешь, дорогая,
Что с победой ждешь меня.

Знай: везде – под Сталинградом,
В Украине и в Крыму
Ты идешь со мною рядом
Сквозь разрывы и в дыму.

Дорогие строчки эти
Я запомнил наизусть
И спешу тебе ответить:
Жди меня, и я вернусь.

От осколков сберегаешь
И от пуль меня хранишь.
Ты сама об этом знаешь,
Только мне не говоришь.

Я загадывать не стану,
Что случится впереди.
Где б я ни был, ты со мною.
Будешь жить в моей груди.

Отрывок из стихотворения «Повезло нам сегодня с ночлегом», автор неизвестен. Данное произведение встречается во многих фронтовых песенниках солдат из разных регионов.

Чай дымится, душистый и сладкий.
Отогрелись мы в теплой избе.
На листочке из синей тетрадки
Я пишу, дорогая, тебе.
Я пишу, а вокруг, дорогая,
Спят бойцы на шинелях своих.
Печка топится, лампа мигает,
Свет спокойно бросая на них.

Уйди, тебя я ненавижу

Этот текст также является чуть измененным вариантом популярной блатной песни.

Уйди, уйди, тебя я ненавижу,
Твоя любовь презрением полна,
Я сын морей и женщин много вижу,
Моя любовь просторна, как волна.

Напрасно ты по жизни изнывала
Чтоб к себе моряка пришвартовать,
Глубокую ошибку допускаешь,
А моряку на женщин наплевать.

Сегодня я в объятиях австрийки
А завтра взор мадьярки встретит нас,
А послезавтра – в объятиях югославки,
Давно румынка заждалась...

И так всю жизнь на лодке разъезжаем
Из порта в порт, качаясь на волнах,
И наша жизнь как борозда кривая,
И вся любовь лишь только на словах.

6.6.1946 год

Женская душа

Пол-аршина правды, фунт коварства,
Три пуда совести, пуд зла.
Упрямства десять килограммов,
А страсти три больших ведра.

Одна восьмая фунта чести
И постоянства один грамм,
К мужчинам тридцать фунтов ласки,
Три пуда жадности к деньгам.

Любви довольно полстакана.
Упрямства – пуд, коварства – два,
Аршинов двадцать пять обмана,
Презренья пуда полтора.

А если взять все это вместе,
Добавить соли два ведра,
В холодное поставить место –
Выйдет женская душа.

Уральская застольная

Морозная полночь над старым Уралом,
Высокие звезды. Туман. Тишина.
Заздравную песню поднимем бокалы
И выпьем за Родину нашу до дна.

Припев:

Держись бодрей, смотри веселей,
Не хмурься, мой дружок дорогой,
Ведь стало на сердце намного теплее
От песни хорошей, от дружбы такой.

Страны не найти величавей и краше,
Чем наша любимая сердцу Москва.
За нашу победу! За Армию нашу!
За мудрого Сталина выпьем до дна!

Мы все для победы немало трудились,
В награду за это у нас ордена.
Так двинем бокалы за славу Урала,
Так выпьем за славу Урала до дна!

За наших отцов, матерей престарелых
Чьи волосы белы, а воля сильна,
За девушек наших, за юношей смелых,
За молодость нашу поднимем до дна!

...На войне нет времени для отдыха, но есть отдушины в череде суровых солдатских будней, и тогда рождается то, что мы сейчас называем «фронтовым фольклором». В этих текстах находят художественное отображение и вера в победу над фашистским захватчиком, и горечь отступления, и радость победы, и любовное томление, и страх за близких. Именно они сопровождали бойцов в походах и на привалах, а иногда и в бою, вдохновляли, позволяя в минуты отдыха отвлечься, а в решительные моменты мобилизоваться, собрать все силы, уберечься от слабости и паники.

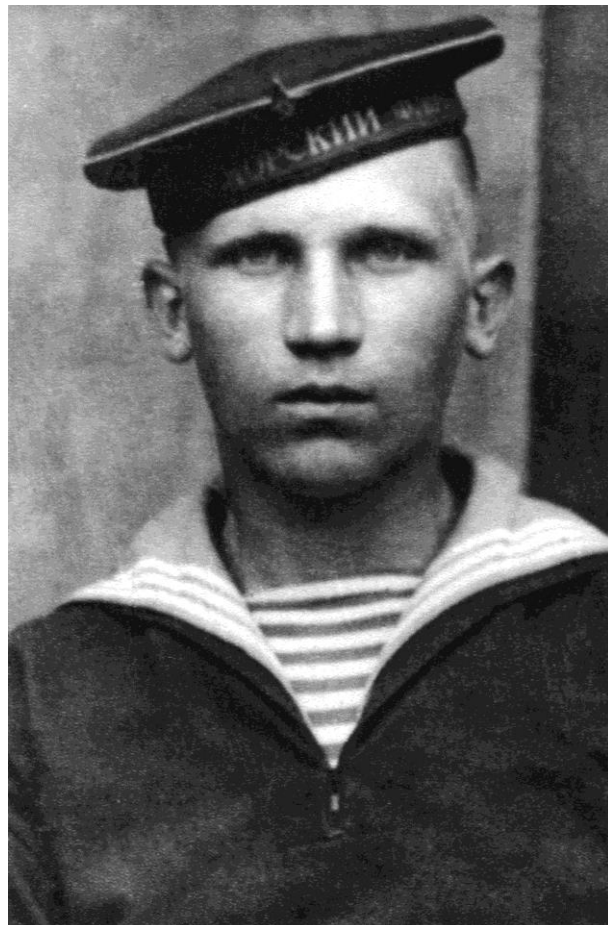
«ЕСЛИ И УМРЕМ, ТО СО СЛАВОЙ ЗА РОДИНУ...»

Василий Францевич Рейц с детства отличался от своих сверстников самостоятельностью и ответственностью. Уже после седьмого класса он пошел работать на завод, помогал родителям материально. Если его старший брат Владимир рвался в небо, мечтая стать летчиком, то Василия тянуло в море. Когда в Очере был открыт ОСВОД¹, он, не раздумывая, оставил работу чертежника-копировальщика и поступил вахтенным матросом спасательной службы.

Как штатному сотруднику, Васе, на лютую зависть друзей-бывших одноклассников, выдали казенную фуражку с «крабом» и синий китель с медными пуговицами. Но китель Вася почти не носил. У одного из демобилизованных краснофлотцев он выпросил изрядно выгоревший голубой воротник, у другого – тельняшку, сшил себе широченный клеш и матросский бушлат.

К своим обязанностям инструктора по военно-морской подготовке и старшего водолаза Вася Рейц или Рэ, как его прозвали, относился очень серьезно. Несчастные случаи с водолазами случались часто. Дело было новое, только осваивалось. Но в Очере, благодаря Рейцу и отличному знанию им техники, все обходилось благополучно, ни один водолаз не пострадал.

В первый же день войны Василий собрался идти добровольцем на фронт. В военкомате ему отказали – всего семь классов образования, надо

¹ ОСВОД («Общество спасания на водах») – добровольная массовая общественная организация, оказывавшая помощь спасательным службам.

бы подождать. Но решимость Рейца была велика, и он добился своего, уговорив военкома.

2 июля 1941 года Василий Рейц вместе с Александром Арбузовым и другими выпускниками школы уходил на войну. О его дальнейшей судьбе рассказывают пожелтевшие письма, сохраненные матерью Зинаидой Михайловной и братом Владимиром.

В письме от **7 октября 1941** года Вася пишет:

«Здравствуйте, дорогие родители. Папа, мама и Юра!!! Посылаю вам по привету и лучшие пожелания в вашей жизни. Сообщаю, что ваше письмо получил 6 октября в 3 часа дня, когда собирался в баню. Мне друг-боец принес, и я был очень рад, что пришло письмо из дому. Наконец после долгих переездов я бросил якорь в Наро-Фоминске и думаю, что письменная связь между нами наладится на некоторое время. Здесь буду до ноября, а то и больше. Также очень рад, что дома все живы и здоровы. А за меня вы не беспокойтесь, я обеспечен. Но пока еще нахожусь в летнем обмундировании. Зимнее когда будут давать, еще неизвестно.

Жалко, что друзья мои лежат в госпиталях. Я же пока жив и здоров. Учусь упорно и настойчиво, чтоб снова поехать на фронт защищать свою Родину от кровавого фашизма. Ваше письмо влило в меня новую энергию для лучшей учебы. Сразу сегодня веселей стало заниматься.

Спасибо, что черкнул, папа. Ты, папа, береги Юрку и поддерживай как-нибудь его. Пусть учится только на «хорошо» и «отлично». Пусть развивается физически и политически. Береги и свое здоровье. Как дома справляешься с работой? Продай мое все, но береги себя. Ружье тоже продай, если это возможно. Я бы тебе рад чем помочь, но я сейчас не в силах – ты сам служил в армии.

Мама, как твое здоровье и самочувствие? Я сужу по письму, что ты тоскуешь о нас, но ты не беспокойся. Из 3 сыновей хоть один, да придет домой. Меньше думай и береги свое здоровье. На днях вытребую справку о пособии и пошлю вам ее, чтоб выплачивали пособие, тогда вам будет легче жить. Мне пока ничего не надо. Корми Юрку лучше, пусть растет крепким и дисциплинированным. Желаю тебе, дорогая, хорошего здоровья и долгих лет, когда разобьем фашизм, тогда вы у нас будете отдыхать и снова заживем счастливо.

Юра, а ты помогай маме и папе и учись лучше, мое все бери: и бумагу, и все, что тебе только нужно. Если ты будешь хорошо учиться, то для тебя ничего папа с мамой не пожалеют.

Учусь я хорошо, имею много благодарностей от командования. Ну, кончаю, иду на ночь в наряд. Жму вашу руку и желаю здоровья и счастья в жизни. Кончаю. Пишите обо всем. Привет Тасе и всем нашим родственникам.

Пишите скорей, я жду. Сегодня еще получил письмо из Очера от друга из 10 кл. Юрки Бурдина.

13 октября 1941: <...> Не пишите больше в Наро-Фоминск. Уезжаю. Ждите новый адрес <...>

27 декабря 1941: <...> В дороге был целый месяц. Наконец, приехал. Дайте адрес Володи. Мой: Сталинградская область, ст. Раковка <...>

Письмо без даты: <...> Лежал в госпитале. Левая рука и нога вовсе были парализованы. Иногда болит к плохой погоде, но это ерунда. Сейчас чувствую себя нормально. И сейчас попал на флот. Нахожусь недалеко от Новороссийска. Куда мечтал, туда и попал. Обо мне не беспокойтесь. Мой долг комсомольский защищать Родину и разбить врага» <...>

8 марта 1942 г.: <...> Я жив, здоров, живу на старом месте, недалеко от Черного моря. Живу хорошо. Питание хорошее. Одет хорошо. Снова готовлюсь на фронт. Посылаю вам нужную справку о получении льгот семье краснофлотца. <...>

Как, папа, твое здоровье? Смотри, береги его и воспитывай Юрку для защиты Родины, как полноценного бойца. Как, мама, ты поживаешь и чувствуешь себя? Наверное, часто думаешь и беспокоишься о сынках? Но ты не думай, если и умрем, то со славой за Родину и за будущую советскую жизнь, за счастье. До свидания, жму, дорогие родители, вашу руку, а Юрку обнимаю.

Не беспокойтесь обо мне, мне ничего не надо. Получаю в месяц 117 рублей и одет, обут и питание хорошее. Ваш, преданный вам и Родине, сын Василий.

3 мая 1942 г.: <...> С 30 на 1 Мая всю ночь писал стенгазету и до 2 часов дня 1 Мая. После этого на занятия не ходил, а спал. Вечером была художественная самодеятельность. Играли струнным кружком и т. д. Вечер прошел интересно и весело. Также сообщаю о результатах учебы. Учусь отлично. К 1 Мая мне вынесена благодарность командования за отличную учебу и работу. 2 Мая ходили на концерт. Концерт давали ребята с кораблей. Был очень хорошо поставлен. Сегодня ходили в кино, только сейчас пришли, и я спешу до обеда написать письмо» <...>

14 мая 1942: <...>Папа! Хотел послать тебе табаку, но посылки сейчас не принимают. Постараюсь всеми силами. Мама, береги себя и Юрку. Наказ ему – заниматься физкультурой. За ваше воспитание я вас тысячу раз благодарю. Благодаря вам мне сейчас не трудно по дисциплине и учебе...<...>

В последних письмах домой Вася писал, что имеет звание политрука, получает приличную зарплату. Одно из них (от 29.05.1942) отправлено уже с фронта. А через месяц с небольшим Василий Францевич Рейц, как говорилось в официальном извещении, пропал без вести.

Вернувшись с фронта, старший брат Васи Владимир пытался выяснить его судьбу: писал в Центральное бюро учета потерь, управление подготовки и комплектования ВМФ, в причерноморские горвоенкоматы, в штаб флота, своему земляку – генерал-полковнику инженерных войск Герою Советского Союза А. Ф. Хренову.

Много лет шла эта переписка. Вот что ответил однопольчанин Василия Д. Чулюмов с хутора Михайловского Волгоградской области:

<...> Я был во втором батальоне 9-й бригады морской пехоты недолго. Видел и знал Василия немного, очевидно, во время приема его в партию. Он, если не ошибаюсь, прихрамывал. Судя по форме одежды Василия и его товарищей на фотографии, которую Вы мне послали, они фотографировались в Батуми, до нашего переодевания в красноармейскую форму, а потом нам оставили только тельняшки.

Мне кажется, что Василия послали в артдивизион, а вскоре я убыл из батальона в распоряжение прокурора бригады. Знаю только, что этот батальон геройски сражался в самом пекле, между Мекензиевыми высо-

тами и Сапун-горой, ближе к Балаклаве. О мужестве моряков-артиллеристов писалось во фронтовой газете <...>

В трех письма Чулюмов подробно описывает, как вихрилась от пулеметных и автоматных очередей, вздрагивала и стонала от взрывов земля. Он вспоминает старшину первой статьи, который девятью выстрелами из противотанкового ружья подбил девять фашистских танков.

Лишь узкая каменистая полоска под скалами Херсонеса оставалась в руках защитников Севастополя. Полукругом враг, сверху – тоже, сзади – море. На мыс Херсонес собралось много наших матросов, солдат и офицеров. Сражались до последнего дыхания. Какая-то отчаянная девушка, часто ныряя под градом пуль, плавала вдоль берега для связи между разрозненными группами наших войск.

Чулюмов пишет Владимиру Рейцу:

<...> Утром 4 июля мы оказались на узкой каменистой полоске между 35-й морской батареей и Херсонесским маяком. Здесь я увидел наших артиллеристов в тельняшках. Они прикрывали отход к берегу основных частей и все погибли, но не отступили ни шагу. Если Ваш брат высокий, белокурый, которого я знал как зам. политрука, он погиб в последнем бою 4 июля, как герой, в районе 35-й морской батареи... Там дрался преимущественно командный и политический состав.

На момент смерти матросу Василию Рейцу было 19 лет 2 месяца и 17 дней.

ОПУСТЕЛА БЕЗ ТЕБЯ ЗЕМЛЯ

Летчик Василий Михайлович Усанин, представленный к званию героя Советского Союза, погиб 19 июня 1942 года в звании капитана, так и не получив причитающуюся ему Золотую Звезду героя.

За время войны его эскадрилья совершила 144 боевых вылета. Настоящий профессионал, Усанин летал и днем, и ночью, и в сложных метеословиях. За период с 13 декабря 1941 по 28 января 1942 года на его счету двадцать боевых вылетов на Крымском и Керченском полуостровах Кавказского фронта по уничтожению живой силы и боевой техники противника — одиночных и в составе звена. Все задания были выполнены на отлично. По итогам этой кампании капитан Усанин, командир 2 эскадрильи 367 скоростного бомбардировочного авиационного полка, был награжден орденом Ленина.

Открытки, которые Василий посылал родным из разных мест, раскрывают его как чуткого сына и внимательного мужа. 10 октября 1941 г. он пишет родителям Михаилу Поликарповичу и Устинье Федоровне:

«Дорогие мои, я жив и здоров. Был в Тавризе. О персидской жизни расскажу позднее. Сейчас снова началась боевая работа. Где Лида? Что она пишет? Не уверен, что они добрались до Очера, и это меня очень тревожит...»

Причины для волнения у Василия действительно были: его беременная жена Лидия Николаевна находилась в это время в г. Калинин, связь с ней прервалась. 31 октября в Очер летит еще одно письмо: *«Беспокоюсь за*

судьбу Лиды. Ведь у нас на днях должен появиться на свет сын, а я, отец, не знаю, где моя семья».

В это же время от Лидии в Очер пришла открытка со станции Кулицкая Октябрьской железной дороги: *«Спешу порадовать внуком. Копия – отец. Родился 6 ноября в 8 часов 20 минут утра. Ничего не знаю о Васе, не имею возможности сообщить ему. Прошу написать и поздравить. Открытку шлю через военных...»*

Трагедия заключалась в том, что письма и деньги от Василия Михайловича с фронта шли регулярно, а от родителей и жены он вестей не получал: слишком кочевой была жизнь летчика. О себе Василий не писал почти ни слова: что по несколько раз в сутки водил эскадрилью тяжелых бомбардировщиков на боевые задания и отлично выполнял их, что награжден орденами Ленина и Красной Звезды, представлен к званию Героя Советского Союза. Только в апреле сорок второго года проскользнула пара строк о том, что он работает на пределе сил.

Летом 1942-го родителям Василия в Очер пришло еще письмо. Почерк на конверте – Лиды, но вложенный листок написан незнакомой рукой:

«Здравствуйте, уважаемая Лидия Николаевна и ваш сын Валерий! Я знаю о ваших трудностях, одобряю ваше мужество и настойчивость, но вам придется пережить еще более трудную минуту. Поверьте, мне очень тяжело сообщить об этом. Вася был моим другом. Мы служили в одной эскадрилье, он – командиром, а я – комиссаром. За героизм его представили к званию Героя. Этот отважный боец, славный летчик и командир вечно будет жить в сердцах своих боевых соратников».

Возвращения экипажа – командира Усанина, штурмана Кучинского и стрелка-радиста Левченко – ждали на аэродроме долго. По расчетам, горючее у них должно было уже закончиться, но однополчане все не теряли надежды, всматриваясь до рези в глазах в черное небо. На следующий день разведка с воздуха обнаружила врезавшийся в землю самолет. Комиссар рассказал об этом в письме Лидии Николаевне¹:

«Мы сразу вылетели туда. Усанин был мертв. Экипаж погиб в 1 час 30 минут 19 июня 1942 года. Похоронили Васю и его товарищей с воинскими почестями и дали клятву уничтожать фашистских зверей до последней капли крови... Дорого заплатит Гитлер за нашего героя Василия Усанина!»

¹ По материалам журналиста Н. И. Рязанова. - прим. ред.

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА и Социалистической Родине предан. Работая командиром авиаэскадрильи - справляется с работой хорошо. Эскадрилья сколочена и в вопросах организации показывает боевые образцы примера другим эскадрильям. За период пребывания на фронте отечественной войны эскадрилья произвела 144 боевых вылета. Своим боевым примером прививает личному составу эскадрильи чувство пролетарской ответственности перед Родиной за выполнение боевого приказа. Активный участник общественной и партийной жизни. Среди подчиненных и в части пользуется заслуженным авторитетом. Всегда можно быть уверенным вне зависимости от условий, что задание будет выполнено. Отличный летчик, летает днем и ночью в сложных метеоусловиях.

За период с 13-ХП-41 г. по 28 января 1942 года тов. УСАНИН сделал 20 боевых самолето-вылетов на Крымском и Керченском полуостровах Кавказского фронта, летал одиночно, в составе звена и водил неоднократно девятку, - все задания были выполнены только на ОТЛИЧНО.

Тов. УСАНИН за первые десять успешных боевых вылетов представлен к ПЕРВОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДЕ на основании приказа НКО № 02290 от 16 августа 1941 года.

Последующие 10 боевых вылетов тов. УСАНИН выполнял по уничтожению живой силы и техники противника мужественно и смело.

Цех. № 0564
Рок. № 01776

109
С Е К Р Е Т Н О .

Экз. № 2

П Р И К А З

ВОЙСКАМ К Р Ы М С К О Г О Ф Р О Н Т А

Действующая армия

№ 0259

"21" февраля 1942 года.

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество - Н А Г Р А Ж Д А Ю:

ПО ВОЕННО-ВОЗДУШНЫМ СИЛАМ КРЕМСКОГО ФРОНТА:

ОРДЕНОМ "Л Е Н И Н А"

10. Капитана УСАНИНА Василия Михайловича.

Командира 2 эскадрильи 367 Скоростного бомбардировочного авиационного полка.

ЗА НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Сгорела юность, бросившись в бессмертье.
И твой народ с тобой над ней скорбит...
Солдатский подвиг – в бронзу, на столетья!
А прах погибших – в мрамор и гранит...
Константин Мамонтов

22 июня 1941 года в Очерском детском доме намечался праздник – открытие пионерского лагеря. День стоял солнечный, жаркий. Почти все дети получили подарки за хорошую учебу, все были очень довольны, но страшное известие о начале войны перечеркнуло радость...

Уже в самые первые дни ушли на фронт сотрудники призывного возраста. А в сентябре 1941-го весь детский дом выстроился на линейку у военкомата, чтобы проводить на войну первых своих воспитанников, комсомольцев Дмитрия Матюху и Ивана Ривьеру. Смелые, отчаянные парни – они оба стали разведчиками и погибли, защищая нашу Родину. Дмитрий не вернулся из боевого задания в феврале 1942 года. В одном из писем в родной детдом Митя писал:

«Меня тянет туда – на запад, а сердце возвращается обратно, в памяти детдом, где я вырос, ребята... и мне хочется грудью защищать и тех малышей, которые теперь живут в нашем детском доме»

На счету Ивана Ривьеры десятки взятых в плен «языков». Член Военного Совета Калининского фронта на наградном листе, представляющем отважного бойца к медали «За отвагу», написал: «Достоин большего – ордена Красного Знамени!»

Рядовой отдельной разведроты 26-й курсантской бригады Ривьера пропал без вести в феврале 1944 года.

После Матюхи и Ривьеры на фронт ушли и другие ребята. И даже девушки – Татьяна Чащина (военный шофер) и Александра Дозорова, которые, прибавив себе по два года, шестнадцатилетними встали в солдатский строй. Саша – маленькая «Кнопка» ростом 143 см, чтоб ее из этого строя не вывели, встала на цыпочки, – ведь в армию брали солдат, что не ниже 150 см.

Г-ов. Ривьера один из лучших разведчиков разведотдела.

Все поставленные ему задания им выполнены полностью: в том числе и в мае 1942 г., когда ему было приказано дойти до языка в районе деревни Орехово, и его ~~было~~ ^{были} и пленный был в плен доведен.

В мае 1942 года при попытке языка пленный обер ефрейтора оказывая сопротивление сиротливо ~~был~~ ^{были} убит. Ривьера ранее в мае 1-й раз был пленен, ISO пленен, пленный ~~автомат~~ ^{автомат} и бронежилет.

В мае 1942 года в районе деревни Нестерово убит пленный

двух месяцев назад, а раненого пленен в районе деревни Нестерово, действующая в районе на попытке языка в районе деревни Нестерово - Лопати, когда был ранен обер ефрейтором и пленный оказывая сопротивление сиротливо ~~был~~ ^{были} убит. Г-ов. Ривьера не сдержал на пленный перекрестный огонь отряд из плененных призыва ~~бросился~~ ^{бросился} к раненому обер ефрейтору и в тот момент, когда пленный хотел выстрелить в него из автомата, опередил своего автомата снял через плечо, бросил срезав старожелте снял оружие и вернулся к своим.

Во всех операциях по разведке Г-ов. Ривьера показывает образцы дисциплины, находчивости и личной храбрости.

Вполне заслуживает представления к правительственному награждению "Медалью за отвагу"

Неразлучные друзья Алеша Леонтьев, Сережа Филин, Дима Рудаков, за что их прозвали «святой троицей», в 1942 году, в пятнадцатилетними подростками поступили в Соловецкую школу юнг, а через год уже несли службу на боевых кораблях.

Большинство из ушедших на фронт детдомовцев с войны, увы, не вернулись: Карп Поносков, Аркадий Балусев, Петр Челпанов, Гриша Чмелевский, Шура Скобельцына, Федор Коваленко, Дмитрий Богатырев, Семен

Бояршинов, Петр Чечулин, Александр Смирнов, Вениамин Чашин, Иван Матюха, Николай Левченко, Федор и Фрося Жмулевские, Григорий Бурчак, Петр Бубнов, Ганна Бурдина – вечная память так и не успевшим повзрослеть героям...

Но те, кому посчастливилось с честью пройти через горнило войны и остаться живым, стали достойными, известными и уважаемыми в Очере людьми. Галина Васильевна Курочка (Пискарева) поступила в школу младших авиационных специалистов в Тбилиси и всю войну служила в авиационном полку, обслуживала самолеты. После войны она вернулась в Очер и всю свою жизнь посвятила работе в детском доме.

Александр Таран, закончив военную школу фельдшеров, спасал раненых на полях сражений, участвовал в прорыве блокады Ленинграда, встретил победу в Берлине. Долгие годы был в Очере санитарным врачом. Дмитрий Чудинов – парашютист-десантник, выполнял боевые задания в тылу врага, после войны преподавал в Павловском ремесленном училище. Бывший директор РМЗ Дмитрий Башко на фронте был замкомроты в 1-м мехкорпусе Центрального фронта.

Один из первых воспитанников детдома (когда он еще назывался школой-коммуной), Павел Елизаров воевал на речном флоте. В мирное время стал мастером на ОМЗ. Владимир Логвин был механиком-водителем танка, Мария Могила – связисткой, Леонид Наркевич – политруком. Яков Пепеляев воевал на флоте, пулеметчик Андрей Степанченко сражался под Москвой.

Галина Васильевна
Курочка (Пискарева)

А та самая «Кнопка» или «Пуговица» – Александра Дозорова – была сапером, а после войны более 30 лет прослужила в военном представительстве Минобороны. В своем письме в преддверии 39-й годовщины Великой Победы она обращается к воспитанникам Очерского детдома:

**Дмитрий Макарович
Матюха**

**Алексей Петрович
Леонтьев**

**Дмитрий Михайлович
Рудаков**

**Сергей Егорович
Филин**

«Мои младшие сестренки и братишки, здравствуйте! <...> Моему поколению достались трудные годы. Но воспоминания о детском доме остались самые добрые. <...> С детских лет отцом и матерью нам была наша огромная Родина, у которой мы все в вечном долгу. В суровые годы Великой Отечественной войны многие наши воспитанники ушли на фронт, но не все дожили до радостного дня Победы. А какими совсем еще молодыми они были!

Александра Дозорова

Я и Таня Чащина, прибавив по два года, добровольно ушли на фронт. Ни о каком подвиге мы тогда не думали; прекрасно зная, что нас ожидало. Просто в самые трудные дни для Родины нам хотелось отдать свой долг за воспитание, за наше счастливое детство.

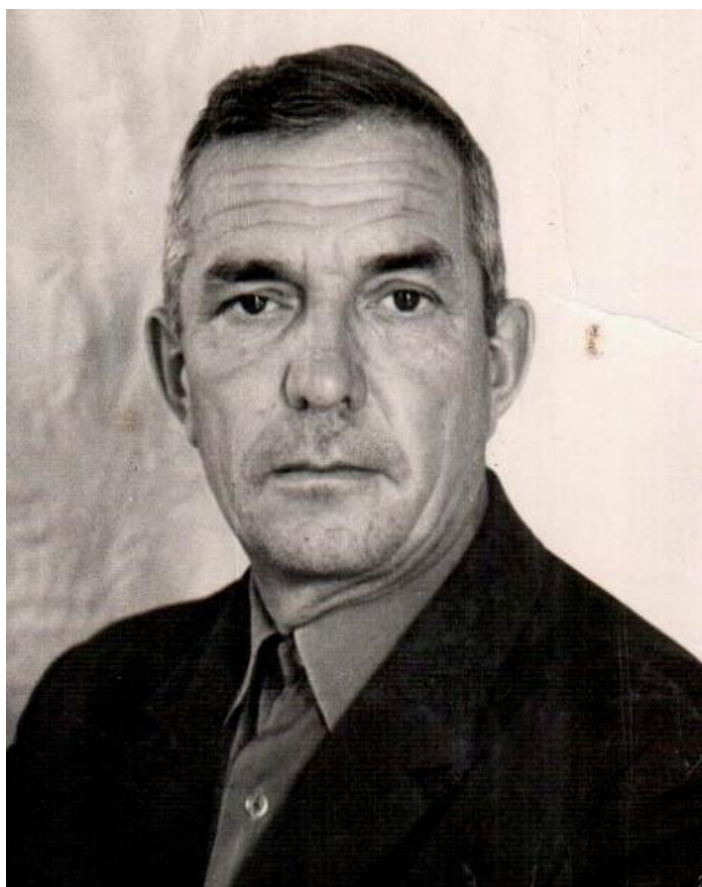
<...>О войне не скажешь словами. Ее надо увидеть и пережить. А лучше, чтобы никто и никогда ее не видел. Нам пришлось воочию увидеть все ужасы войны: сожженные села, разрушенные города, сотни убитых, сожженных и зверски замученных. На фронте мы научились ценить солдатскую дружбу и взаимовыручку. <...>Познали горечь потерь боевых товарищей. Эта неумирающая боль на сердце осталась до сих пор. Память о всех, отдавших свою жизнь ради Победы, заставляет меня быть честной и справедливой в своих поступках, душевной и отзывчивой по отношению к окружающим. О прошлом нельзя забывать, без прошлого нет настоящего и не будет будущего. <...> Я счастлива тем, что в самые трудные для Родины годы, внесла посильную частицу для Победы – прошла по огненным дорогам самой кровопролитной войны в составе своей части от Волховского фронта по всей Прибалтике до стен Кенигсберга, и тем, что мы живем под мирным небом.

Так и хочется стихами Юлии Друниной сказать:

*... До сих пор не совсем понимаю,
Как же я и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла!»*

СКВОЗЬ КРУГИ АДА

Дуняшев Владимир Емельянович, 09.10.1923, с. Серга Пермско-Сергинского района; гв. рядовой, автоматчик, наводчик-пулеметчик отд. роты 79-й сд, 85-й мсп 23-й мсд, 193-й гв.сп. Демоб. 1947, 10 марта. Боевые награды: орд. Отечественной войны 2-й ст.; ранения: 25.07.43, 27.03.45 в голову и спину; окончил 9 классов и 2 курса Пермского музучилища, баянист: детсад № 4, школы, детские учреждения района.¹

Его фронтовая переписка с будущей женой, к сожалению, почти не сохранилась. Когда Владимира Емельяновича и Елизаветы Николаевны Дуняшевых не стало, новые жильцы их квартиры просто выбросили весь архив на свалку, как ненужный хлам. И фотографии, и солдатские треугольники, и письма юной Лизы своему жениху. А Володя сумел сохранить их на войне – не пустил на раскурку, несмотря на слезные просьбы однополчан. Мы, потомки поколения победителей, бываем, увы, менее щепетильны к людской памяти.

Он пережил ужасы плена и штрафбат, но все-таки дошел до Победы. Каждый день 9 мая до самой своей смерти очерц Владимир Дуняшев тихо поднимал святую чарку в память всех, кто погиб за родину, приближая Великую Победу. Но даже мало кто из его родных знал, что в его военной биографии были моменты, когда фронтовик искренне завидовал им – павшим...

¹ Книга Памяти 1941-1945. Очерский район. – Том 2. – С. 149-150.

Патриотичный прогул

Буквально в первые минуты после исторической речи Молотова 22 июня 1941 года военкоматы одноименного города заполнились толпами мужчин призывного возраста, которые, не дожидаясь повесток, шли добровольцами бить фашистов. Рабочий железнодорожных мастерских Володя Дуняшев зря отстоял бесконечно длинную очередь. На фронт его не взяли: во-первых, на путейцев распространялась «бронь», во-вторых, без очков Володя дальше собственного носа в прямом смысле не видел. Однако кантоваться в глубоком тылу физически крепкому (зрение – не в счет) парню Дуняшев считал попросту постыдным. Особенно после того, как начали приходить первые «похоронки». Володя отдавал все силы работе, случалось – валился с ног от изнеможения, делился последним с семьями погибших на фронте, но все собственные лишения казались ему ничтожно малыми. Поэтому, чтобы добиться скорейшей отправки в действующую армию, Дуняшев пошел на крайность.

Теперь мы хорошо знаем суровые порядки военного лихолетья. Невыход на работу и даже опоздание на пять минут жестко карались. Как минимум пятилетняя отсидка прогульщику была обеспечена. Правда, одна альтернатива все-таки была – фронт. А это как раз то, что нужно! Володя заперся в своей квартире, три дня не появлялся на работе и ждал, когда за ним придут...

– Больше всего боялся, что отправят не на Запад, а на Восток – на Колыму, – вспоминал Владимир Емельянович.

Дуняшеву «повезло» – тюремные нары и лесоповал ему заменили на возможность искупить свою вину кровью на передовой. В штрафной роте, где чаще искупали не кровью – смертью!

Владимир попал на фронт как раз перед боями на Курской дуге. Задача, поставленная перед ротой, была проста: провести разведку боем. Атаковать противника, чтобы он обнаружил и демаскировал свои огневые точки. Комроты честно предупредил, что из подобной разведки живыми вернутся не больше половины. По свистку штрафники вышли из окопов и в полный рост, шагом (бежать запрещалось!), по открытому полю двинулись навстречу смерти.

– Как белые в кино про Чапаева, – говорил Владимир Емельянович.

– Если ад существует, то, наверное, там он и был!

Командир оказался прав – около двухсот павших бойцов осталось лежать на земле. В самом начале атаки осколками снаряда Дуняшева ранило в обе ноги и грудь. Он сидел на земле и терпеливо ждал санитаров. Горлом шла кровь. Мимо понуро брели оставшиеся в живых, не задетые пулями штрафники и с нескрываемой завистью смотрели на захлебывающегося собственной кровью товарища. И их можно было понять – ведь шансов пережить вторую такую атаку у них почти не было...

Когда живые завидуют мертвым

После госпиталя Владимир снова оказался на фронте, но уже в обычной части. Воевал как все: служил автоматчиком, лежал за пулеметом, был снова дважды ранен и награжден медалью. Правда, бдительные особисты всегда держали его в поле зрения: все-таки бывший штрафник – как бы чего не вышло! И словно накаркали... В одной из неудачных атак Дуняшева сильно контузило, и товарищи в горячке боя вынести его не успели. Зато успели немцы...

Сначала Дуняшев попал в так называемый сортировочный лагерь для военнопленных, что находился в прифронтовой полосе недалеко от польской границы. В голове постоянно носилась только одна мысль – бежать! Узники говорили, что из этого лагеря еще можно попытаться улизнуть, а вот если отправят в Германию, тогда все – кирдык! А тут не столь уж натасканная охрана, «колочка» в один ряд, да и земля еще наша, советская. Едва оклемавшись от контузии, в одну из ночей Володя совершил подкоп и через него удрал. Один. Больше никто не рискнул.

До линии фронта он не дошел каких-то сорок верст. Перед последним рывком беглец остановился в глухой украинской деревушке. Временами Володя слышал орудейную канонаду и отчетливо видел всполохи взрывов на горизонте.

– Хозяин усадьбы, приютивший меня, заметно нервничал. Один его сын служил в Красной армии, другой – Степан – примкнул к банде бандеровцев, - рассказывал Дуняшев. - Как к этому отнесутся ожидаемые вскоре освободители, что в конце концов перевесит – крестьянин не знал. А Степан, видя скорый конец, беспробудно пил. В тот роковой день его, мертвеца пьяного, привезли на телеге трое здоровенных немцев в черной форме.

Один из них грубо пихнул Степана и спросил по-русски: «Где партизан?!» Бандеровец, не слезая с телеги, рукой указал на сарай, где я прятался.

Разъяренные эсэсовцы выволокли Володю, затравили овчарками и, избив до полусмерти, повезли обратно, на запад. Самое страшное еще только начиналось...

– Лучше бы они меня прямо там, у сарая, прикончили! – тягостные воспоминания до слез взволновали Владимира Емельяновича.

Нет смысла описывать картину тех издевательств, которым подвергался русский военнопленный в немецкой неволе. Ни на какие снисхождения лагерных садистов юноша с клеймом на робе «Склонный к побегу русский» рассчитывать не мог. Неминучей смерти Володя не стал дожидаться и снова бежал.

Измученный скитаниями юноша прятаться не стал, а явился в особый отдел соседней части. Там разобрались, не могли не поверить 23-летнему парню, выглядевшему глубоким старцем.

Ты ждешь, Лизавета, от друга привета...

После Победы Дуняшев еще два года служил в армии – гонялся по украинским лесам за бандеровцами. Учился в Пермском музыкальном училище, потом до самой пенсии трудился музработником в очерских школах и детсадах (его до сих пор добрыми словами вспоминают очерцы, его воспитанники – разлетевшиеся по всему свету. – прим. авт.) Но после ужасов, выпавших на его долю, Владимир поначалу выглядел настолько страшным и изможденным, что дети его чурались и с ревом разбегались. Однако доброе сердце фронтовика и развеселый баян быстро растопили лед отчуждения, и вскоре дядя Володя стал любимцем детворы.

– Владимир Емельянович, давайте споем про День Победы, – часто наперебой просили детишки и не понимали, почему он плачет.

Вернувшись домой в 1947 году Дуняшев, наконец, встретил свою любовь – скромную девушку Лизу из Очера, с которой познакомился еще в госпитале. Интересно, что 18-летняя комсомолка тоже сбежала на войну, работала санитаркой и нянечкой в прифронтовых госпиталях. В конце 1945 года у них завязалась переписка.

– Ох, у скольких моих подружек проклятая война отняла женихов и любимых, – вспоминала Елизавета Николаевна. – А у нас и свидания-то не

было, не поговорили толком – даже не поцеловались ни разу, только руки пожали друг другу при прощании, как товарищи. Поначалу не хотела отвечать на его письма – боялась: дескать, влюблюсь, а его убьют. Но письма такие хорошие от Володи приходили... Я и подумала, что он и так исстрадался на войне, здорово ему досталось – живого места не было. И родных у него никого. Испереживалась вся – как он там воюет, писем ждет – другим-то пишут. И решилась на ответ.

«Дорогая Лизавета! Вот уже несколько дней мы выкуриваем бандитов-националистов из их лесных схронов. Бендеровцы (так в тексте. – прим. авт) сдаются пачками, многие – просто обманутые пропагандой забитые люди. А у меня одна только мысль – поскорее бы покончить с ними и домой. Только воспоминаниями о тебе и держусь, твоими письмами, они дают мне силы, заставляют хоть на миг забыть о страхе, о смерти. Но с профашистскими бандами надо покончить, я, ты знаешь, в войну на собственной шкуре испытал их звериную лютость. <...> Каждый шаг вперед - это шаг к тебе, к нашей встрече. Знаю, будет нам счастье, мы его дождемся! Твой В.»

В. Е. Дуняшев с женой Елизаветой Николаевной

НОЧНЫЕ ДУМЫ СТАРШЕГО СЕРЖАНТА

Сергей Иванович Бояршинов ушел на фронт в возрасте 44 лет в июле 1941 – старшим сержантом, командиром отделения связи. Вместе с белорусским фронтом он дошел до Берлина, расписался на Рейхстаге и в октябре 1945-го вернулся домой – к любимой жене Анне Александровне, чтобы всю жизнь посвятить мирному труду на Очерском машзаводе. Награды Сергея Ивановича – медали «За боевые заслуги», «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», двенадцать благодарностей верховного главнокомандования – хранятся в семье как драгоценные реликвии. Вместе с ними со-

хранились и фронтовые письма, которые Сергей посылал своей Нюрочке из Польши.

Ночные думы

*Тысяча верст, дорогая, меж нами.
Тысяча верст – полосатых столбов,
Гор веками источенный камень,
Тысячи рек, перелесков лесов.
Темень, холод и дождь в траншее,
И враги впереди за рекой.
Капли с каски стекают на шею.
Я один. На посту. Часовой.
Мина грохнется где-нибудь рядом,
Кто-то брякнет во тьме котелком,
Пропоют над окопом снаряды,
Где-то глухо прокатится гром.
Капает дождь, жесткий ветер и темень,*

*Дождь и мрак. Пулеметы стучат.
Что ты делаешь в это вот время.
В мой тяжелый, солдатский мой час?
Может, в кроватке баюкаешь Нину,
Вышиваешь от скуки платок.
Или смотришь ты кинокартину.
И, быть может, тебе невдомек,
Что стоит он в песчаной траншее
На жестоком ветру, муженек.
Дождь и темень. И льется на шею
С темной каски холодный поток.
Он стоит, молчалив и спокоен,
Где он стал, там врагу не пройти.
И любви он и славы достоин,
И ему все открыты пути.
Коль ты чувствуешь дождик и стужу,
И траншеи могильную тьму,
Никогда не разлюбишь ты мужа,
Никогда не изменишь ему.*

Р.С. Здравствуй, Нюра!!! Нюра, я писал это стихотворение ночью, в землянке с фронтовой коптилкой. Товарищи уже спят. Не спит лишь один мой товарищ и друг Пивоваров. Мы сидим и горюем с ним, поминаем вас, жен, как-то вы там живете, думаете-нет об нас, а мы об вас каждый день, и каждый час, и даже каждую минуту. Мы сейчас проживаем такое время, когда нет боев и не знаешь, когда же будет окончательный удар по врагу, который приблизит конец войны и нашу с вами встречу.

Пишите, жду ответа. Остаюсь жив-здоров, ваш муж Сережа. 14 декабря 1944.

Привет с фронта!

Здравствуйте, уважаемые родные мама Нюра, Шура, Ниночка. Шлю я вам свой фронтовой привет и желаю всего наилучшего в вашей тыловой жизни. Первое сообщаю вам: сегодня я получил письмо, которое ты, Нюра, писала в декабре и за которое очень благодарю. Нюра, ты пишешь, что все еще работаешь в колхозе. Конечно, тебе достается нелегко. Ну что же делать, жизнь настала тяжелая, может быть, ты скоро там отработаться, пиши долго-нет еще думаешь работать и что заработала за это время. В общем, пиши обо всем, меня все интересует.

14 декабря 1944,

Гольша-
арон

Ночные души.

Висели верет. дорогая. мени Нами.
Висели верет — косятых столбов.
Тор веками истощенный камнем,
Сотни рек перешагов, лесов.
Темно, холодно и дождливо в транше,
И враги впереди за рекой.
Камни скалки стекают за шлю,
Я один, на посту. Тасовый.
Мина грохнется где-нибудь рядом,
Кто-то звякнет ^{вот там} в котелком
Прополет над окном скареды,
Где-то плуток прокатится грози. —
Мно и дождь. Моей души ветер и тенью,
Дождь и шрек. Перелетит стужа...
— Что ты делаешь в это вот время,
В мой темной следствия мой час?
Может в кроватке боюкаешь Нину,
Всхлипаешь от скуки плачешь.
Или смотришь ты кинокартину,
И, давай, можешь тебе не воевать,
Что стоит он в незнакомой транше,
На жестком ветру. Мужествен.
Дождь и тенью. И летит за шлю,
Степной как и молодой поток.
Он стоит Молчалив и Спокоен,
Где он встал там врагу не пройти,

20 Декабря 1944 года Мамаша

Привет с здравьем.

Здравствуйте уважаемые родные
Мамаша, Мухом, Мимом, Мило я вам
свой сроднотворный привет и желаю всем
наилучшего в вашей творческой жизни.
Первое сообщая вам сегодня я пишу
вам письмо которое тебе Мухом писал в декабре с
за которое очень благодарю. Мухом тебе пишет
что все еще работает в каждой комнате
тебе достается не легко. Ну что же сейчас
жизнь стала тяжелее и может быть тебе
скоро тебе отработается, ну и долго еще
еще думаешь работать и что заработала за
это время. Конечно ну и до всего меня
все интересно. Мухом я так тебе писал в
письме что я пишу тебе сейчас наряд
Медаль "за боевые заслуги" и прописываю еще кое
что ну и пишу тебе еще кое что.

Надеясь на твою работу пишу тебе
письмо сейчас хорошо поработать еще
но он что ты не успеваешь подробно кони
поэтому он пока в том городе. Если он
вам писал то прописываю тебе

теперь напиши себе письмо кони сейчас
кажется что будет вперед жизни пока прописываю
нама все хорошо пишешь с тобой

Нюра, я там писал в письме, что я получил правительственную награду, медаль «За боевые заслуги» и прописал еще кое-что, пиши, получили или нет.

На днях от Павлина получил письмо, он пишет, что живет хорошо, здоровье стало лучше, но он что-то не описывает подробно, как и почему он попал в этот город. Если он вам писал, то изложите мне.

Теперь напишу о себе. Живу как – сказать нечего, что будет вперед – жизнь пока прописала, все хорошо. С конца октября месяца боев почти не было. Ну, постояли в обороне больше месяца, а потом попал за Вислу на «Маленькую землю» – вот здесь жизнь все время в руках судьбы. Первое время было ничего, тихо, а сегодня вот начали фрицы активничать.

Сейчас пишу вот это письмо, сидя в блиндаже, снаряды с визгом пролетают мимо и рвутся совсем недалеко и разрыв сильно раздается по мерзлой земле. Ну ничего, побесится да излетает, дождется вот, подготовимся к окончательному удару и тогда дадим так этим гадам, что в земле им мало будет места.

В общем, жизнь проходит своим чередом. Время уходит, годы проходят, все лучшие годы. Как хочется еще пожить, побывать дома, повидаться с вами, а вот только в том беда, что война эта не кончается. Когда уже ей конец-то будет!

Но я думаю, что уже не так далеко осталось, только добить зверя в его собственной берлоге.

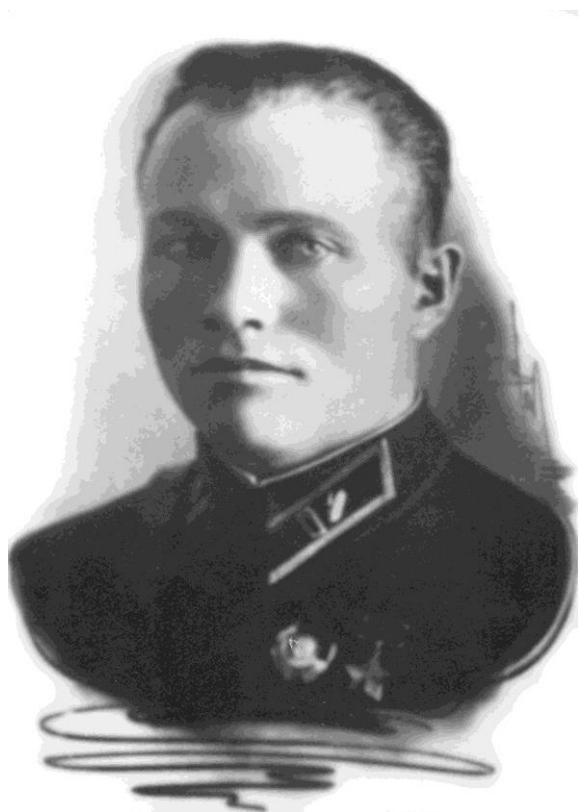
Нюра, я там писал тебе стишок «Ночные думы», напиши, получила-нет то письмо. Еще напишу стишок, только тогда, когда будет такая обстановка жизни, про которую там говорится.

Писать кончаю. Пока до свидания. Жду от вас писем. Остаюсь жив-здоров. Крепко целую, ваш муж и папа Сережа.

20 декабря 1944.

ОТОМЩУ НЕМЕЦКИМ ЗВЕРЯМ!

А ты опять письмо черкни
Без запятых, без многоточий.
Прощай. Иду на бой. Храни
Свою любовь, как я платочек.
Николай Попов

Федор Яковлевич Спехов родился в 1905 году в деревне Верх-Речки Очерского района. В Красную Армию призывался на срочную службу в 1927–29 годах. После увольнения в запас работал в колхозе, однако в ноябре 1931 года он вновь добровольцем ушел в армию на сверхсрочную службу: окончил школу младших командиров, затем – курсы командиров взводов на Дальнем Востоке.

Во время конфликта с японцами на Халхин-Голе наш земляк воевал в составе отдельной роты боевого обеспечения 6-й танковой бригады. Грамотный и инициативный старший лейтенант был на хорошем счету у командования, в том

числе у Г. К. Жукова. Вот что писал о подвиге Спехова в боях на Халхин-Голе бывший командир 207-го отдельного разведывательного батальона Герой Советского Союза Г. Н. Рокотов:

«Во время наступления особенно самоотверженно действовала рота Спехова в составе семи огнеметных танков Т-26. Танкисты сеяли в стане врага панику и выжигали самураев из самых глубоких нор. Только в бою 22 августа рота уничтожила 4 противотанковых орудия, 6 пулеметов и много живой силы» («Военный вестник», 1969).

За храбрость и находчивость в этом бою Федору Спехову 17 ноября 1939 г. было присвоено звание Героя Советского Союза – первому в Очерском районе.

Герои Советского Союза старший лейтенант Федор Яковлевич Спехов, старший политрук Александр Васильевич Котцов, капитан Григорий Яковлевич Борисенко и капитан Василий Алексеевич Копцов у танка БТ-7. Халхин-Гол, 1939 год

В годы Великой Отечественной войны Спехов также отважно сражался с фашистскими оккупантами. Так, 24 ноября 1942 года при прорыве укрепленной полосы противника в районе деревни Кузьмино танк Спехова был подбит и загорелся. Раненый осколком снаряда, Спехов сумел выбраться из машины и сразу же возглавил атаку советских пехотинцев. Укрепленный узел противника был взят, боевая задача успешно выполнена.

Федор Спехов проявил героизм при освобождении Львова, в боях под Карпатами, на территории Польши. Ему не раз поручалось командование передовым отрядом, случалось, он заменял в бою раненого командира бригады. Спехов умело организовывал разведку, обеспечивал выбор наиболее правильных маршрутов для наступления.

В боях за местечко Заршин гвардии майор Спехов с небольшими потерями овладел важным железнодорожным узлом. У деревни Синяево его передовой отряд форсировал реку, отбил несколько контратак противника и удержал плацдарм до подхода основных сил.

В Очерском краеведческом музее хранятся два письма Федора Спехова своей жене Александре Алексеевне. В них автор ничего не рассказывает о кровопролитных боях. Федор Яковлевич беспокоится о своих родственниках и бывших сослуживцах, которых война разбросала по всему свету. Он сильно переживает о гибели брата жены Александра и клянется отомстить

за него. И сейчас можно уверенно говорить – гитлеровцы дорого заплатили за смерть родственника и еще многих и многих боевых друзей Спехова. Ведь Федор Яковлевич был одним из самых искусных танковых командиров Красной Армии.

«Молотовская область, завод Очер, Революционная улица, дом № 42, Спеховой Александре Алексеев.

Адрес отправителя: Иваново (областной), почтовый ящик № 2, 1 корпус, 1 отд, Спехов.

29.1.42 г. Добрый день, Шура. Шлю свой сердечный привет. Шлю по приветам детям Зине и Сереже. Я хотел побывать дома, но не разрешили, а сейчас уже вылез из больницы и на днях уезжаю в часть, так что письма мне пока не пиши. Шура, если будут у тебя на мое имя письма от Кочетова, Денисова, Богатырева, то пошли мне, когда получишь от меня адрес.

Пока до свидания. Спехов»

«8.10.43 г.

Добрый день, здравствуй, Шура. Шлю тебе свой сердечный привет и желаю успехов в работе и хорошей жизни. Еще шлю привет дочери Зинаиде Федоровне и сыну Сергею Федоровичу. Шура, ты пишешь, что убили Шурика, да, очень жаль, но что же, на войне все бывает, а за смерть Шурика я еще сумею отомстить немецким зверям. Много они наделали на нашей русской земле. Я своими глазами видел, как они издеваются над мирным населением, как убивают ни в чем не виновных стариков, женщин и детей.

Шура, я получил письмо от Павла, получил письмо от Николая, получил письмо от Павла Константиновича, веду переписку с Алексеем Андреевичем. Как видишь, сколько разыскал своих братьев и со всеми переписываюсь. Обо мне не беспокойся, живу не плохо, жив и здоров.

Пока все. Пиши, как живешь, учатся или нет ребята. Привет всем родным и знакомым. До свидания. Твой муж Спехов Ф. Я.»

Немногим более чем за месяц до капитуляции Германии в бою под деревней Диртель 1 апреля 1945 года Федор Яковлевич погиб. Гвардии подполковник Спехов с воинскими почестями был похоронен на Холме Славы в г. Львов, в освобождении которого он принял самое непосредственное участие. При входе на Аллею Героев, где покоится прах Спехова и других офицеров Красной Армии, стоят бронзовые скульптурные изображения ор-

дена Отечественной войны с надписями на русском и украинском языках: «Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины». Так потомки отблагодарили героев, избавивших их от фашистского ига.

Могила Ф. Я. Спехова в г. Львов

Однако в 21-м веке память перевернулась с ног на голову. Теперь Холм Славы местные жители называют «музеем вандализма». По словам зампреда антифашистского комитета Украины Александра Калынюка, средства на сохранение и восстановление мемориала львовская власть не выделяет с момента независимости – с 1991 года. Это притом, что комплекс регулярно, с нарастающим размахом уничтожали и разворовывали вандалы. Памятник другому уральцу – легендарному разведчику Николаю Кузнецову – осквернили негодяи-националисты. И таких преступлений было зафиксировано более десятка. Однако все расследования заканчивалась одинаково – преступников никогда не находили и не наказывали. Особенно циничными в данной ситуации выглядели действия местных властей. Средства, которые выделялись из бюджета Львова на сохранение и восстановление воинских захоронений уплывали... на строительство памятников бандеровцам, на сооружение роскошного монумента войкам эсэсовской дивизии «Галичина».

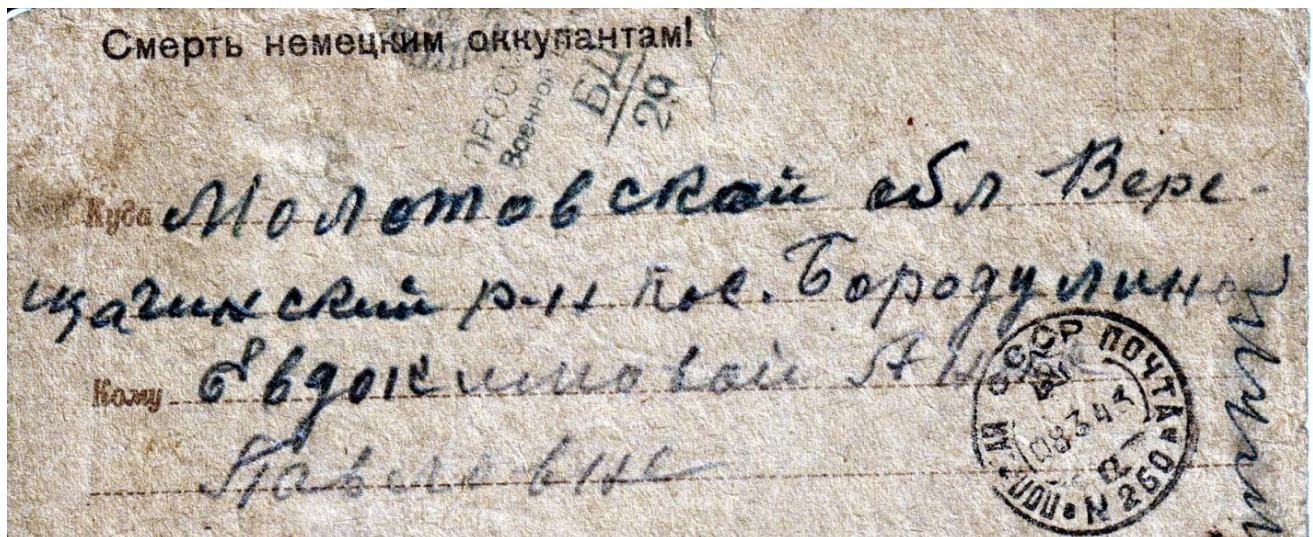
А на родине Федора Спехова помнят и гордятся Героем-земляком. В Очере, за рекой есть улица, названная его именем. О подвигах бесстрашного танкиста публикуются очерки в СМИ, о них рассказывают посетителям Очерского музея, обсуждают на уроках мужества в школах.

«УДИВЛЯЮСЬ, ЧТО ДО СИХ ПОР НЕВРЕДИМ»

...Война – это грязных, разбитых дорог колеи;
Бесприютные звезды окопных ночевок;
Это - кровью омытые письма мои,
Что написаны криво на ложе винтовок;

Владислав Занадворов
(погиб под Сталинградом в 1942 г.)

Евдокимов Федор Евдокимович, 1897 г. р., ст. Бородулино Верецагинского р-на. Призван в 1941 г. Рядовой. Погиб в бою 18 декабря 1943 г. Похоронен 500 м юго-восточнее д. Старая Буда Чаусского р-на Могилевской обл., Белоруссия.¹

Небольшая речушка Проня, несмотря на свои размеры (едва ли шире реки Очер), прочно вошла в историю Великой Отечественной войны. Дело в том, что почти девять месяцев – с октября 1943-го по июнь 1944-го – здесь «стоял» весь советско-германский фронт. Жестокого накала бои не приносили заметного успеха ни нашим, ни немцам, однако обе стороны несли жуткие потери. Десятки тысяч бойцов Красной Армии навеки остались лежать в Витебской и Могилевской земле, в их числе и жители Очерского района: Антип Баталов из д. Харята, Афанасий Семашко и Николай Нохрин из Очера, Леонид Азанов из д. Петрованово, Иван Юрков и Геннадий Мишланов из Павловского, Василий Шардаков из Ниж. Талицы, Семен Родин из д. Петраки, Григорий Поносов из Киприно, Иван Попов из Кули-

¹ Книга памяти 1941-1945. Очерский район. – Т. 3 – С. 852.

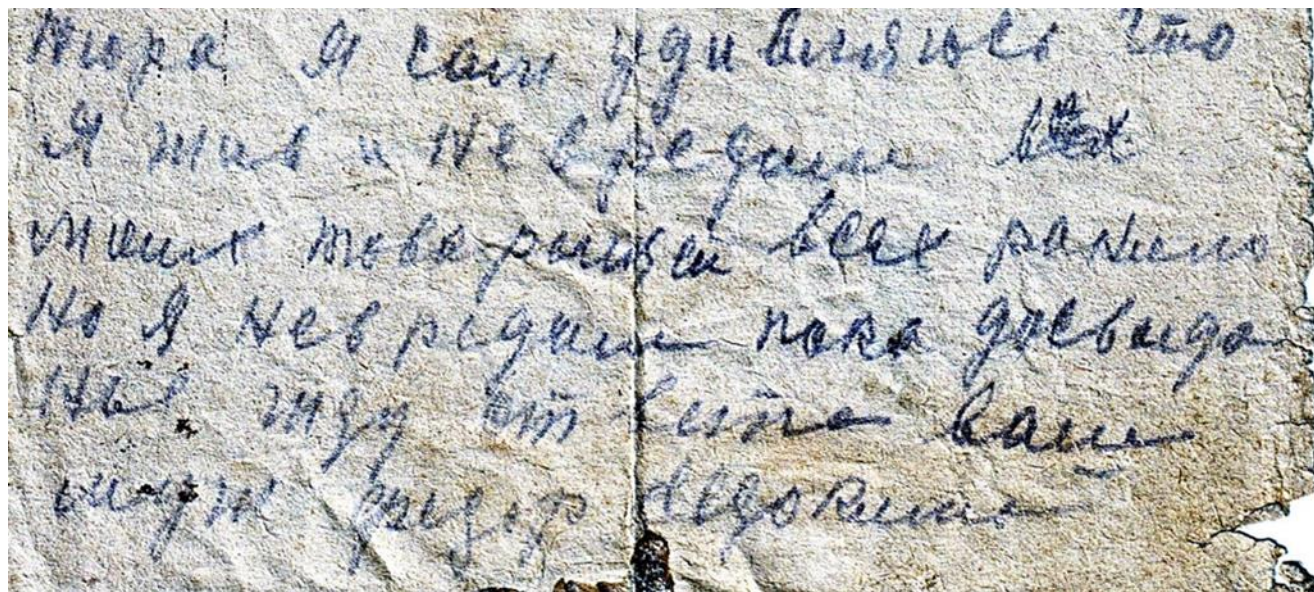
ков, Константин Носков из Спешково, Федор Костылев из д. Пророки, Гавриил Гладков из д. Полино, Алексей Бородин из д. Зеленьята...

18 декабря, в самый разгар наступательной операции по захвату плацдармов на Проне погиб в бою санинструктор 692-го полка 212 стрелковой дивизии уроженец д. Струны Федор Евдокимов.

Федору Евдокимовичу на момент призыва в Красную Армию было уже 44 года. За его плечами – большой трудовой путь от простого плотника до экономиста-плановика на станции Бородулино Верецагинского района. Сначала он воевал на Северо-Западном фронте. Затем, после краткосрочных курсов младшего медперсонала, был направлен на службу в 212-ю дивизию. Федор Евдокимов участвовал в Курской битве, форсировании р. Жиздра, Смоленской наступательной операции, в освобождении городов Рославль и Кричев.

Внучка фронтовика Елена Викторовна Рудометова сохранила два письма Федора Евдокимова из Действующей армии, которое тот прислал своей семье в 1943 году, когда воевал еще в 87 полку 26-й стрелковой дивизии.

«20 января 1943 г. Добрый день милая семья: жена Нюра Павловна, дети Витя и Володя.

Нюра Я сам удивляюсь что
Я так и не срезаю ~~век~~
мнек тебе рапорт все равно
Но я не срезаю пока не увижу
Нюра от сына Васи
Федор Евдокимов

Шлю я вам свой сердечный привет и сообщаю, что я пока жив и невредим. Мой адрес смотрите на обороте. Я от вас писем уже 2 месяца не получаю, но и я вам пишу редко, потому, что некогда. Гоним Гитлера с нашей земли. Нюра, я сам удивляюсь, что я жив и невредим, моих товарищей всех ранило, но я невредим.

Пока, до свидания. Пропиши, дома или нет Федор Васильевич (муж сестры жены). Жду ответа, ваш муж: Федор Евдокимович.

Молотовская обл., Верецагинский р-н, поселок Бородулино, Евдокимовой Анне Павловне».

«6-го марта 1943 г. Добрый день многоуважаемая жена Нюра Павловна и милые дети Витя и Володя.

Шлю я вам свой сердечный привет и заочный поцелуй и сообщаю, что я от вас получил 4 марта 2 письма, которые вами писаны 19 и 20 февраля и за которые вас сердечно благодарю. Дальше сообщаю мой адрес: Полевая почта 250. Часть № 328 Евдокимов Ф. Е. Ну, пока, до свидания. От сего письма остаюсь жив и здоров и невредим, того и вам желаю. Витя, в твоих письмах я получил два листа бумаги для писем. Витя, пиши письма, и сообщайте ваши новости. Сообщайте, есть, нет письма от Годовалова, от Тюнева и Устина Григорьевича. Ваш муж: Евдокимов Ф.Е.»

К сожалению, следующей вестью с фронта была казенная бумага, самая ненавистная почтовая корреспонденция – похоронка...

Извеще
Ваш муж Красноармеец
Евдокимов Федор Евдокимович
Уроженец Молотовской обл. Верецагинского р-на
в бою за Социалистическую родину, проявив
воинской мужество и героизм с
своей смертью
18 декабря 1943 года
похоронен деревня Буда Сусского р-она
Молотовской области

ГЕРОЙ ВОЙНЫ НЕЗНАМЕНИТОЙ

Шахтаров Константин Иванович. РСФСР, Молотовская обл., Очерский р-н. Призван Кагановичским РВК. Рядовой 5-го лыжного батальона 11-й стрелковой дивизии погиб в бою у г. Питкяранта 7 февраля 1940 г.¹

Стоит отметить, что многим очерцам пришлось взять в руки оружие задолго до памятного дня 22 июня 1941-го. В 1936-38 гг. в составе добровольческих интернациональных бригад в Испании дрались с фашистами Николай и Петр Поповы из д. Пахомово. На Хасане и Халхин-Голе бились с японскими самураями Александр Носков из д. Бритни, очерец Иван Кулындышев, Илларион Путин из д. Лужково и многие другие. Сотни наших земляков были призваны на войну с Финляндией – войну непопулярную и незначительную, как ее сейчас называют некоторые историки.

Константин Шахтаров родился и вырос на приполярном севере, на берегах реки Печоры (в Очер его семья переехала в конце 20-х годов XX века. – прим. ред.). С юных лет охотничал: бил белку в глаз, а, случалось, и в одиночку ходил на медведя. Бойко ходил на лыжах, прекрасно ориентировался на любой незнакомой местности. По национальности коми-зырянин, Костя легко изъяснялся на любых финно-угорских наречиях.

¹ Книга памяти. Финляндия // Пермский государственный архив социально-политической истории : сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.permgaspi.ru/db/finland>.

Когда грянула война с белофиннами, он понимал, что его опыт может сильно пригодиться в непростых условиях, с которыми столкнулась Красная Армия в стреляющей глуши Карелии. Как незаменимого специалиста – мастера-бурильщика, поначалу его не хотели отпускать на войну, но Константин Иванович настоял. Физически сильного, выносливого очерца зачислили в отдельный лыжный батальон, сформированный из жителей Молотовской области – спортсменов-динамовцев, курсантов ОСОАВИАХИМа, воинов запаса, проходивших действительную службу на севере СССР. Батальону ставились маневренные задачи – разведывательные рейды, быстрые марши по непроходимым сугробам, обходы и охваты противника, неожиданные удары по финским тылам и штабам.

Родные вспоминали, что Костя уходил на войну в бодром настроении, шутил, ни в какие предчувствия и предрассудки не верил. На фронт Шахтаров прибыл в январе 1940-го, когда Красная Армия уже пришла в себя и не несла бессмысленных потерь, упорно штурмуя неприступные глыбы линии Маннергейма (в инженерной подготовке наступающих войск, обеспечившей решающий успех нашей армии, главную роль сыграл наш земляк Аркадий Федорович Хренов. – прим. ред.). Началось планомерное наступление – белофиннов постепенно выдавливали подальше из приграничных районов, «выкуривали» из железобетонных укреплений, точными выстрелами снимали с елей безжалостных снайперов-«кукушек».

«Здравствуйте все!

Уже месяц прошел с тех пор, как меня взяли. 23-го принял первое боевое крещение, 26-го второй раз участвовал в бою – много было делов... Приехал я туда же, где раньше служил, по тем же дорогам везли.

Прошли только 10 километров – отступая, финны все вокруг сожгли, поэтому четвертый день живем в лесу у костра в палатках. Мой товарищ из Перми (в тексте именно Пермь, а не Молотов. – прим. ред.) Балабанов ранен.

Пишите. Всем бурильщикам огромный привет.

01.02.1940 г. Действующая армия, второй сортировочный пункт, 5-й лыжный батальон».

Это письмо было первым и последним. Через неделю красноармеец Шахтаров погиб в ночном бою у карельского местечка Питкяранта. Перед

самым уходом на фронт в мужском разговоре с родным братом Павлом Константин Шахтаров предвещал:

«Это еще не война, это – репетиция. Финны – противник, конечно, серьезный, шапками его не закидаешь. Но все равно ни в какое сравнение не идет с коричневой чумой фашизма, с которой тебе, Паша, и мне, если вернусь, и всем нашим друзьям – и даже их сынам – очень скоро придется схватиться в смертельных объятиях».

Здравствуйте все!
Уже месяц прошло с тех пор как
меня взяли, до 10 июня, первое боевое
участие. 10-го вечером раз
участков, много было делов.
Приехал я туда же где и
раньше служил, но тем же
дорогам везли, только несильно
10 километров проехали дальше
всех уехали. С четвертого дня
живем в лесу у костра в шалаше
Мой товарищ из Перми Балабанов
Юрий. Пишите Ваське письмо
передайте всем. С уважением
привет.
1/II 40 г.
адрес
Действующий артилл
2-й сортировочный пункт П.П.С. 111
Митный батальон.

О ДНЯХ-ПОЖАРИЩАХ, О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Александр Васильевич Нецветаев родился в 1898 г. в с. Андреевка Оханского уезда. Работал фотографом, затем инструктором по трудовому воспитанию в Очерском детском доме. Он учил детей резьбе по дереву, изготовлению муляжей, составлению гербариев, коллекций насекомых, организовывал туристические походы по изучению родного края. Эта работа положила начало созданию в Очере краеведческого музея.

Нецветаев был прирожденным ученым и педагогом. Но жизнь распорядилась так, что свои «университеты» он проходил в окопах трех войн. Александр Васильевич был призван на фронт в 1942 году сержантом медслужбы. В дни войны он делал дневниковые записи и отсылал в Очер жене Вере с просьбой сохранить до его возвращения. Когда кончилась война, он стал фиксировать в тетради эпизоды из военной жизни, а по приезде домой подшил в эту тетрадь и письма-дневники.

В автоаннотации к мемуарам свою военную «одиссею» Нецветаев представил одним абзацем: «Мобилизация. Я – под Орлом. Кривой Рог. Ранение. Госпиталь. Лечился в Днепродзержинске. Бендеры и Тирасполь. Форсировали Днестр. Опять ранения и контузия. Одесса, госпиталь. Курсы при госпитале. Бессарабия. Румыния. Констанца – румынский порт на Черном море. Дунай. Балканские горы. Получил орден «Красной звезды». Реки: Морава, Тисса, Драва. По глубоким тылам. Переодетые. Пистолет, кинжал, гранаты. Связь с партизанами и со своей частью по радио. Позывной «шир-

ма». Сербы, болгары и югославы – свои. И так до озера Балатон. 8 мая, г. Грац. 9 мая: танкисты, мотоциклисты и разведка заняли город. Белые флаги везде. 25 мая, горы Альпы, власовцы».

Предлагаем вам несколько ярких фрагментов из этого дневника.

Где же вы теперь, друзья-однополчане,
боевые спутники мои?

- дима похарищат,
- гришка – товарищ...

<...> 12 января 1942 года я получил из очерского военкомата извещение о явке для прохождения воинской службы. В этот день для детей у нас была устроена елка. Праздник детей мы не нарушили. Целый вечер я просидел в углу на мягком кресле и все смотрел на детей.

Вскоре дети разошлись. Своих малышей уложили спать. Вере стала собирать мне вещи, нужные для походов. Меня отправила спать, сама гладила одежду и тихо плакала, горькими слезами смачивала... Я не спал и видел всю эту картину. <...>

Длинной вереницей тянется обоз от военкомата до деревни Лужковой. Вера провожала на козлах до артели «Работник». Улицы были заполнены народом, все выкрикивали наилучшие пожелания. Директор педучилища Николай Александрович Деменев подбегает ко мне, старой рукой жмет мне руку. Учителя машут. Все взволнованы, все болеют душой.

Вера осталась на угоришке у кладбища. Она плакала и беспрестанно махала платком до тех пор, пока мы не скрылись из виду. Мы смотрели на Очер, пока не скрылись от нас родные дома.<...>

13 января 1943 года наше подразделение поехало на фронт. Я был в городе, меня вызвали по телефону. Я явился, за полтора часа собрался и скоро был уже в поезде, едущем на фронт.

Нас провожал наш клубный духовой оркестр. В это время шел поезд из Ленинграда с эвакуированными жителями. Поезд шел тихо. Оркестр играл, и вдруг один из музыкантов в открытых дверях теплушки увидел свою жену и детей. Он бежал с трубой рядом с поездом, жена ему кричала, он все бежал. Детей он недосчитался. Жена плакала. Поезд пошел быстрее, развивая скорость, и наш музыкант опять остался один. Куда едет его семья, он так и не узнал в это время. Это была целая драма...<...>

Я ехал по разоренным, нищим местам нашей Родины. Так мы добрались до Кривого Рога (правда, последние 150 км шли пешком). Несмотря на бомбардировки, советские люди быстро восстанавливали города и дороги. Ничего не держало Красную Армию. <...>

За Кривым Рогом в местечке Красные Поляны мы заняли первую оборону, укрепились и пошли в наступление. При выполнении задания командира меня ранило в грудь.

Словно кто колом меня пришили к земле! Меня обожгло. Чувствую: кровь течет из меня. Она уже забралась в рукав, силы оставляют, в глазах мелькают цветные полосы.

Я собираюсь с силами. Расстегнув ремень, поднял его выше и перетянул по полушубку против раны. Кровь пошла меньше. Веки ослабли, закрываются глаза, и я вижу: родные лица исчезают, на горизонте закатывающееся солнце, полетели на нас немецкие самолеты и начали бомбить. Я прощаюсь с солнцем и жизнью. И теряю сознание.

Чувствую, что кто-то гладит меня по голове. Я очнулся. Передо мной стоит молодая красивая сестра, вся в слезах. От нее я узнал, что меня взяли ночью с поля битвы, без сознания донесли до вагона и за ночь увезли в г. Днепродзержинск, разместили в госпитале, оказывали помощь и приводили в сознание. Приведя кого-нибудь в сознание, медсестры радовались и плакали <...>

(Из письма жене Вере, так и не отправленного)

...Получил письмо от тебя, пишешь: «Ну, вот и праздник пришел. Дети ждали его особенно. Я пекла шаньги и пироги. Они были довольны». Несколькими твоими фразами сразу воскресили в памяти моей далекое-далекое детство.

Как жаль, что нас война так жестоко разлучила, как мне хочется побывать в праздник около детишек, в кругу родных, неужели я не заслужил у судьбы всего этого? Пожалуй, что горя в царскую и гражданскую войну я видел немало. И вот по возрасту мне чуть не полвека, и снова – в серой шинели. Мне не жаль себя, жаль детей. Хотелось бы детям кое-чего передать по садоводству, по фотографии, по изготовлению муляжей, но война спутала все. Делай, Вера, детям детство золотое, все же я вернусь, и воспитаем их вместе...» <...>

«Привязала я к сабле казацкой,
Чтобы помнил, мой алый платок,
До свиданья, родной, я не плачу,
Знаю, путь твой нелегкий далек.
А вернешься – я теплой ладонью
Проведу по смолистым кудрям.
За Кубань, за родное Придонье
Мсти, любовь моя, лютым врагам...»

Поют мои товарищи. Мерцает огонек, густыми клубами идет дым из моей трубки. Сколько дум передумано у старого солдата... Какие хорошие русские песни: душевные, родные. Товарищи поют вполголоса, гудят густые басы, красиво выводит тенор. Поют и думают. У каждого есть своя думка про жену, про мать, про детей. Клубится дым махорочный. Смотрю на небо, а оно синее-синее. Звездочки горят. Вот нахожу ту, которую ты мне, Вера, показала. Тебя вспоминаю, милая моя Вера, милые мои детки. Да, путь наш нелегкий. Будет время, и я вернусь домой к вам, к мирному труду. А пока впереди еще много фронтовых дорог...

Поют товарищи. Под песню вспоминаю жаркий бой, земля колыхается, немцы в панике отступают. Вдали слышится: «Ура!» Лязг железа, шум моторов на земле и в воздухе. Я подползаю к раненым, оказываю первую помощь и стаскиваю их в «гнездо раненых». О них я заботился как отец – все они родные. Недаром меня в части все называли батей. <...>

При занятии нами одного населенного пункта я забежал во двор и слышу раздирающий душу крик: «Детей, детей не трогайте, проклятые изверги!»

Я оглянулся. У двери, ведущей в погреб, стояла женщина и закрывала собой вход. Обомлевшая от испуга, пережившая при немцах все ужасы, она, увидев меня, радостно бросилась на шею. «Русские! – вскрикнула она. – Родные наши!»

Она рассказала о зверствах немцев. При отступлении фашисты забегали в хаты и прикалывали штыками детей и женщин. Мы спустили в погреб и извлекли оттуда пятерых детей, перепуганных, но живых. В порыве благодарности женщина вытащила откуда-то кувшин молока и все приговаривала: «Пей, родной, пей... Спасибо вам – освободили». <...>

Здесь я впервые убедился, что немцы боятся русского штыка. Большинство из них сразу бросились бежать. Вспомнил тут я, как воевал в первую войну с немцами, да еще в Гражданскую с врагами Родины.

–А ну-ка, штыком по-русски!

Вот бежит долговязый фриц, он беспорядочно стреляет из автомата и что-то дико орет. Я вижу его вылезшие из орбит белые глаза, даже слышу частое дыхание, как у загнанной паршивой собаки.

– Получай, гад! – крикнул я и вонзил ему штык в пузо. Он заревел, как бык, выронил автомат и крепко схватился за мою винтовку. В это время мой сосед крепко стукнул прикладом ему по зубам. Свалился гад.

Хорошо мы поработали тут и штыками, и прикладами. Никто из проклятых фрицев жив не ушел. <...>

Ехали мы на юго-запад к Одессе. Я видел картинку, как Немец бросал громадную технику, но русские все это опрокинули. Оставались груды скелетов машин и танков.

В Одессе нас встретили как родных. Люди бежали рядом с нами. За Одессой, в селе Нерубайское немцы снова показали свои зверства: расстреляли мирных жителей, идущих из церкви. Священника поймали и отрезали ему нос. Разбежавшихся людей добивали по дворам и квартирам. Было жутко смотреть, особенно на убитых престарелых и детей. <...>

Был зной. Море пыли. Пыль топтали, мяти колесами машин, пыль вилась в воздухе и под рубашками, дышали ей. Это была Молдавия и Бессара-

бия, страна цыган, которую хорошо описывает Пушкин в стихотворении «Цыганы».

По Румынии мы все шли пешком, и как победители наши требовали от румынских солдат и офицеров первым нас приветствовать. Они вели себя как побежденные. <...>

От города Истра до Шумена мы зашли как-то ночевать в один поселок. Он оказался турецким. Здесь русских еще не было. Мы нашли голову (начальник поселка) и спросили о квартире. Голова нас увел к одному турку, которому наказал, когда мы переночуем, чтобы тот сказал ему о нашей отправке.

Весь турецкий поселок собрался к нам. Жители несли свои угощения: перец, арбузы, дыни, виноград, помидоры и другие фрукты. Голова объявил нам, что весь поселок отвечает перед ним за наш покой. <...>

В Югославии за город Зайгард были жестокие бои. Наши сюда подтянули массу артиллерии, «Катюши» и «Андрюши», которые били около нашего подразделения. Земля тряслась. В воздухе был сплошной гул. В боях за Зайгард принимали участие югославские партизаны. Двух наших товарищей убило, двух ранило, мне прострелило ремень. Наконец город был занят нашими.

Жители нас встречают как освободителей. Народ бежит к нам, машет красными флагами, партизаны и партизанки нас обнимают и целуют, называя нас братушками.

Город сильно разбит. Мы заехали в один двор. В здание упал снаряд. Здесь были двенадцать выючных калмыцких лошадей, от снаряда все рухнуло, все двенадцать убиты. У которой нет головы, ног или вся разорвана. Другой снаряд упал во двор, ударился о ствол дерева и разорвался. Все, что было живое, убито воздухом: куры, гуси, утки, рогатый скот – где кто был, тут и пал.

Тысячи немецких трупов. Тысячи итальянских пленных с бирками на груди. Сдались нам и шли в наш тыл. <...>

Мы продвигались к Белграду, немцев разбили. То тут, то там бродили разрозненные кучки немцев. Одна такая банда зашла в поселок. Забрались в больницу, отобрали у больных табак и хлеб, девушек заставили мыть им ноги. В это время въехали мы. Нас встретили, приветствовали и привели этих немцев. Местные требовали немцев тут же расстрелять.

Рассул Купаев отвел семь немцев к какой-то яме, расстрелял из автомата. Немцы пали в яму. Люди кричали: «Смерть немецким оккупантам!»

Мы поехали дальше. Люди вооружались кто чем мог и большими колоннами вместе с нами двигались к Белграду, тысячи людей шли железным потоком. Пожилые мужчины, женщины и подростки, у всех на лицах – благородная ярость.

До Белграда железный поток все увеличивался. Люди, прячась от немцев, жили в горах и ждали Красную армию. Горе оставшимся немцам! Их били вручную, за одним каким-нибудь фрицем охотились десятки югославов. Всюду можно было видеть сотни немецких трупов. <...>

У нашей кобылы родился жеребенок. Он нам был лишний. Кто-то предложил его пристрелить. Рассул Купаев за него заступился и побежал искать хозяина, у кого есть дойная корова, и взял слово с хозяина, что он жеребенка вскормит.

Только тогда Рассул успокоился. Мы его расспрашивали:

– Какой-то ты, Рассул, странный! Семь немцев расстрелял – не моргнул, а жеребенка застрелить не дал?

– Жеребенок ни в чем не виноват, а немцы – виноваты. <...>

Венгрию прошли через Бездон, Самбур, Батину, Вилана. Остановились в г. Печь. С нами шли югославские партизаны и регулярные болгарские войска, которые были вооружены немцами при оккупации. Выходит, что болгары били немцев их же техникой. Всюду по дороге и на улицах г. Печь лежали трупы убитых немцев.

В г. Печь сделали остановку. Местные жители, убегая от нас, прятались. С немецких самолетов сбрасывались какие-то металлические полоски, длинные, как нитки. Они летели и в воздухе таяли, попадая на корм лошадям или в водоемы – это все отравлялось. Были приняты все меры предосторожности. Здесь были организованы бани, санпропускники и прачечные, люди отмылись от въевшейся в тело пыли и отдохнули. Устроились в квартире мадьяр. Они были голодные. Мы им давали продукты, много. Скоро они к нам привыкли. Как-то мы собрали всех жителей этого дома и поставили им угощение. Они были очень довольны. Мы пели русские песни, они слушали. Потом попросили мадьяр что-нибудь спеть, они долго советовались и наконец запели. К нашему удивлению, запели «Из-за острова на стрежень» – но слова свои, а мотив наш. <...>

Церковно-архивиз Сталинград брочина

Сир-76 французи едн два

2 рази

Сталинград брџина

III русна прыдуаты хунд немца убил

Сиртѣ францужу еси гва

2 рази

Немешка убина.

Дитлера Хебелса забочена знава

Сироты грамузину есиу гба

27074

Заболела млава.

Наскільки адекватно інтегрується інформація

Сиротъ французскъ ежен, глв

2092

Им зашто пропала.

Директор музея / имени князя мемориализм

Смешанное производство с/х, г/х

2 pages

Милей нам теплотами.

Партызам Крэйска сьня зямля брава

смерть французам едем, збл

2400

свою жизнь брали.

До Белграда немцуні потік все збільшувалася
поки представили ої немцї зими в ораф и не-
ли красну армию. Торе ої ставили немцї
из били в ружу за о дини какии нїбѣ немцї
оформили деякии розскавоѣ, Всподу можна били
видѣти сотїи немцуні тїрпотоѣ

У нас же: Ковили родились жеребенок. Он нам был
лишний. Кто то предложил его пристроить
Рассеи Китаев за него заступился и победил некар
жозина у кого есть дойназ короа и взял слово
с жозина что он жеребенка выкупит. Только тогда
Рассеи успокоился. мы у него спросили какой ты Рассеи
отракий? сын немцев. настроен не морить а же-
ленка заступит. не дал. Жеребенок ни в чем виноват
а немцы виноваты.

В районе Кишваема немцы вздумали перейти в наступление, и несколько танков прорвались в село. Капитан командир видит, что его роте угрожает опасность. Он выходит без фуражки навстречу танкам и поднимает руку – так обычно останавливают машины – и идет под первый танк. В нескольких шагах танк встал. Из него вылез немецкий офицер с пистолетом в руке.

Капитан подошел к танку и объявил офицеру, что оружие нужно убрать в кобуру, а то он будет вынужден тоже достать свое. Офицер убрал пистолет и стал предлагать шнапс. Капитан отказался, мотивируя тем, что у него во фляжке есть русский спирт.

Наш капитан начал такой разговор: «Зачем вы едете, ведь войне капут и ехать не нужно! – И сделал вид, что удивлен тому, что немцы ничего не знают о конце войны. – Заворачивайте танки обратно».

Немцы поверили. Развернулся первый танк, за ним еще семь – и скрылись за холмом. Капитан собрал своих солдат и отвел их в безопасное место, где они смогли занять оборону. Немцы, узнав о том, что они одурачены, снова пошли в наступление, но было поздно – их встретили огнем. <...>

Здесь Сережа Лобарев рассказал, как он попадал немцам в плен. Это случилось в селе Султан-Салы в 12 км от г. Ростова. «Нас собрали, – говорит он, – в большой русский лагерь военнопленных, сразу все отобрали».

Отобрали все продукты – потом этими продуктами их и кормили. А когда они закончились, стали давать по стакану подсолнухов на один день, или овса, а то ячменя. Было очень голодно.

Пришел палач из офицеров и стал рассказывать о вреде евреев и что нужно их убивать. Стал спрашивать, кто из них еврей. Никто не признавался, тогда он стал выбирать по внешнему виду.

Так отобрали людей, похожих на евреев, и на глазах других пленных их расстреляли. Тут же расстреляли русскую девушку, которая делала пленным перевязки и подбадривала раненых. Она ходила от одного к другому и пела им песни. Смысл ее песен понял один часовой, и ее расстреляли. Так погибла неизвестная девушка-герой. А сколько таких людей погибло?

С одной из работ Сережа убежал из-под стражи и у хороших людей дождался Красную армию. <...>

К. рассказал, как он раненый был подобран украинской девушкой, и она его перетасила к себе и ухаживала за ним. Но местечко заняли немцы, она успела его спрятать в печь, там он и лежал. А немцы жили несколько дней в этой квартире. Сколько было переживаний у этой украинки! Он все лежал в печи, в соломе, приготовленной для топки. Вскоре русские заняли территорию, и она его сдала в госпиталь. <...>

Мне нужно было сделать красноармейцам уколы против столбняка. Ходил по пустым разбитым домам, собирал посуду. Все тихо, чувствуется, что здесь еще недавно жили люди. Вот полстены уцелело, висят часы, равномерно качается маятник. Вот детская кроватка, засыпана кирпичом и штукатуркой. На стене висит детское платице, на столе – остатки обеда. Видно, что люди, все побросав, быстро убежали. Где они? Что с ними? В огороде встретила меня собака. Посмотрела, повиляла хвостом и юркнула в гусятник. Заглянул туда – а там маленькие щенки, только начинают смотреть. При свисте снарядов и пуль они прижимаются к земле и тоскливо скулят.

Торопясь, пока не стреляют, я прикатил к своей квартире железную бочку. Замаскировав ее, налил из колодца воды, в другой бочке развел дезинфекцию. Пробил дыру для стока воды. Под бочками развел огонь, замаскировал его – и баня готова. Солдаты моются. Перестрелка идет, как и всегда. Я со своей баней за каменной стеной.

На прилегающую к нам дорогу полетели немецкие мины – немец заметил несколько русских бричек. Мне товарищи крикнули: «Батя, берегись, убегай с места, сейчас мины будут и у тебя!»

Я крикнул в баню, все мы быстро запрыгнули в сделанный под домом блиндаж. Коля Шамшнев и еще кто-то, не помню, заскочили совсем голыми, захватив с собой автоматы. Козырь-повар юркнул в свою кухню. Пронзительный треск осыпающихся мин уронил на нас землю. Подводы скрылись в кустах, после чего все стихло.

Мы вылезли из блиндажа. Кто в баню, ругаясь – помыться спокойно не дают, – кто спать. Я подбежал к бочке, из нее текла вода. К нашему счастью, пробоина был вверху, я законопатил ее тряпками. Зашел в кухню. Она вся была засыпана осколками. Козырь-повар, ругаясь, вылавливал сор из супа:

- Смотри, доктор, чуть суп-то не испортили...
- А ты почему в блиндаж не убежал?

— А что, по-вашему, надо, чтобы суп пригорел, и ребята голодными остались? Я вот тут в углу простоял. <...>

8 мая приехал наш шофер, уверял нас, что кто-то доро́гой его поздравлял с концом войны. Мы радовались, но не верили. Приемник что-то капризничал, и мы нервничали. Наконец, услышали о подписании акта о капитуляции Германских вооруженных сил.

Еще вчера с утра в горах Австрии грохотали советские пушки, трещали пулеметы. Враг бежал в панике. На изгибах дорог, на высоких зданиях по направлению к городу Грац немцами были выброшены белые флаги.

Мы вошли в Грац ночью. На площадях, на улицах грудами лежали винтовки, пулеметы, автоматы и другие боеприпасы. На государственных зданиях, учреждениях висели белые флаги. <...>

Из письма от дочери Руфины, отправленного 15 мая 1945 года из г. Молотов:

«Милый папа! Уже неделю мы живем мирной жизнью. Это еще непривычно... <...> Скоро к нам вернутся наши близкие и родные... Папа милый! Это был такой счастливый и незабываемый день! Накануне (8 мая) все ждали сообщения, на площадях, в скверах толпились люди, ожидая известий. Разошлись, ничего не дождавшись. Долго не спал в эту ночь город. Было радостно-тревожно. Утром (9 мая) разбудил голос диктора. У нас в общезитии творилось что-то невероятное. Целый день на улицах города было торжество. На площадях, скверах, садах танцевали, народ заполнил все улицы. В 11 часов взвились в небо ракеты. Над городом стояло зарево разноцветных огней. А я, папа, за весь день была дома только один раз. Танцевала, пела, гуляла. Пришла домой ночью и не могла заснуть... Возвращайся скорей, папочка, ждем тебя домой. Приезжай! Теперь будем строить мирную жизнь. Заживем, как в предвоенное время! Крепко, крепко целую. Твоя дочь Руфина.» <...>

...И идут по городу бойцы, защищавшие Москву, Сталинград, к ним выбегают юноши и девушки, увезенные немцами из России, они плачут, расспрашивают о родине, поздравляют. Они вчера были невольниками, сегодня стали свободными гражданами. По улицам длинными вереницами, виновато поджав хвост, двигались «завоеватели».

Мы спрашивали по-русски:

– Понимаете?

– Да.

– Вы русских захотели? Вот мы пришли, просим любить и жаловать.

Солдаты складывают кукиш и подносят к носам немецких генералов: «Видал Москву?»

Красная армия ликует! Сколько дней и ночей ждали мы этого часа! Подсчитывать сейчас нет времени. Разве выразить этим числом глубину страданий, высоту наших побед и легендарных подвигов! <...>

За войну я стал в два раза старше, перейдя через сотни смертей. Два ранения, контузия, простреленный ремень, сбита пулей с головы пилотка. Плыл по реке с винтовкой в шинели. Чего только не было за это время! Но я горжусь, что я сын русского трудового народа.

Сегодня праздник, международный праздник! Сегодня и солнце светит ярче, и птички поют веселей, цветы благоухают. Мы обнимаем друг друга, целуем, сердце хочет выскочить, в горле какой-то комок, который проглотить никак не могу, мне хочется плакать, плакать от радости. Знаю, что сегодня вся моя семья вдалеке тоже ликует, представляю, сколько лепету у моих маленьких детей!

Знаю, что Вера сейчас тоже плачет, но не так, как плакала, когда меня провожала. Знаю, что мама сейчас крестится при известии о конце войны. И теперь вся Родина ликует, и всюду чувствуется слава, слава, слава, слава, слава! <...>

Из письма жены Веры от 7 июня 1945 г.:

«...Как мы тебя ждем. Я уже провела генеральную уборку, а телеграммы все нет и нет. В саду все покрылось листвой, слива цветет, на днях распустится цвет у ирги. Я эти дни особо скучаю по тебе, понимаешь, приходится исполнять те работы в саду, которые ты делал и мне все это напоминает тебя и наводит грусть, хочется скорей свидания... О нас не беспокойся, мы живем во много раз лучше, по сравнению с первым годом войны. Валерик нас кормит пистиками, сейчас носит еловые ягоды, там пойдут крупянки, появятся первые овощи и ревень в огороде. Соня много нам картошки скормила, да и денег дает, чтобы прожить от получки до получки. Но мечта у ребят все одна – кушать вволю хлеб с общей тарелки... Целую. Вера.»

Из письма старшей дочери Музы от 23 июня 1945 г.:

«Не могу выразить тебе всей благодарности за то, что ты, старый, несмотря на тяжелые ранения, все же прошел всю Европу и немало, наверно, от тебя досталось немцам, коль тебя наградили орденом. Да, таким отцом можно гордиться! Думаем, что к осени ты будешь дома. И обязательно побываешь у нас, тогда-то мы уж поговорим! Желаю тебе сил и здоровья. Целуем. Муза и Коля.»

Из письма жены Веры от 23 июня 1945 г.:

«Дорогой Шура! Вот это письмо я пишу наверняка последнее. Демобилизация! Как мне нравится это слово! Шура, родной, значит, через месяц ты будешь дома! Через месяц!!! Неужели столько осталось тебя ждать? А тогда – да здравствует мирная жизнь! Тогда и ребята увидят светлое детство, не будут спорить из-за куска хлеба, будут спокойнее, и мы будем смотреть на них и радоваться! Ведь ты их не узнаешь, они выросли, изменились, надо сказать, что они не дураки, прилежные, в садике и в школе числятся в списках лучших... Вера»

Из письма жены Веры от 28 июня 1945 г.:

«Шура, родненький, хоть ты далеко от нас, но забота твоя чувствуется ежедневно, и как будто бы ты близко, ты с нами. Вчера я получила от детского дома 50 кг картофеля – мы теперь богатые! Посадку закончили, теперь нужны только поливка да прополка. Словом, все идет хорошо! У меня теперь нет плохого настроения! Ребята все здоровы, и Руфа лучше себя чувствует, к нам уже в июле приедет. Юля работает в артели «Работник», она помогает бороться с нуждой... Шура, а все же мы счастливые, что являемся гражданами Советского Союза, мы победили! И ты скоро будешь дома.»

Открытка, отправленная Вере 24 июля 1945:

«Дорогая Вера! Ты, наверное, меня уже потеряла? Я обещал приехать раньше, но я еще солдат и задержался, но это ничего, недель раньше, недель позже, но я приеду. Скоро, скоро перед моими глазами заблестит шумный Прут, откроется даль Дуная, на том берегу я увижу родную землю. Люди выйдут к нам с букетами цветов, с фруктами, выращенными на родной земле, заговорят они с нами русским говором. Матери поднимут маленьких детей, показывая им нас, победителей и говоря: «Вот они наши защитники, запомните их!» Весело будет гудеть паровоз, обдавая нас запахом горелого

кокса, весело застучат колеса русских вагонов. Замелькают в окнах родные картины, нивы созревающих хлебов, цветы на лугах, а навстречу им мы будем громко петь песни победы. Из хат выбегут родные русские люди. Я увижу Молдавию с ее обилием фруктов, нивы и степи Украины, мичуринские сады, ширь и даль лесов, полей и рек матушки России. Увижу златоглавую Москву, а потом помчусь далеко, далеко на восток. Я увижу высокие дымящиеся трубы моего родного грозного Урала и, наконец, милые родные лица. Учащенно бьется согретое нахлынувшими чувствами мое сердце. По приезде на Урал мы будем работать, как и воевали. Я обниму вас, родные, и скажу: «Будьте уверены и на трудовом фронте не посрамят мы славы нашей части и светлой памяти товарищей, павших в боях за Советскую отчизну!» Будьте здоровы, до скорого свидания! Шура»

<...> Было странно после окончания войны ходить прямо. Мы всю Европу проползли на животе да на четвереньках. Обратно быстро приехали – на конях, машинах и железной дорогой. Народ нас замучил – измляли всех. Самым длинным после 4-х лет мне показался переезд Верецагино-Очер.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ ГОЛОСА

В каком краю лежишь ты, воин,
Где успокоился, солдат?
Чужой, родимой ли землею
Твой прах страдальческий объят?
Нина Гордийцева

*Чазов Виктор Михайлович, 1904 г.р., д. Низовская Очерского района, призван в 1941 г., рядовой (по другим данным – сержант), пропал без вести в 1942 г.*¹

Рассказывая в своих письмах о нелегких солдатских буднях, очерец Виктор Чазов понимает, что его большой семье в тылу еще труднее. Красноармеец переживает за близких, старается помочь советами, посылает детишкам кое-какие вещички. Надев гимнастерку, душой-то он все равно пока там – в далеком Очере. Виктор Михайлович еще не остыл от бытовых чаяний и забот. Но служебные проблемы неумолимо вытесняют тыловые настроения – вся война еще впереди...

«Здравствуйте, дорогие мои Оля, бабушка, Валя, Леня, Шура, Володя и Надя! Шлю вам свой любящий привет, горячо целую всех вас, желаю вам всего хорошего, поздравляю с Новым годом. Сообщаю вам, что Новый год встречал в г. Тюмень, в который переехал 31/ХП-41. В Камышлове нас разбили на несколько групп и разослали в разные направления. Сюда из очерских попали 5 человек. Двое из деревень и 3 человека из Очера. Я, Бурдин Владимир² и Казымов³ из-за реки. Здесь нас тоже разбили из формируемой армии по полкам, остался пока в одном полку с Казымовым, назначили нас в полковую школу. Сегодня начались занятия первый день, вечером достанется. Учеба или, как говорят, школа, трудная. Главное бегать, но ничего,

¹ Книга Памяти 1941–1945. Очерский район. – Том 1. – С. 302.

² Бурдин Владимир Андреевич, 1909 г.р., г. Очера, ул. Розы Люксембург, 39. Ст. сержант 728 сп 175 стрелковой дивизии. Побывал в плену – освобожден в 1944 году. После войны – токарь на ОМЗ. – прим. ред.

³ Казымов Николай Михайлович, г. Очер. Пропал без вести в июне 1942 года. – прим. ред.

можно выдержать. В Камышлове только подучили предварительно, а доучиваться будем здесь.

Как Оля живет, как здоровье? Я так ничего, здоров, только очень скучаю по вам. Больше всего беспокоюсь, думаю, как проживешь ты с коровой из-за корму. <...> Я это письмо посылаю с товарищем Пудманом, который живет в Очере, который едет домой в отпуск по болезни. Высылаю с ним валенки, рубашку сатиновую. Валенки все равно здесь будут мне без пользы, да и не разрешат носить. Только разрешают, когда ходим в поля на занятия, и это не всегда, все равно худые здесь делаются, дыры, а ремонтировать не чем. Да и ходят все учатся товарищи также в сапогах, в случай придется, продай их на корм. Приеду домой, напишу, сколько будем учиться, пока ничего не известно, и сколько проживем здесь, тоже. Вероятно, в школе месяц, а школа в основном будет тактические занятия, т. е. практика в поле. После учебы поедем, конечно, уже на фронт, но уедем, наверно, не раньше как через два, а может, и скорей всего можно предполагать, месяца через два получится. Наша дивизия начинает только формироваться, люди поступают совершенно необученными, молодежь, их нужно будет сначала обучить, возможно, сначала нас, приехавших из Камышлова, обучат, затем заставят их учить, затем уже и поедем.

Оля, как вы решили-нет, почему не прописала, почему долго не вырешили пособие, если вырешили, то немедленно сходи в райком, напиши к зав. военным отделом Колчанову и объясни ему, попроси его, чтобы он выяснил, в чем дело. Вчера писала мне, что принесли налоговое извещение, надо обязательно сходить в районо, чтобы получить скидку.

Оля, я почему-то думаю, что когда подрастет немного Надюшка, возможно, придется устраиваться хотя б не на большой заработок, ведь на 150 рублей будет невозможно. По этому вопросу, конечно, нужно продумать и пересоветуй с отцом. Если решите, то я напишу в райком, чтобы тебе помогли устроиться, в общем, устроили на подходящую работу в мастерскую или вроде того, но на меня не сердись, я советую, смотри сама.

Жду с нетерпением ответ. Получила-нет карточки и посылку, напиши. В. Чазов 4.1.42 г.»

Увы, мечтам и планам о подрастающих детишках сбыться было не суждено: самые младшие и любимые сын с дочкой тяжело заболели и умерли. Горестно получать такие известия на фронте, трудно утешить жену и се-

бя самого. Когда солдаты гибнут – это тяжело, но хотя бы понятно. Но невинные дети... И не болезнь их убила – война!

«Здравствуйте! Дорогие мои милые Лелечка, бабушка и деточки Вали, Леня, Шура. Шлю вам свой горячо любящий привет и желаю вам самого лучшего. Главное – здоровья.

Сообщаю вам, что около 2 ½ месяцев не получал от вас письма, которое ожидал с нетерпением. И дождался, на которое пишу 2-е. Но письмо получил нерадостное, из которого узнал, что померли мои милые деточки Володечка и Надюша, о чем очень жалею и понимаю, милая Лелечка, как ты и вообще вся семья это переживали. Но ничего не поделаешь, очень не горюйте. Хорошо хоть Валечку с Шурой не постигла та же участь.

Лелечка, обрати все внимание теперь на поддержку здоровья Вали и Шуры, особенно Вали, потому что ей теперь из-за болезни трудно в учебе. Но я все же думаю, что на перевод ее в следующий класс нужно согласиться. Хотя трудно догонять, но она с этой задачей справится, я думаю,

учиться будет. Но уж если оставят школой на осень испытание или на второй год – не беда. В этом вины никакой у Вали не будет, потому что есть причины, не зависящие от нее, а поэтому ничего не поделаешь.

Конечно, милая Валя, постарайся отставание догнать и перейти. Милый Леня, тоже старайся закончить начальную школу и напиши мне хоть маленькое письмо. И второе слушай. Помогай маме с бабушкой по хозяйству, и дедушке с бабушкой деревенским. Корми их рыбой, но не утони, когда будешь удить рыбу, ведь это твое любимое занятие. Но табачок не кури.

Теперь о себе. Нахожусь на Западном фронте. Здоров пока. В бою не участвовали еще. Первомай и именины встретил в спокойной обстановке. Выпил 200 гр. водки, вспомнил, как встречал 1-й май прошлый год дома...

Лелечка, пиши письма почаще. В части работы смотри сама, конечно. Если будешь помогать колхозу, может, дадут хотя бы корму корове. На хлебца подзаработаешь, ведь тебе будут еще помогать Валя и Леня. Хотя тебе будет, может, трудновато – то, что далеко, но ничего не поделаешь. Пиши, как здоровье бабушки и как поправляются ребята. Писать пока кончаю. До свиданья, моя милая Лелечка, Валя, Леня, Шура, бабушка. Крепко жму ваши ручки и целую всех вас. Ваши любящий всех Виктор. 7.5.42 г.»

Это письмо Виктор Чазов написал перед самым наступлением Красной Армии на Харьковском направлении. Поначалу оно складывалось успешно, но закончилось, увы, катастрофой – пожалуй, самым тяжелым поражением за всю Великую Отечественную.

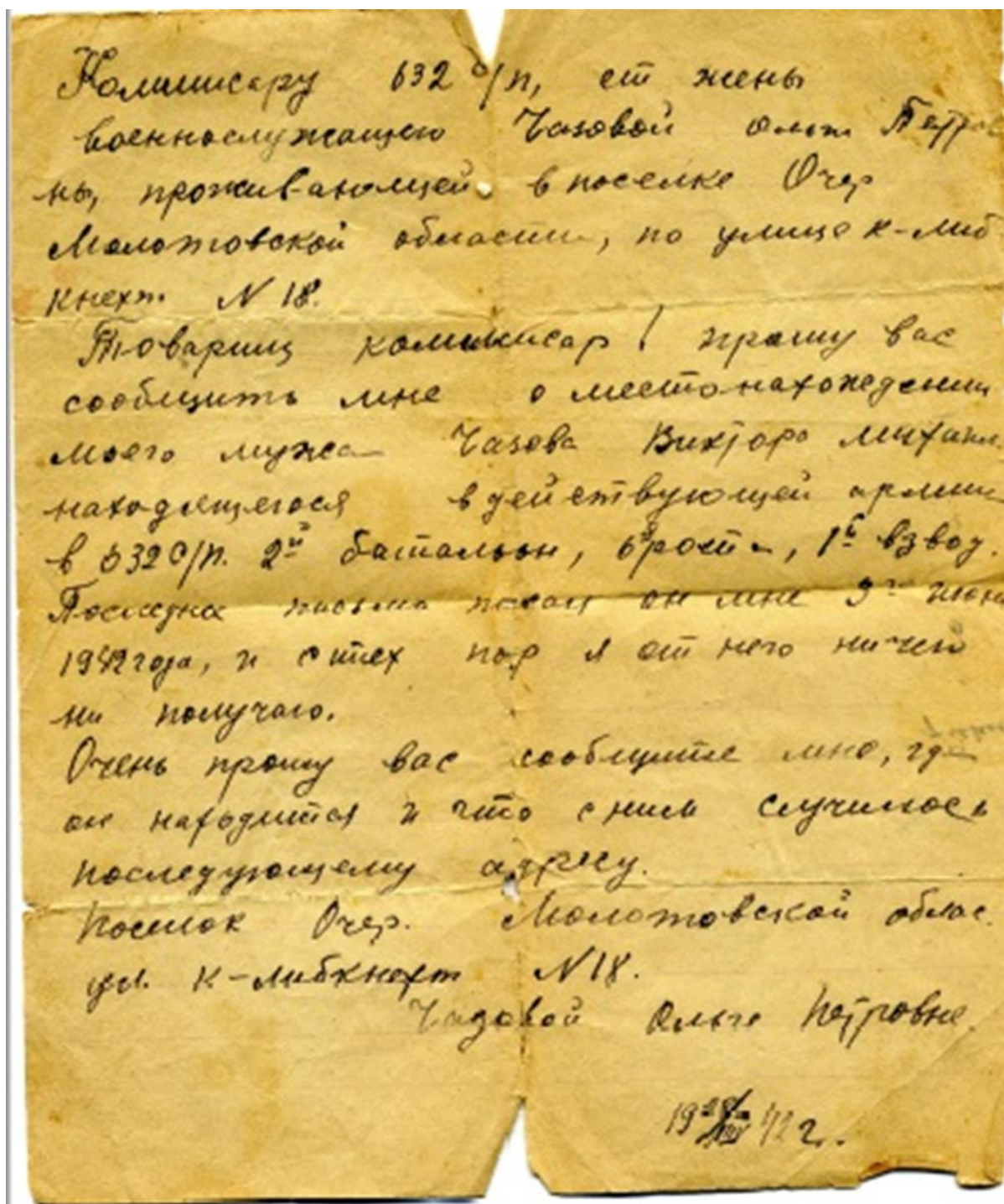
В соседнем 728-м стрелковом полку воевал земляк Чазова – замполитрука роты Александр Косых¹. Вот что пишет он в своих воспоминаниях:

«За 10 дней наступательных боев 175-я дивизия и другие отбросили врага на 40 км, выбили фашистов из производственных корпусов тракторного завода. Харьков был освобожден на 2 дня. Однако, подтянув сильные резервы, 17 мая враг перешел в контрнаступление с двух фланговых направлений и 23 мая южнее города Балаклея замкнул кольцо. В окружение попали части четырех армий. Деблокировать их не удалось. Из окружения вышло немногим более 20 тысяч бойцов и командиров, в их числе посчастливилось

¹ Косых Александр Иванович, 1923 г. р., д. Боронники. Доброволец, замполитрука роты автоматчиков 728-й сп, 175-й сд, 28-й армии. Кавалер орденов Красной Звезды и Отечественной войны 1-й ст. После войны - инженер ОТИЗ Павловского завода. – прим. ред.

оказаться и мне, получившему ранение в одном из боев. Около трехсот тысяч оказалось в плену и погибло в боях»¹.

Сослуживцы Чазова, упоминаемые в его первом письме, тоже оказались в водовороте этих трагических событий: Владимир Бурдин попал в плен, а Николай Казымов пропал без вести в июньских сражениях. Жена Виктора Чазова, перестав получать регулярные весточки от мужа, написала запрос командованию части:

Командиру 632 О/п, ей жене
военнослужащего Чазовой Ольги Петро-
вны, проживающей в поселке Озер
Моноотской области, по ушн. к-м
кнхт. № 18.

Генерал-майор! прошу вас
сообщить мне о местонахождении
моего мужа Чазова Виктора Михайловича
находящегося в действующей армии
в 632 О/п. 2^й батальон, в роте, 1^й взвод.
После того как я писала вам 3^й июля
1942 года, и с тех пор я от него ничего
не получила.

Очень прошу вас сообщить мне, где
он находится и что с ним случилось
последующему адресу.
Поселок Озер. Моноотской облас-
ти. К-мбкхт № 18.

Чазовой Ольги Петровны

1942 г.

¹ По материалам журналиста Б. П. Бурдина. — прим. ред.

«Комиссару 632 с/п, от жены военнослужащего Чазовой Ольги Петровны, проживающей в поселке Очер Молотовской области, по улице К-Либкнехт, № 18.

Товарищ комиссар! Прошу вас сообщить мне о местонахождении моего мужа Чазова Виктора Михайловича, находящегося в действующей армии 632 с/п, 2-й батальон, 6-я рота, 1-й взвод. Последнее письмо писал он мне 3-го июня 1942 г., и с тех пор я от него ничего не получаю.

Очень прошу вас, сообщите мне, где он находится и что с ним случилось. 28.8.1942 г.»

Ответ Ольга Петровна так и не получила... Еще в конце июня 1942 года 632-й полк 175-й дивизии перестал существовать – почти полностью poleg в Миллеровском котле. Командир дивизии генерал Александр Кулешов при прорыве из окружения попал в плен, в котором погиб от побоев и истощения. Из более чем 2000 бойцов и командиров в живых остались лишь 16 человек, пробившихся из окружения. Ни комиссара полка, ни рядового Виктора Чазова среди них не было...

ПОКОЛЕНИЕ ЛУЧШИХ

Клятву выполнив свято,
годы, годы подряд
Молодые солдаты
в чистом поле лежат.
Смолкнул танковый скрежет,
и вокруг тишина.
А для них, как и прежде,
полыхает война.
И солдаты остались
в этой огненной мгле,
Навсегда окопались
В родимой земле...

Владимир Радкевич

Братья Соромотины – типичные представители того героического поколения советских людей. Строители новой жизни – они работали не покладая рук, учились вздохнуть и интересовались буквально всем! Книгочеи, романтики, спортсмены, общественники – ни одно доброе дело не обходилось без их участия. Лучшие люди страны Советов – на войне они тоже были впереди. Правда, мало кто из них дожил до Победы – по подсчетам историков, не более трех процентов, ушедших на передовую. Родина знала, что в лихую военную годину на этих парней можно положиться – не подведут...

Младший брат – Кронид – ушел в армию перед самой войной и встретил врага недалеко от Бреста. Старший – Петр – в 1941-м, сразу, как только враг напал на нашу страну. В архиве их племянницы Натальи Нужной сохранились письма братьев Соромотиных. Все письма адресованы сестре Александре Алексеевне на адрес: «г. Свердловск–12, ул. Культуры, 1, строй-лаборатория».

Верный присяге

Соромотин Кронид Алексеевич. 1921 г.р, пос. Очер. Призван в апреле 1941 г. Рядовой. Танкист. Пропал без вести в июле 1941 г.¹

Красноармеец Кронид Соромотин служил в Западной Белоруссии, в местечке Гайновка, которую называют воротами в Беловежскую Пущу. В Гайновке, только-только освобожденной от немецкой оккупации, согласно обязательствам пакта Молотова-Риббентропа, дислоцировалась 208-я моторизованная дивизия 13-го механизированного корпуса Западного Особого военного округа. В июне 1941-го подразделение находилось в стадии формирования, многие командиры отбыли на заводы за новой техникой. А пока она насчитывала 24 легких танка устаревших конструкций, в экипаже одного из них служил Кронид. Хотя Соромотин мечтал попасть в другой экипаж – флотский.

«1/V-1941г. Привет из Гайновки! Здравствуй, Саша! Шлю тебе свой красноармейский привет и желаю тебе счастливой жизни и работы на родном нам с тобой Урале. Получил от тебя письмо, за что очень благодарю. За конверт большое спасибо, а то у меня конвертов нет, да и купить тоже нигде пока! Да, Саша, долго я тебе не писал. А здесь пишу, потому что, если я тебе напишу, ты мне тоже напишешь. А в армии получить письмо – это большая радость. Время, Саша, в армии идет быстро и незаметно. Сегодня я, Саша, принял присягу на верность Родине и своему народу. Теперь я уже полноправный боец Р.К.К.А.

В армии я увлекаюсь самодеятельностью и участвую в хоровом кружке, так что мы выступаем перед бойцами с песнями и плясками. Но все же, хоть я в сухопутных частях, сестра, но в душе я моряк, и часто

¹ Книга памяти 1941–1945. Очерский район. – Т. 1. – С. 282.

ночью мне снится, что я хожу по палубе корабля или хожу в водолажном костюме по морскому дну. А здесь даже реки нет, и покупаться летом мне не придется.

Я переписываюсь с некоторыми ребятами из Очера и особенно с Рейцом¹ Но вот не знаю, Ленчик мне не пишет, и я не знаю, где он сейчас находится. С родителями я переписываюсь и все время спрашиваю об их здоровье, и я успокаиваю их, чтоб не скучали обо мне. Но вот Петя (старший брат. – прим. ред.) мне ничего не пишет, и даже привет не пошлет в письме к матери.

Да, Саша, я тоже ни в чем не виню своих родителей, что, мол, я ходил не в костюмчиках, но я воспитан был ими так, что меня все ребята в Очере любили как вратаря, лыжника и водолаза. И когда я уезжал в армию, ребята приходили из школы с девушками провожать меня, и все футболисты. Начиная с Кости Колчанова², и другие ребята. А также секретарь райкома ВЛКСМ Женя Шардаков заявил комиссару: «Оставьте, говорит, мне его, а то самого лучшего берете комсомольца». А комиссар улыбнулся и говорит: «Молчи, пока я тебя тоже не взял в армию».

Я, Саша, за эту зиму прошел на лыжах 460 км, участвовал в областных лыжных соревнованиях и добился 10 км ходить в 44 мин. Деньги у меня, Саша, еще есть, 90 руб., но конвертов нет. В город не пускают еще, и сфотографироваться еще нельзя, а снимусь – пошлю обязательно, но и ты пошли фото. Иду на построение. Все, целую тебя, Кроня».

Крониду Алексеевичу нравятся беловежские места. Он сетует, что местные жители пока еще настороженно относятся к красноармейцам, как к чужакам. Тем сильнее он скучает по родному Очеру...

«11/V–1941г. Привет из Гайновки!

Здравствуй, дорогая сестра Саша! Шлю тебе сердечный красноармейский привет! Я получил письмо от тебя, и матери, и Геры, и очень обрадовался, так как это первое письмо. Ну, как живешь и работаешь,

¹ Рейц Василий Францевич. 1923 г. р., г. Очер. Матрос. Пропал без вести 3 июля 1942 г. при обороне Севастополя. – прим. ред.

² Колчанов Константин Петрович, до войны – инструктор физкультуры Очерского клуба, заведующий военным отделом райкома партии. Кавалер Ордена Ленина, участник войны с Японией 1945 года, капитан-лейтенант, замполит дивизиона Тихоокеанского флота. – прим. ред.

напиши, не забывай Кронтея. А я служу в армии в Белоруссии, вот уже месяц, как уехал я из дома, а забыть про дом не могу. Иногда делается грустно. Из Очеры я здесь один, и вот не с кем поговорить об родном Очере.

11/2-41г. Привет из Тайновки!!
Здравствуй, дорогая сестра Саша!!
Мно тебе сердечный красноармеев-
ский привет! Я научил маму от-
медя и матери и Серю, и очень обра-
довался, так как это первое письмо.
Ну как живешь и работаешь и время
проводить мамин не забывай. Кронтея
А я служу в армии в Белоруссии, вот
уже месяц как уехал я из дома, а
забыть про дом не могу. И иногда
делается грустно. Из Очеры я здесь
один и вот не с кем поговорить об
родном Очере. Ты мамин как же
живешь в Очере я сначала не знаю
и не могу понять кто это та-
кий но едва разобрались что это
Как провел время в Очере отнимать
время. Мамин скучает мамин мамин
обо мне. Агапченко вспоминаю об
этой матери - доброй и нежной маме
я провел сравнительно хорошо но
не так как в гроджанке. В Очере
бровей бы лучше. Надим на параз
в город. Тотом в кино. Я здесь
смотрю при картинке в кино
мне и "Гибель Офицера" вот это
картинка, как же сердцу хороша

Ты напиши, как же попала в Очер. Я сначала читаю и не могу понять, кто пишет, но едва разобрался, что ты. Как провела время в Очере, опиши побольше. Напиши, скучает-нет мать обо мне. А я частенько вспоминаю о матери, доброй и нежной.

1 мая я провел сравнительно хорошо, но не так, как в гражданке. В Очере провел бы лучше. Ходил на парад в город, потом в кино. Я здесь смотрел три картины, в том числе и «Гибель орла»¹. Вот это картина, аж до сердца трогает меня, водолаза.

Город здесь маленький, но уютный, как все европейские города. Народ здесь, Саша, говорит по-польски и по-белорусски. Относится к нам не очень доброжелательно. Живем рядом с Беловежской Пущей. Был в ней – ох, и леса густые. В город нас не отпускают еще, но строим в кино ходим, так что я видел весь этот город.

Дни, Саша, проходят однообразно, как вообще в армии. Но я подружился с некоторыми хорошими ребятами. А так я почти такой же, как год тому назад, только в серой шинели. Но моя мечта была флот, и хотелось бы носить черную шинель. Такая уж судьба, Саша. Мне-то больше писать не об чем, а вот ты об себе напиши побольше, и желательно, чтоб ты мне фото послала, не откажи мне в этой просьбе.

Ну пока, целую тебя крепко, моя дорогая сестра. С приветом, Крончик.

О первых днях боев дивизии, в которой служил Кронид Соромотин, мы можем судить из доклада ее командира Владимира Нечипоровича:

«Совершенно секретно Военному Совету ЗФ. 208 моторизованная дивизия 13 мехкорпуса вступила в войну, не закончив своего формирования. Танковый полк, имеющий по штату 250 танков, в наличии не имел ни одного, а 2000 бойцов этого полка не имели никакого вооружения, в остальной части были вооружены на 70-80%. <...> Мы успешно удерживали оборону до 25 июня, попадали два раза в окружение и выходили из него. <...> Под Волковыском удалось разбить мотоциклетный немецкий полк...»

¹ «Гибель „Орла“» – советский художественный фильм, снятый в 1940 г. Василием Журавлёвым по рассказу К. Д. Золотовского «Капитан Лаце» - прим. ред.

Первые приграничные бои уже переросли в ожесточенное встречное сражение за г. Браньск, который несколько раз переходил из рук в руки. После прорыва обороны 13-го механизированного корпуса остатки 208-й мотодивизии отошли к Волковыску, заняли оборону на реке Свислочь и сдерживали атаки врага до 1 июля 1941-го – до последнего патрона. В этих боях погибли почти все бойцы и командиры. К Минску полковник Ничипорович вывел только 60 человек. Дальше красноармейцы решили больше не отступать, а перейти к диверсионной войне. *«Вести организованный бой не представлялось возможным и я перешел к партизанским действиям, двигаясь к фронту. Оружия я не сложил и поле боя не покинул»*, – таковы были последние слова доклада комдива...

Где и как погиб Кронид Соромотин – в первые часы боев, отражая вероломное нападение гитлеровцев, в бесстрашной танковой атаке, под бомбежкой на марше или партизана в белорусских лесах - мы уже, скорее всего, не узнаем. Но то, что очерский комсомолец сложил свою голову честно, до конца выполнив свой долг перед Родиной, сомнений нет!

Жду ответа и табак!

Солдату на войне отрада –
Цигарку молча «засмолить».
Вдохнуть дымок – душе услада,
А после – в бой, чтоб победить!

Нина Гордийцева

*Соромотин Петр Алексеевич, 1917 г.р., пос. Очер. Лейтенант 371-го стр. полка. 130-й стр. див. Погиб в бою. 21 август 1942. Похоронен в деревне Сутоки Старорусского р-на Новгородской обл.*¹

Старший из братьев Соромотиных – Петр – в 1941 году поступил в Ленинградское пехотное училище имени С. М. Кирова, которое в августе было передислоцировано с берегов Невы в город Березники. Он учился на одном курсе с будущими Героями Советского Союза Александром Гавриленко и Петром Шлюйковым. В «кузнице командиров», как называли военное училище в армейской среде, училось много уроженцев Прикамья.

¹ Книга памяти 1941–1945. Очерский район. – Т. 1. – С. 282.

Тяжелы были курсантские будни: суровые уральские морозы, без выходных и увольнительных, по 12 часов занятий в сутки. Длительные лыжные переходы совмещались с «обкаткой» танками, изнурительными тренировками по блокированию дзотов, рукопашному бою, освоению всех видов стрелкового и минометного вооружения. Едва добравшись до нар, курсанты засыпали непробудным сном.

Сокурсник Петра Соромотина А. Б. Симкин рассказывал в письме домой: *«До февраля 1942 года курсанты не имели даже зимнего обмундирования. Но никто не роптал - теплые вещи шли на фронт, а в*

тылу, хоть и нелегко, а можно было обойтись кое-как усиленным летним обмундированием. Не хватало питания – курсантская норма была урезана в пользу фронта...»

Но хуже всего было с куревом. Вернее – без него. По приказу наркомата обороны от 22.09.41 г. папиросы, махорку, спички, курительную бумагу бойцы и командиры получали только в действующей армии. В тылу табачное довольствие было не положено совсем, кроме госпиталей. Курсанты военных училищ снабжались по «голодной» «норме № 9», в перечне которой табака тоже не было.

Это сейчас мы знаем, что курить вредно для здоровья, и ничуть не сочувствуем проблемам курильщиков. А во время войны курили многие – даже спортсмены. По воспоминаниям ветеранов, курение, хоть ненадолго, все-таки притупляло чувство голода, «обманывало» стужу и снимало стресс. Поэтому понятно, почему курсант Соромотин так настойчив в своих просьбах прислать табачку...

«17/II–1942 Привет из Березников!

Здравствуй, дорогая сестра Саша! Сегодня получил от тебя письмо и одновременно табак, за что сильно благодарю тебя, так как ты сама знаешь, что у меня курить нечего. Ты пишешь, что высылала с табаком уже второе письмо, но я получил только одно. Сообщаю тебе, что наше училище Ленинградское наградили 2-м орденом Красного Знамени. Для меня это

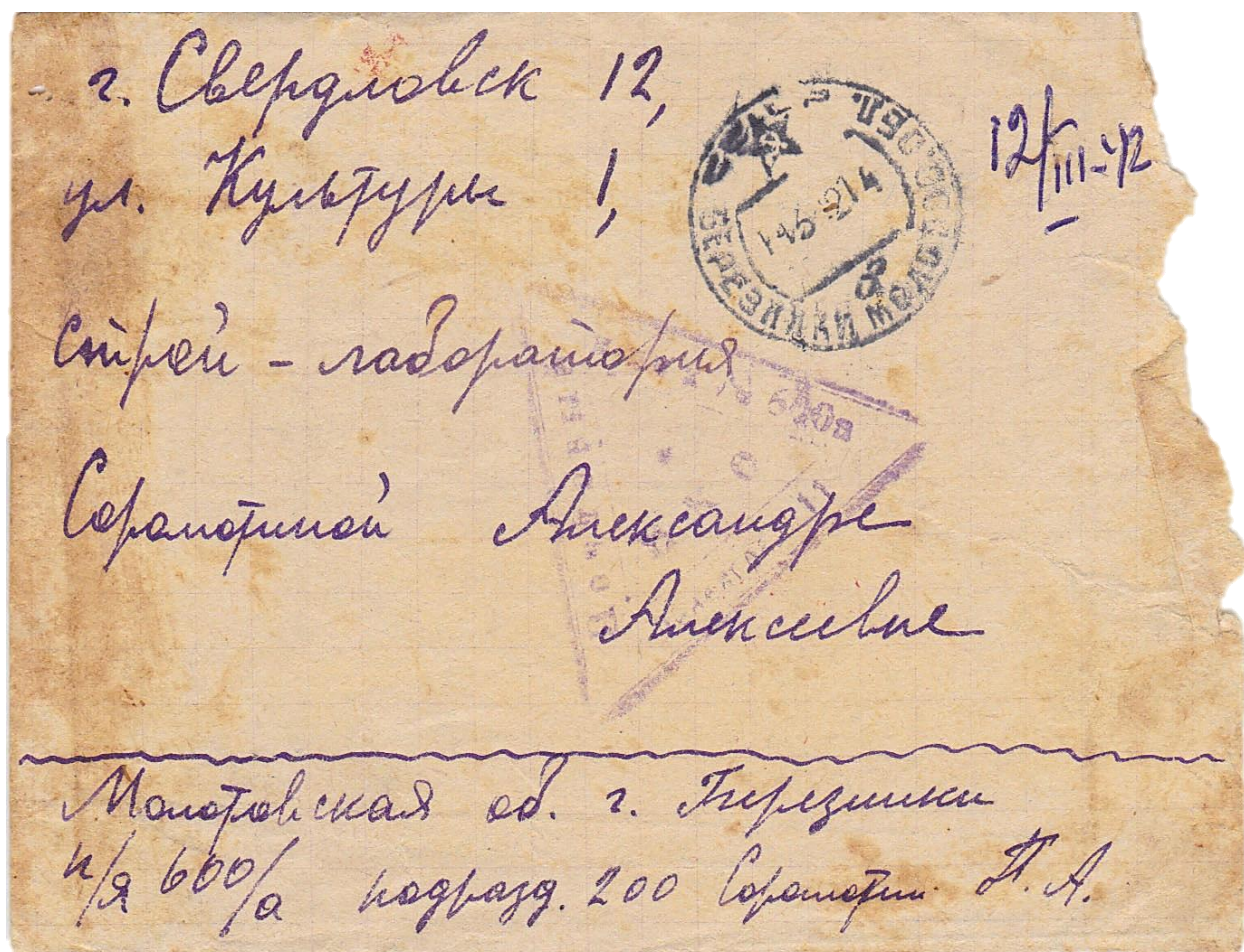
большая честь – учиться в Ленинградском дважды краснознаменном пехотном училище.

Мне уже осталось учиться немного, скоро зачеты. Учимся по 12 часов в сутки, приходится трудненько. Получил от Липы (жена Петра Алексеевича - Кочергина О. И. – прим. ред.) письмо, сулится ко мне приехать. Жаль, что только она не сможет мне привезти табаку, так как табаку в Очере совсем не найти.

Скоро большой праздник – 24-я годовщина РККА. Значит, ты маме о Кроне написала, это очень хорошо, что ты заботишься об этом. А то мама сильно горюет и тоскует по нему. Саша, вышли мне с себя фотокарточку на память, а потом и я тебе скоро тоже вышлю.

Саша, все-таки постарайся выслать табак в бандеролях, может, сумеешь как-нибудь обмануть. А также скорей вышли несколько таких писем с табаком мне. Искренне прошу тебя, Этот табак хорошо дошел. Надеюсь, потрудишься и поторопишься для брата. <...>

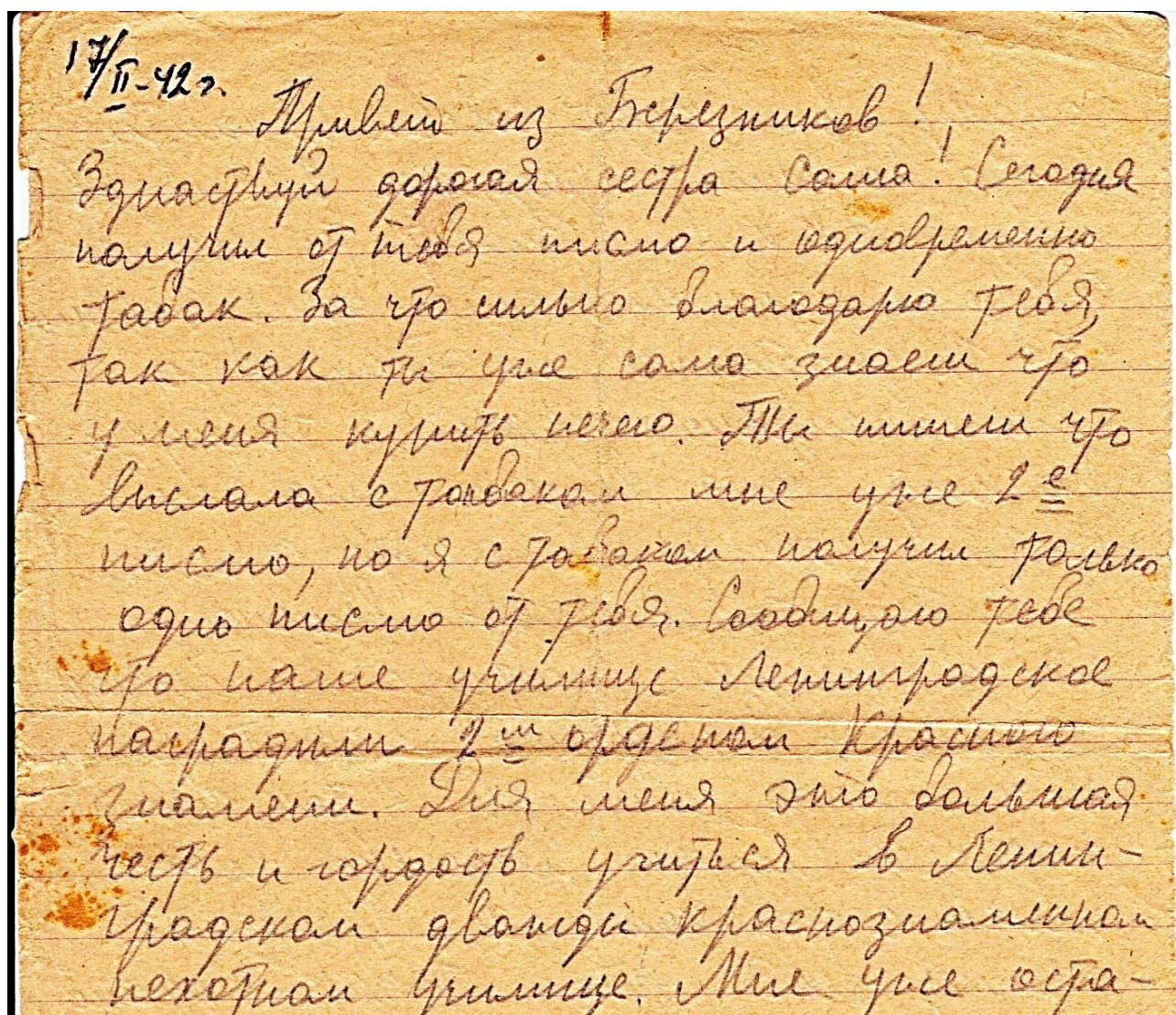
Жду с нетерпением письма с табаком и бандероли. А пока целую тебя, брат Петр».

Действительно, первое, что просили родных прислать из дома солдаты – табак. Даже некурящие – ведь махру можно было выгодно обменять на любые продукты питания. Видимо, посылки с табаком часто были объектами краж. Поэтому бойцы шли на разные хитрости. В письме сестре курсант Петр Соромотин подробно описывает безопасный способ пересылки драгоценного курева.

«18/III.–1942 Привет из Березников! Здравствуй, Саша!

Сообщаю, что сегодня получил от тебя письмо, писанное еще 3/III.–42, за которое благодарю тебя. <...> Я сфотографировался, но еще карточки не выкупил, в следующем письме вышлю тебе. За твое фото благодарю, хоть есть на что взглянуть, на родной образ. Ты интересуешься, на кого я учусь? Учусь я на лейтенанта общевойскового. Мы уже сдаем зачеты и к 10-му апреля кончим учиться. <...>

17/III-42. Привет из Березников!
Здравствуй дорогая сестра Саша! Сегодня
получил от тебя письмо и одновременно
табак. За что сильно благодарю тебя,
так как ты уже сама знаешь что
у меня курить нечего. Ты пишешь что
вышла с табаком мне уже 2^е
письмо, но я с табаком получил только
одно письмо от тебя. Сообщаю тебе
что наше училище Ленинградское
наградил 2^м орденом Красного
знамени. Для меня это большая
честь и гордость учиться в Ленин-
градском двенадцати краснознаменном
пехотном училище. Мне уже оста-

Сообщаю, что 2 февраля ко мне приезжала Липа и привозила немного шамовки и немного табаку, который я уже выкурил. И немного обиделся на тебя, что письмо пришло без табачку. Саша, ты возьми какую-нибудь книжку и в середине ее вырежи квадрат. Обверни табак бумагой, плотно обклей и положи в ямку этой книжки, корки у книжки не прорезай. Далее книжку эту оберни бумагой поплотней и покрепче и вышли бандеролью. Вот таким образом у нас ребята получают табак от родных. И немного вышли в нескольких письмах. Учти, ведь дорогой будет мне тоскливо ехать, а тем более, без курева. Поторопись, родная, учти, чтоб это все пришло ко мне пораньше. Ну, дорогая, надеюсь, сейчас в последний раз ты послужишь для меня. Береги, сестра, себя и свое здоровье, твоя жизнь еще впереди. И если случится что со мной, если мой ребенок буде в обиде и сиротой, то вы, мои родные, не оставьте его, не допустите до нищенства».

Жду ответ и табак. С приветом, твой брат Петр».

В июне лейтенант Соромотин получал табак уже по «норме №1». Получив назначение в 371-й полк 130-й стрелковой дивизии на должность командира минометного взвода, очередь выехал на Северо-Западный фронт.

«15/VI.–1942 Привет из Березников!

Здравствуй, Саша! Завтра, т. е. 16-го из Березников, вероятно, выедем. Жаль, что я еще писал тебе письмо, в котором просил выслать курево. Если ты и выслала, то напрасно, я уже не получу.

Еду на фронт. Возможно, еще нас привезут на Урал, в Свердловск, тогда постараюсь к тебе зайти или хотя бы позвонить, так что ты, если есть табачок, держи на всякий случай наготове. Постараюсь с дороги написать еще тебе письмо и с места, если будет возможность. Живите, все вы, мои родные, да меня не забывайте. Учиться кончил по всем предметам на отлично.

Хотелось побывать дома и увидеть свою дочь, да взглянуть на родной Очер. Но ничего не поделаешь, сейчас не время отсиживаться дома. Чему учили меня, то теперь нужно применить на практике. <...>

Пока, с приветом. Целую тебя, твой брат, лейтенант П. Соромотин».

Навыки пришлось применить уже скоро и с большой пользой для дела. Петр Соромотин прибыл на передовую перед началом Демянской насту-

пательной операции. 5 августа 130-я дивизия 1-й Ударной армии заняла позиции на реке Робья близ д. Сутоки. А 11 августа в результате упорных боев первая линия оборонительной полосы врага была прорвана, и первым это сделал 371-й стрелковый полк, в котором воевал Соромотин. За первые дни боев нашими войсками было уничтожено более 800 немцев, и Военный Совет армии вынес благодарность полку за выполнение боевых задач. Бои носили кровопролитный характер. Гитлеровцы постоянно контратаковали, подходили к нашим окопам на бросок гранаты – красноармейцы не раз кидались на врага врукопашную.

Полк нес потери, и в одном из тяжелых боев лейтенант Петр Соромотин пал смертью храбрых... Но очередь отдал свою жизнь не напрасно. Пленные фашисты, захваченные в полосе 130-й дивизии, показывали, что наступление под Демянском вынудило командование врага задержать на этом участке фронта свои лучшие войска, предназначавшиеся для отправки на Южный фронт – к Сталинграду, где Красной Армии в те месяцы приходилось особенно трудно.

ИМЕННОЙ СПИСОК безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 130 стрелковой дивизии с 11 по 16 августа 1942г.									Ф.рис № 2а
№ по пор.	Фамилия, имя и отчество	Воинское звание	Должность и специальность	Партий- ность	Место и год рождения	Какой РВК и какой обл. призван	Когда и по какой причине выбыл	Где похоронен	Имя, отчество и фамилия, адрес жены или родителей
✓ 15	ЛАНДЫБАЕВ Бентей Уазаевич	Лейте- нант	Командир пулемет- ной		Семипалатин. обл. 1916 г.	Уланский РВК Семипалатин. обл.	Убит 17.8.42	В лошине сов. зап. д. Сутоки, 200 м Старорусск. р-на Ленинград. обл.	Мать Ландыбаева К., Восточ. Казахстанск. обл., Уланский р-н Сибирский с/с, колх. "Тогчи"
✓ 16	ВАСИЛЬЕВ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ	Лейте- нант	Командир взвода		Калининск. обл. 1922 г.	Великолукский РВК Калининск. обл.	Убит 17.8.42	"-"	Мать Кованова Ирина Алексеевна Валинин. обл., Великолукск. р-н Успенский с/с, д. Сукново
✓ 17	КУЗНЕЦОВ Константин Ал-дров	Мл. лей- тенант	Ад'ютант		г. Куйбышев 1910 г.		Убит 19.8.42	"-"	Жена Кузнецова К.Н. г. Куйбы- шев, пос. им. Пшидта, ул. Гер- цена, д. 3, кв. 1
✓ 18	КРИЧКО Георгий Степанович	Мл. лей- тенант	Ад'ютант		Рязанск. обл., 1920 г.		Убит 19.8.42	"-"	Отец Кричков С.И., Москва 118, Соколиная Гора, 7-я улица, д. 2/12, кв. 3
✓ 19	СОРОМОТИН Петр Алексеевич	Лейте- нант	Ком. минометного взвода		Молотовск. обл., 1917 г.	Очерский РВК Молотовск. обл.	Убит 21.8.42	"-"	Жена Кочергина О.И., Молотов. обл., пос. Очер, Кооперативная ул., д. 73

ПЛЕНЕННЫЙ, НО НЕ СДАВШИЙСЯ

Сергей Алексеевич Касьянов, уроженец деревни Ежово, известный в Очере учитель немецкого и рисования, постоянный участник художественной самодеятельности, за годы войны дважды побывал в фашистском плену, а затем и в Сталинских лагерях.

Из семьи Алексея Яковлевича Касьянова на фронт ушли все четыре сына. Сережу призвали 15 июля 1940 года, он служил в 104-м танковом корпусе, в 104-ом зенитно-артиллерийском дивизионе заместителем политрука 3-ей батареи. В июле-августе 41-го Касьянов принимал участие в Ельнинской операции под Смоленском, где его часть попала в окружение – двадцатилетний старшина был ранен в грудь и попал в плен.

Мама, Афанасья Васильевна, усердно молилась за всех своих детей. Когда в Ежово пришла похоронка на Сережу, она ни на минуту не поверила в его гибель – материнское сердце не обманешь.

Однако выжить в фашистском лагере для советского солдата было, пожалуй, еще сложнее, чем в бою. Условия, в которых немцы содержали военнопленных: голод, антисанитария, избиения, издевательства – практически не оставляли для этого шансов. Поэтому, чуть подлечившись в лазарете, Сергей решил бежать.

В беседе с Евгением Пепеляевым, корреспондентом газеты «Очерский край», в 1994 году Сергей Алексеевич поделился подробностями дерзкого побега:

«К лагерю приходили гражданские, приносили нам кто хлеб, кто картошку, кто еще что-нибудь и передавали через колючку или просто перебрасывали. А иногда была даже возможность поговорить с этими людьми.

С одной девушкой мы договорились – она пообещала приготовить нам гражданскую одежду, три комплекта. И вот однажды ночью мы бежали втроем, в условленном месте сняли с себя военную форму, переоделись во все гражданское и пошли. Ладно, что у лагерной охраны собак не было, в этом нам повезло.

Бежали мы втроем, как я уже сказал, но вскоре наши пути-дороги разошлись, я один остался. Гражданская одежда помогала мне какое-то время, даже в колхозе работал под Смоленском, правда, немного, но немцы все-таки дознались, кто я такой и откуда, и снова я попал к немчуре в лапы, снова стал военнопленный».

Дальше следовали этап за этапом. Из Смоленска Сергей попал в Оршу (Беларусь), затем в Яуэр (Польша), Самбор (Украина) и наконец в Дрогобыч (Украина). В здешней тюрьме содержалось 25 тысяч советских военнопленных. Условия были несколько не лучше, чем в любом другом немецком концлагере. Особенно донимал голод. Сергея Алексеевича выручало знание немецкого языка и умение рисовать – это помогало хоть как-то зарабатывать на хлеб. В письме брату Павлу он откровенно делится воспоминаниями о лагере:

«Я думаю, что с тобой можно вполне разговаривать, как с равным. Скажу: перенес я немало. В твоём представлении, наверное, вообще ничего нет о том, что такое плен для человека, воспитанного в духе ненависти к тем, кто хозяйничал, избивал, издевался в лагерях, издевался зло, свирепо, мстя за проигрыш в военной игре... Голод, постоянно убитое моральное состояние, чувство, что на тебя смотрят не как на человека, болезни – все это не могло не отразиться на мне. Много, верней, то немногое, что было приобретено мной за школьные и студенческие годы, забылось, вытеснилось чисто животными вопросами борьбы за существование!

Тебе это покажется невероятным, но это, к сожалению, великому сожалению, так... Как тяжело было даже смотреть на других (это еще в начале!), подбирающих на дороге, выбирающих из мусорных ям все, что хоть чуть-чуть похоже на съестное. А после и сам почти таким стал... Ты, наверное, помнишь мой характер? Я не могу своровать у ближнего, не могу наущничать, доносить, притеснять – и поэтому мне было исключительно трудно просуществовать. Я не знаю, что было бы со мной, если бы я не мог рисовать! Ночью, уставши после тяжелых дневных работ, при тусклом свете на третьем этаже лагерных зашивленных нар я копировал

фотокарточки, делал карандашные рисунки на истертых клочках бумаги. Делал для ненавистных фрицев за кусок хлеба... Я помогал не только себе, но и другим, которых считал людьми, достойными дружбы, уважения, помощи...

Пусть лежит на мне вынужденный позор перед Родиной – плен, пусть я не сделал ничего большого для Отчизны, но я знаю, что и ничего подлого, ничего тормозящего не только для Отчизны, но и для настоящих людей, я не сделал! Никто из бывших со мной не может упрекнуть меня в этом...

Я был ранен... Бежал раз из плена, наткнулся снова на немцев в лесу, был второй раз ранен и, не достигнув своей цели, (не добрался к своим) ... пропал...

Павлик! Я могу тебя «обрадовать» следующим: пришлось мне перенести сыпной тиф, отложивший тяжелый осадок на сердце, отравление ипритом (15 дней был совершенно слепой... Вот было ужасное положение!), перенес крупозное воспаление легких, ну и вдобавок ко всему – ревматизм... Правда – весело?»

Со своим положением Касьянов не смирился – он вновь готовил побег из лагеря, вместе с земляками-уральцами. Приготовления оказались напрасными, так как из Дрогобыча группу узников этапом погнали в другой лагерь. Фронт приближался, немцы чувствовали близость поражения и охраняли пленных уже не так тщательно. В лесу Сергей и еще несколько солдат сумели, наконец, сбежать.

Пробирались к линии фронта, шли ночью. В Ландсхуте (Бавария, Германия), на уже освобожденной территории, стояли части НКВД. Сергей Алексеевич и его товарищи зарегистрировались в советской комендатуре. Отсюда его отправили в польский город Штригау, где после тщательной проверки в «Смерше»¹ Сергея приняли на работу в санчасть, затем зачислили на должность старшего писаря учетно-распределительного отдела по регистрации репатриированных при воинской части «Полевая почта № 52689». Здесь Сергей и встретил Победу, после чего демобилизовался.

¹ «Смерш» (сокращение от «Смерть шпионам!») – контрразведывательные организации в СССР во время Второй Мировой войны, их деятельность включала фильтрацию солдат, вернувшихся из плена, а также предварительную зачистку прифронтовой полосы от немецкой агентуры и антисоветских элементов.

Бесконечна была радость родителей: сын, которого считали погибшим, вернулся! Но счастье было недолгим – в 47-ом году Сергея арестовали. Вместо пединститута, куда он так мечтал поступить, Касьянов оказался во внутренней тюрьме Министерства государственной безопасности в Перми.

С. А. Касьянова судили за измену Родине, как и многих других, побывавших в фашистском плену. Военный трибунал приговорил его к 15 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере и 5 годам поражения в гражданских правах. Тюремный срок Касьянова закончился лишь в 1955-м, после Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период великой отечественной войны 1941–1945 гг.»

За время, проведенное в неволе (без малого четыре года в немецком концлагере и около девяти – в советском), Сергей Алексеевич Касьянов не опустил, не утратил человечности, сохранил лучшие черты своего характера. Вернувшись домой со снятой судимостью, он наконец закончил заочно педагогический и стал работать учителем немецкого языка и рисования в Дворецкой НСШ, ОСШ № 1, спецшколе; был награжден благодарностью Министерства просвещения, значком «Отличник народного просвещения».

13.1.56

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ЛАГЕРНОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
"АВ-54"
22 декабря 1955г.

Выдана гражданину(ке) Касьянову
Сергею Алексеевичу
год рождения 1921 национальность русский
уроженцу(ке) дер. Ежово, Озерского р-на,
Мологоской области в том, что он(она)
содержался(ась) в местах заключения МВД с 16 сентября 1947 г.
по 22 декабря 1955 г., откуда освобожден(а)
по ст. 2 Указа Президиума Верховного
Совета СССР от 17 сентября 1955 года
со снятием судимости
Следует к месту жительства дер. Ежово, Озерского
района, Мологоской обл.
(город, село,
район, область)

Начальник лагеря АВ-54 (подпись) Никишин
Заместитель начальника отдела АВ-54 (подпись) Костин
Секретарь отдела АВ-54 (подпись) Костин

Министерство внутренних дел
Управление исправительных учреждений
Лагерное отделение
АВ-54

ПРИУЧАЙТЕ СЕРДЦА К РАЗЛУКЕ

Осиротила война

Ты нынче шел в Полку Бессмертном,
Шел вместе с нами наравне!
Шел в исполнении портретном,
Шел без винтовки – налегке...

Игорь Тюленев

Зотов Николай Петрович, 1905 г.р., д. Зотово Наберухинского с/с Очерского р-на. Призван в 1941 г. Командир отделения 254-го лыжного батальона. Убит в бою 5 марта 1942 г. Похоронен в деревне Боярщина Смоленской обл.¹

В 70-е годы газете «Знамя труда» была опубликована корреспонденция А. Волегова «Очерцы – в фонд обороны». В ней есть такие строки: «Ради нашей свободы и независимости, для защиты нашей любимой Родины мы отдадим не только продукты, вещи, но и жизнь, если этого потребует страна».

– Эти строки писал мой отец в 1941 году, – пишет жительница Очера Т. Одинцова. – Он отдал свою жизнь за наше счастье в марте 1942 года на 36-м году жизни, а в июне этого же года, после получения похоронной, не стало в живых и нашей мамы. Осиротели шестеро ребятшек в возрасте от 7 месяцев до 15 лет. <...> Я очень хорошо помню те дни, когда вещи для нужд Красной Армии приносили в наш дом. Мама была не только агитатором, но и сама принимала участие в сборе вещей, а вечерами с бабушкой вязала носки.

Из мальчишки-кузнеца Николай Зотов вырос до председателя завкома Очерского машзавода, а потом по зову партии в числе рабочих «двадцатипятитысячников» стал председателем колхоза «Урал» Наберухинского сельсовета. Первое время Николай Петрович находился в Бершетских лаге-

¹ Книга Памяти 1941–1945. Очерский район. – Т. 2. – С. 560.

рях. Обучал там молодых бойцов ходьбе на лыжах, хотя сам на них никогда не ходил. Он писал тогда маме:

«Танюша, очень тяжело обучать ребят, когда сам не умеешь – днем обучаю, а вечерами сам учусь». <...> Как же так, скоро война кончится, а я не побываю на передовой, что скажут колхозники, когда я вернусь».

Вскоре отец вместе со своими учениками ушел на фронт и погиб в бою 3 марта 1942 года под Смоленском.

Перед смертью вспомнил маму

Застрял в груди разорванный металл -
Врача такая рана не обманет.
И он подумав, медленно сказал:
- Солдата жаль... Недолго он протянет.
Николай Домовитов

Ломов Александр Федорович, 1922 г.р., д. Фоминск Очерского района; призван Очерским РВК; направлен в Горьковское училище зенитной артиллерии, мл. лейтенант, участник Сталинградской битвы, пропал без вести в 1942 г.¹ По другим данным – старшина 757 зенитного артполка, умер от ран 24.10.1942 г. в 602-м военном госпитале, похоронен в с. Песковатка Дубовского района Волгоградской обл. – прим. ред.

По сведениям Очерского райвоенкомата от 1948 года, комсомолец Александр Ломов читался пропавшим без вести в октябре 1942-го. Однако с большей долей вероятности следует считать, что он скончался от осколочных ранений живота в госпитале села Песковатка под Сталинградом.

Похоже, операционный стол он попал уже в бессознательном состоянии. Работники госпиталя не сумели точно записать данные умирающего воина. Видимо, 20-летнему очерцу было уже очень трудно говорить. Слова медики пытались разобрать на слух. Так, к примеру, Очерский стал Очур-

¹ Книга Памяти 1941–1945. Очерский район. – Т. 2. – С. 556.

ским, Фоминск – Фоминским. А маму Саша смог назвать только по имени, отчество прозвучало уже неразборчиво... Увы, подобная путаница довольно часто встречается в документах Великой Отечественной и она, учитывая обстоятельства, конечно, понятна и оправданна.

За 12 дней до своей гибели Александр Ломов успел отправить весточку родным:

«Здравствуй, дорогая мама и Нюра!

Шлю вам горячий красноармейский привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Спешу сообщить вам о себе. Я покуда жив и здоров. Со станции, где мы стояли, перешли в другое место. Более 200 километров шли пешком. Со станции я вам писал письмо без обратного адреса, так как адрес нам еще не давали, а потом адреса все менялись, и потому я вам долго не писал писем.

Вы, наверно, уже думаете, что я не живой, но покуда еще жив. Находимся недалеко от фронта. В бой еще не вступали, но скоро придется. Спим под открытым небом, под холодом, ветром и дождем. Только выроем себе конуры вроде землянок, но не успеем и ночи в них ночевать, как переходим на новое место.

Отцу писем не написал с тех пор как уехал из Путино. Все некогда. Чемодан свой продал за 33 рубля и за 4 сдобных пирожочка одной женщине, где мы жили и голодали. Если бы его не продал ... (далее неразборчиво). Жду ответа, ваш сын и брат. А. Ф. Ломов, 12.10.1942 г.»

До победоносного контрнаступления Красной Армии, после которого наступил коренной перелом в Великой Отечественной войне, остался месяц тяжелых оборонительных боев. Еще много таких парней, как Саша Ломов, поглотит Сталинградский молох...

Агния-пулеметчица

Восемнадцатилетнюю Агнию Ивановну Хайдукову из деревни Егорово призвали на фронт в 1942 году. Храбрая девушка воевала на Ленинградском фронте, ловко обращаясь с пулеметом. В одном из боев в сентябре 1943 ее ранило вражеской пулей, через несколько дней Агния скончалась в госпитале от ран. В архиве краеведа Маргариты Николаевны Мощениковой сохранились несколько писем, написанных однополчанами погибшей и адресованных ее матери.

5.10.1943 г.

Дорогая Александра Михайловна! Как тяжела утрата нашей боевой подружки, а также вашей дочери Агнии, которая наряду со всем народом Советского Союза, встала в ряды нашей доблестной Красной Армии для защиты нашей любимой Родины от немецких палачей, посягнувших на нашу землю!

Александра Михайловна! Мне хочется рассказать вам о смерти Агнии, как медсестре, которая ухаживала за нею. Прибыла Агния в наш госпиталь с тяжелейшим ранением в грудную клетку, с повреждением правой половины легкого разрывной пулей, слепое. Была операция, извлечены были осколки разрывной пули, было сделано нашими дорогими врачами, которые спасли сотни жизней советских воинов - все, для того, чтобы вырвать Агнию из рук смерти. Я провела несколько бессонных ночей, стараясь спасти Агнию, но все усилия спасти жизнь молодой патриотке, оказались напрасными. Состояние Агнии было настолько тяжело, что она не вынесла и скончалась 29.09.1943 г. Несмотря на тяжелейшее состояние Агнии, она мужественно переносила ту боль, которую нанесли ей наши враги. Мы похоронили Агнию на братском кладбище, у могилы ее поклялись отомстить за нее.

Дорогая Александра Михайловна, я знаю, больно вам переносить утрату своей любимой дочери Агнии, жаль и нам боевую подружку, которая уничтожила из своего пулемета несколько десятков фрицев. Но что сделать теперь, война — есть война. Прошу Вас особенно не расстраиваться. Таких, как Агния, сейчас сотни девушек, мужественных патриоток стоящих на посту, защищая Родину-мать. А мы каждый день будем мстить за смерть нашей любимой боевой подружки Агнии. С приветом, медсестра Алымова Фаина.

2 октября 1943 г.

Уважаемая Александра Михайловна! Немецко-фашистские разбойники напали на нашу любимую Родину и пытались уничтожить нашу великую

страну, поработить свободолюбивый героический народ истребив его передовую часть, они хотели заставить советский народ сесть на колени перед немецкими палачами. Наш народ, на призыв своего вождя великого Сталина ответил сплоченностью, единством и заявил: «Лучшие умереть стоя, чем жить на коленях!» Страна превратилась в общий военный лагерь. Весь народ поднялся на защиту своих прав, своей свободы, независимости, своей любимой отчизны. Миллионы мужчин и тысячи женщин стали под ружье. Страна оцетинилась итыками! Заработали заводы, фабрики, мастерские, кующие оружие фронту. Красные воины на фронте и весь советский народ в тылу стали несокрушимой стеной. Фашистским полчищам путь был прегражден. Красная Армия наносила удар за ударом по немецко-фашистским бандам, тем самым было приготовлено условие для разгрома немецких войск под Сталинградом, а потом, летом 1943 г. отразила наступление немцев. Наша Красная Армия на широком фронте перешла в наступление и за два с лишним месяца освободила тысячи сел, сотни городов и сотни тысяч советских людей из под немецкого рабства. Воины Красной Армии, мужественные, бесстрашные бойцы и офицеры истребляют немецких гадов и их технику.

Дорогая Александра Михайловна! Вместе с тысячами советских девушек-патриотов в ряды нашей славной Красной Армии вступила и Ваша дочь Агния. Страна и Красная Армия гордятся такими бесстрашными и мужественными патриотками, как Агния, а их у нас тысячи. Агния находясь в Красной Армии показала себя преданной дочерью своей матери-Родине. Она бесстрашный пулеметчик. Уничтожила своим грозным оружием десятки немецких гадов. В одном из боев пуля врага тяжело ранила нашу любимицу Агнию. Находясь в госпитале с тяжелым ранением, медицинский коллектив полевого госпиталя сделал все, чтобы облегчить страдания Агнии и спасти ей жизнь. Но увы! Ранение настолько было серьезным и тяжелым, что наши усилия были тщетны.

30 сентября в 20 часов Агния скончалась. Я с ней очень много говорил 29 сентября, она была в хорошем настроении, рассказывала о семье, об учебе. Не смотря на тяжелое ранение Агния не издала ни одного стона находясь в госпитале. Я восхищался мужеством этой патриотки. 1 октября мы схоронили Агнию на братском кладбище. Похороны были организованы очень хорошие. Сделан гроб, обитый красной материей. Одета в военный костюм, Агния лежала как живая. В гробу цветы. Над могилой поставлен памятник, а девушки медсестры возложили венок на могилу нашей

общей любимицы. Был дан трехкратный залп – салют взвода снайперов, как прощание девушек-воинов со своей лучшей подругой.

Вы мать Вашей дочери, я вполне понимаю Ваше чувство, разделяю Вашу боль и эту невосполнимую утрату. Но я призываю Вас крепиться! Война с немецкими палачами – благородная, возвышенная. Цель освобождения нашей земли от немецких разбойников требует жертв. Героев, павших смертью храбрых в боях за свой народ, свою Родину, наши люди, целые поколения людей будут чтить их память, их образ будет вдохновлять наших людей на борьбу со всеми врагами нашей Родины!

От имени всего личного состава нашей части, я выражаю соболезнование Вам, уважаемая Александра Михайловна. Мы поклялись на могиле Агнии отомстить немецким бродягам за смерть любимой Агнии. Настал грозный час расплаты. Красная Армия изгоняет фашистов с нашей родной земли. Смерть немецким захватчикам!

С приветом: Зам. командира по политчасти капитан: (подпись)

Пишите мне по адресу: 83320 полевая почта, Бежавскому К. И.

Береги себя и ребят

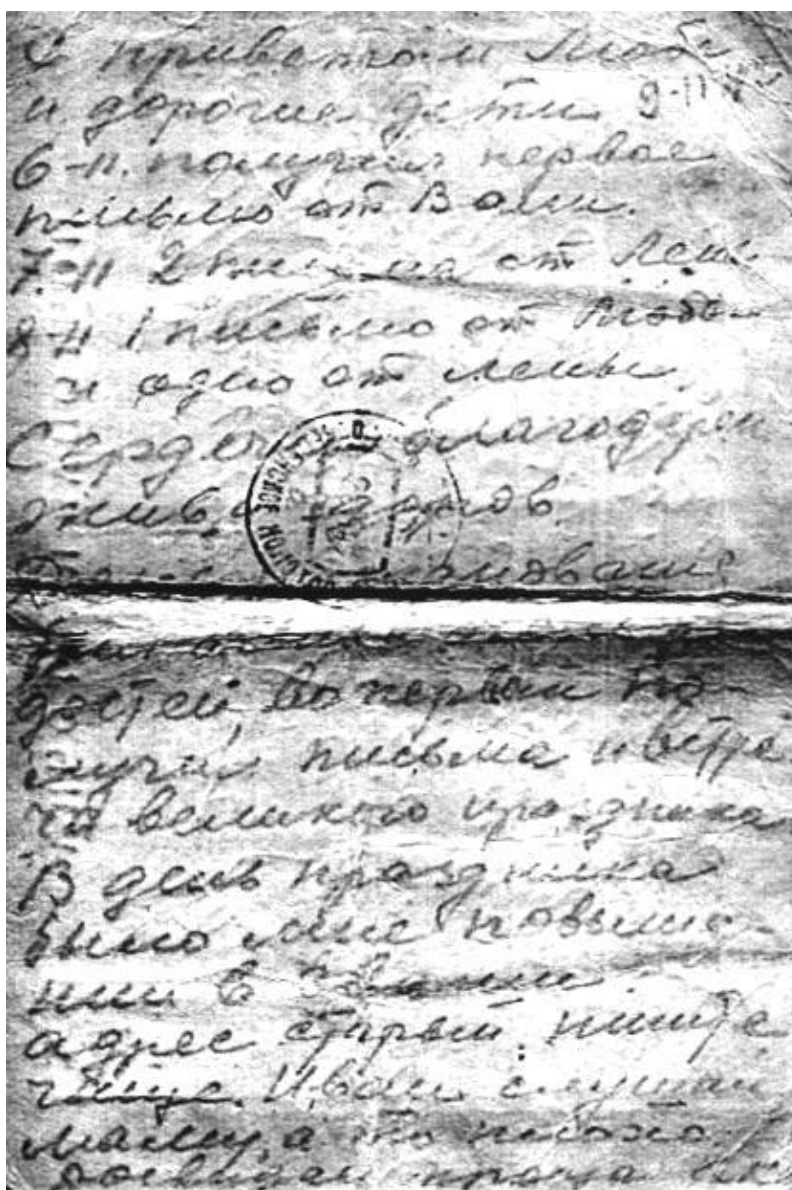

Кузьма Ксенофонович Колоколов, уроженец деревни Калинино Наберухинского сельсовета, уходя на фронт в сорок первом, оставил большую семью: жену и восьмерых детей. Дети регулярно писали отцу письма на фронт, он сердечно благодарил, писал, что жив-здоров, получил повышение. Недолгой оказалась эта переписка.

Старший лейтенант 515-го стрелкового полка 134-й стрелковой дивизии погиб в бою 4 декабря 1942 года, похоронен в деревне Черены Бельского района Смоленской области. Перед своим последним боем он, словно что-то предчувствуя, написал жене Любове Ивановне письмо в стихах, посвященное дочери:

Валя, дорогая, милая дочь,
Во сне тебя видел в сегодняшнюю ночь.
Глазки зажмурены, ротик открыт,

Волосы длинные, лобик закрыт.
«Папка! – вскричала. – На вовсе иль нет?»
Взял я ей в руки насыпал конфет.
В огороде полянка, цветочки цветут,
К мостику шумно ребята бегут.
Люба стирала бельё на крыльце,
Легкий румянец выиграл на лице.
Голос дежурного прозвучал,
Открывая глаза, одеваться начал.
Люба, береги себя и ребят...
Прощайте.

Погиб, спасая Ленинград

Редееет строй дивизии пехотной,
Не дрогнем и назад не побежим...
Мы, как патроны в ленте пулеметной,
В могиле братской рядышком лежим.

Николай Домовитов

Наберухин Петр Васильевич, 1909 г.р., д. Наберухи Очерского р-на. Призван 1941 г. Старший сержант, командир отделения связи 258-го легкого артполка (в последствии - 428-го Гвардейского. – прим. ред.) Погиб в бою 6 марта 1943 г. Похоронен в Синявинском р-не Ленинградской обл¹.

Более ста очерцев погибло в боях под Ленинградом. Многие из них пали зимой-весной 1943 года на Синявинских высотах при прорыве блокады: Гурий Носов из Павловского, Алексей Тиунов из д. Третьяки, Игнатий Токарев из с. Токари, Павел Бурдин из д. Низовская, Григорий Вдовин из Очера, Никон Карнаухов из д. Аршиново, Илья Родин из д. Короли, Яков Шестаков из д. Пурга... Ценою своих жизней наши земляки спасли сотни тысяч обреченных Гитлером на неминуемую смерть ленинградцев – женщин, детей, стариков.

258-й артиллерийский полк, в котором воевал старший сержант Петр Наберухин, нес большие потери, потому что находился в самой гуще боев – поддерживал огнем наступающую пехоту, подавлял огневые точки противника и уничтожал его танки.

Наберухин, как и положено коммунисту, был всегда и во всем впереди и за это пользовался заслуженным авторитетом у бойцов. Когда он погиб, его подчиненные сильно переживали и поклялись жестоко отомстить врагу за своего командира. Они написали его жене, что Петр Васильевич погиб не зря, однако все равно не было предела горю для Устиньи Кирилловны, потерявшей дорогого сердцу человека...

«Отвечаю на Ваше письмо, адресованное Петру Васильевичу, в котором описываете ему свою жизнь. Но ему все Ваши жалобы не доходят, он уже на том свете, на этом его нет. Его убило 6 марта, и его похоронили командой, но не тоскуйте, либо не он один умер во славу и за Родину. Наглый враг навязался на нашу страну, но мы ему все же мстим за нашу кровь, гоним его со своей земли. Когда Петра убило, то он, как командир

¹ Книга памяти 1941-1945. Очерский район. – Т. 2. – С. 559.

отделения связи, оставил нас, свою команду. Но я заменил его. Получив Ваше письмо, решил описать о смерти Вашего мужа Петра Васильевича. Так жаль его, но ничего не поделаешь. Его ударило снарядом, оторвало обе ноги и еще ударило в живот, и жил он всего минуты две и скончался.

Устинья Кирилловна, не тоскуй и не журишь, ибо наша судьба такая всем там быть, только видно не время. Пусть его детишки живут и гордятся, что папа погиб за честь и за свободу Родины, как славный героический преданный коммунист большевистской партии. За тем до свидания, его заместитель отделения связи Черненко Григорий Васильевич.

Ответ писан 23 марта 1943 года. Ваше письмо получил 22-го вечером, в 8 часов. Полевая почта 29025».

Н.И.О. СССР.
= 256 =
француз - ...
Удостоверение по п. 24.
18 марта 1943 г.
ст. 72.

Извещение
Ваш отец старший сержант
Наберучий Петр Васильевич
Удостоверение о смерти
Офицера Рамон Наберучий
с. Наберучий в Бое за
социализма Француз Верно
вместе с присягой проявил героический
мужество
в борьбе против немецких оккупантов
героически погиб при выполнении
боевого задания 7 сентября 1943 г.

по поручению Командармского отдела
смирновский Рамон Леван Сергеев.
В честь с.
Настоящим извещением объявляю
для возбуждения наградного дела
при Н.И.О. СССР

Назначен 258 А.А.П.
с.м.с.р. /Вашин/
Назначен Саркисар Ли Назарович

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Агеев Кузьма Лазаревич 16-17

Агеев Лазарь Петрович 11,

Агеев Леонид (Леонтий) Лазаревич 17-23

Агеев Никон Лазаревич 11-13

Агеев Филарет Лазаревич 14-16

Агеева Александра Васильевна
(Ивановна) 11

Агеева Анисья Лазаревна 12,17

Агеева Любовь 20

Азанов Леонид 170

Арбузов Александр Александрович 36-45, 144

Балуев Аркадий 152

Баталов Антип Яковлевич 170

Башко Дмитрий Антонович 153

Безматерных Григорий Федорович 115-117

Безматерных Фаина Андреевна 116

Богатырев Дмитрий Николаевич
152

Бородин Алексей Павлович 171

Бояршинов Семен Егорович 152-
153

**Бояршинов Сергей Иванович
161-165**

Бояршинова Анна Александровна
161-165

Бубнов Петр 153

Бурдин Владимир Андреевич 191

Бурдин Павел 219

Бурдина Ганна 153

Бурчак Григорий 153

Бушуев Иван Иванович 8-10

Вдовин Григорий 219

Верная Муня 120

Гаридулич Николай Родионович 44

Гладков Гавриил Федорович 171

Давыдов Григорий 120

Деменев Николай Александрович

Дозорова Александра Яковлевна
151, 153, 155

**Дуняшев Владимир Емельяно-
вич 156-160**

Дуняшева Елизавета Николаевна
159-160

**Евдокимов Федор Евдокимович
170-172**

Евдокимова Анна Павловна 171-
172

Елизаров Павел Иванович 153

Жмулевская Ефросинья Кириллов-
на 153

Жмулевский Федор Кириллович
153

**Зотов Николай Петрович 212-
213**

Игнатьев Виктор Васильевич 44
221

Казымов Николай Михайлович 191

Карнаухов Никон 219

Касьянов Алексей Яковлевич 208

Касьянов Павел Алексеевич 209

**Касьянов Сергей Алексеевич
208-211**

Касьянова Афанасья Васильевна
208

Коваленко Федор 152

**Колоколов Кузьма Ксенофонто-
вич 217-218**

Колоколова Валентина Кузьмовна
217-218

Колоколова Любовь Ивановна 217-
218

Колчанов Константин Петрович
199

Костылев Федор Прокопьевич 171

Косых Александр Иванович 194

Кочергина Олимпиада 204

Кулындышев Иван Георгиевич 173

Куручка (Пискарева) Галина Васи-
льевна 153

Левченко Николай 153

Леонтьев Алексей Петрович
152,154

Логвин Владимир Петрович 153

**Ломов Александр Федорович
213-214**

Матюха Дмитрий Макарович 151,
154

Матюха Иван Макарович 153

Мишланов Геннадий Александро-
вич 170

Могила Мария 153

Мокрушин Мокей Андреевич 12,
14, 22

**Мокрушин Федор Александро-
вич 83-90**

Мокрушина (Агеева) Мария Лаза-
ревна 11-23

**Наберухин Петр Васильевич 219-
220**

Наберухина Устинья Кирилловна
219

Наркевич Леонид Гаврилович 153

Негашев Иван Степанович 24, 33

**Нецветаев Александр Василье-
вич 176-190**

Нецветаева Вера 178, 180, 188-190

Нецветаева Муза Александровна
189

Нецветаева Руфина Александровна
187

Новиков Аркадий Абрамович 26

Носков Александр Степанович
173

Носков Константин Иванович 171

**Носков Николай Михайлович
118-119**

Носов Гурий 219

Нохрин Николай Павлович 170

Пепеляев Дмитрий 91-92

**Пепеляев Евгений (Евтихий)
Петрович 91-95, 114, 208**

Пепеляев Яков Романович 153

**Пискарев Петр Иванович 95, 96-
103**

Пискарева Клавдия Федоровна 99,
101-103

Поносов Григорий 170

Поносов Карп Иванович 152

Попов Иван Маркелович 170

Попов Николай Сергеевич 173

Попов Петр Григорьевич 173

Путин Илларион Лукич 173

**Рейц Василий Францевич 143-
147, 199**

Рейц Владимир Францевич 144,
146

Ривьера Иван Трофимович 151-152

Родин Илья 219

Родин Семен Михайлович 170

**Россомагин Константин Влади-
мирович 46-49**

Россомагина Лидия Георгиевна 47-
48

Рудаков Дмитрий Михайлович 152,
154

Рязанов Николай Иванович 45, 47,
99, 149

Семашко Афанасий Афанасьевич
170

Скобельцына Александра 152

Смирнов Александр 153

**Соколов Владимир Михайлович
24-35**

Соколов Геннадий Михайлович 30

Соколов Леонид Сергеевич 35

Соколова Клавдия Ивановна 25-35

**Соромотин Кронид Алексеевич
197-202**

**Соромотин Петр Алексеевич 197,
202-207**

Соромотина Александра Алексе-
евна 197-207

Спехов Федор Яковлевич 166-169

Спехова Александра Алексеевна
167-168

Степанченко Андрей Григорьевич
153

Таран Александр Иванович 153

**Тетенев Константин Павлович
133-142**

Тиунов Алексей 219

Тиунова Валентина Ильинична 126

Тиунова Татьяна Ивановна 123

Токарев Игнатий 219

Трушко Надежда Прокофьевна 130

**Усанин Василий Михайлович
148-150**

Усанин Михаил Поликарпович 148

Усанина Лидия Николаевна 148-149

Усанина Устинья Федоровна 148

Федорова Наталья 120

Филатов Михаил Иванович 118, 120-121

Филин Сергей Егорович 152, 154

Хайдукова Агния Ивановна 214-217

Хайдукова Александра Ивановна 215-217

Хренов Аркадий Федорович 101, 104-114, 146, 174

Хренов Борис Аркадьевич 112

Хренов Петр Аркадьевич 112

Чазов Виктор Михайлович 191-196

Чазов Герман Георгиевич 93

Чазова Ольга Петровна 191-196

Чашин Вениамин Васильевич 153

Чашина Татьяна Ивановна 151, 155

Челпанов Петр Иванович 152

Черноглаз Леонид 121

Чечулин Петр Леонтьевич 153

Чмелевский Григорий Михайлович 152

Чудинов Дмитрий Николаевич 153

Шайдуров Леонид Александрович 50-76

Шардаков Александр Ильич 123

Шардаков Алексей Николаевич 78

Шардаков Василий Михайлович 170

Шардаков Игорь Александрович 122-132

Шардаков Илья Тимофеевич 123

Шардаков Леонид Николаевич 77-82

Шардаков Михаил Васильевич 33

Шардаков Николай Петрович 79

Шардакова (Соколова) Маргарита Игоревна 131-132

Шардакова Александра Ивановна 80

Шахтаров Константин Иванович 173-175

Шахтаров Павел Иванович 80, 174

Шевченко Оксана 120

Шестаков Яков 219

Шилов Иван Федорович 33

Юрков Иван Степанович 170

При написании этой книги были использованы опубликованные материалы Максима Алексеевича Шардакова, Евгения Петровича Пепеляева, Бориса Петровича Бурдина, Николая Ивановича Рязанова, Алексея Александровича Дубровина, Николая Емельяновича Бесстрашникова, Маргариты Николаевны Мощениковой. Автор-составитель благодарит за содействие и предоставление информации МАУК «Центральная библиотека Очерского городского округа» и директора С. А. Афанасьеву, МАУК «Очерский краеведческий музей им. А. В. Нецветаева» и директора Дерендяеву Татьяну Николаевну, редакцию газеты «Очерский край», Пермскую краевую газету «Звезда».

